

Б.А. СЕМЕНОВКЕР

*Эволюция информационной
деятельности*

Рукописная информация. Часть 1

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Б.А. Семеновкер

**ЭВОЛЮЦИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**РУКОПИСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
ЧАСТЬ 1**

Москва
Издательство
«ПАШКОВ ДОМ»
2009

Б.А. Семеновкер

ПИСЬМЕННОСТЬ

•

ПИСЬМЕННОЕ ЗНАНИЕ

•

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПИСЬМА

•

НАДПИСИ

•

ДОКУМЕНТЫ

•

КНИГИ

•

ОБРАЗОВАНИЕ

•

СРЕДСТВА СВЯЗИ

УДК 070
ББК 76
С 30

Семеновкер Б.А.

С 30 Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 1 / Б.А. Семеновкер ; Российская гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2009. — 248 с. — ISBN 978-5-7510-0440-8

Агентство СІР РГБ

Первая часть «Рукописной информации» — продолжение проекта «Эволюция информационной деятельности». Эта часть научного исследования известного ученого в области книжного дела и библиографии Б.А. Семеновкера посвящена развитию письменности до изобретения книгопечатания, материалам для письма, истории книги, ее создания, распространения и коллекционирования, истории документов и надписей, образованию, средствам связи.

Книга предназначена для специалистов по всем видам информационной деятельности, а также широкого круга читателей, которых интересует развитие человечества.

**УДК 070
ББК 76**

ISBN 978-5-7510-0440-8

- © Семеновкер Б.А., 2009
- © Покатов В.В., художественное оформление, 2009
- © ФГУ «Российская государственная библиотека, издательство «Пашков дом», 2009

ВВЕДЕНИЕ

С появлением письменности в информационной деятельности наступила эпоха рукописной информации. В ее исследовании продолжает применяться эволюционный подход, который представляет в свернутом виде систематизированные показатели ее исторического развития.

Изучение истории рукописной информации имеет большое значение для понимания современного состояния информационной деятельности. Это объясняется ее способностью сохранять достижения предшествующих этапов развития, что было показано при анализе эволюции информационной деятельности в бесписьменном обществе. После изобретения книгопечатания рукописную информацию начали рассматривать как «традиционную», т. е. несовременную. Но появился Интернет, и некоторые особенности рукописного состояния информационной деятельности вновь стали актуальными, а полиграфическая информация нередко именуется «традиционной». В настоящее время трудно предсказать, как изменятся приоритеты в информационной деятельности через 100—200 лет, но можно с определенной долей уверенности предположить, что информационные потребности общества будут и далее удовлетворяться за счет достижений, накопленных в течение всего хода исторического развития.

Структура исследования рукописной информации обусловлена задачами, фактографическим материалом и полученными результатами. Прежде всего в работе обозначены границы исследования (письменность и книгопечатание) и определены особенности письменного знания, которое стало основой всех форм рукописной информации. В первой

части последовательно рассматриваются материалы для письма (носители информации, чернила и краски, орудия письма), документы и книги во всем многообразии их проявлений в информационной деятельности, образование как средство передачи информации от поколения к поколению и средства связи. Вторая часть серии будет включать эволюцию архивов, библиотек и музеев и третья часть — библиографию как венец информационной деятельности в рукописный период.

В определенной мере частью информационной деятельности являются также изобразительные искусства, музыка, танец и театр. Это было отмечено ранее, в той части исследования, которая касалась бесписьменного общества. Из бесписьменного общества они перешли в последующие фазы развития, но их рассмотрение с точки зрения информационной эволюции требует специального изучения. В настоящей работе отмечается лишь их присутствие в эволюционном процессе со времени бесписьменного общества.

Расположение материалов определяется очередностью их появления в информационном поле. Например, документы возникли раньше, чем книги, и соответственно архивы — раньше библиотек. Это нашло отражение в структуре исследования.

Необходимо также отметить, что история древней и средневековой книги настолько часто пересказывалась, что затруднительно называть первоисточники и соответственно снабжать каждый факт ссылками. Многие сведения переходят из одной истории книги в другую и постепенно стали «общим знанием». Они оформляются ссылками только в особых случаях. В остальном источниками информации в общепринятом порядке являются труды, включенные в список литературы.

ГЛАВА 1

Письменность и письменное знание как основа рукописной информации

*Возникновение письменности —
нижняя граница исследования*

В предисловии к монографии Д. Дирингера «Алфавит» И. М. Дьяконов определяет письменность как «фиксацию человеческой речи для передачи ее в целях общения на расстоянии и во времени с помощью системы начертательных обозначений» (22, с. 6). К письменности относятся не только буквы, но и цифры, формулы, музыкальные ноты и чертежи (118, с. 20), но главное в ней — соответствие человеческой речи. В этом проявляется ее связь с бесписьменным обществом. Письменность — это представление речи в визуальной форме. Когда речь стала видимой, она послужила основой рукописной информации.

Появление письменности является нижней границей рукописного периода в развитии информационной деятельности. Естественно, что она же служит верхней границей для бесписьменного общества. Поэтому вопрос о появлении письменности был кратко рассмотрен в предшествующей книге «Бесписьменное общество» (72). В настоящей работе проблему нужно представить более детально. Если для бесписьменного общества появление письменности — это граница, до которой оно существует, то для рукописной эпохи письменность — начало и основа развития.

Письменность и письменная информация знаменуют появление того состояния человечества, которое именуется цивилизацией. Письменность отделяет первобытность от классической древности, с которой начинается современная история. Письменная информация отчуждается от своих создателей и начинает существовать независимо на протяжении веков и тысячелетий. Поэтому письменность остается фундаментом цивилизации до настоящего времени.

Письменность и рукописная информация возникли, когда звуковая речь перестала быть достаточной для передачи информации на расстояние и ее закрепления во времени (26, с. 13, 25). Письмо расширило возможности речи в процессе общения и, кроме того, привело к созданию памятников письменности, т. е. возникла новая форма и область общения людей (48, с. 22). М.Н. Куфаев писал, что «письмо убивает слово», т. е. письменная информация заменяет устную (40, с. 120). Это не вполне справедливо. Информационная деятельность сохраняет собственные достижения, но они занимают свое место в обществе в зависимости от исторических условий.

Еще одной важной особенностью письменной информации является необходимость ее материального и технического обеспечения (147). Так, для создания рукописной информации нужны были материалы для письма, а в дальнейшем для полиграфической и техногенной информации понадобились печатные машины и компьютеры. Без этих технических средств письменность бесполезна, а письменная информация не может существовать. Поэтому изучение материальных и технических средств необходимо для понимания эволюции информационной деятельности.

Значение письменности для человечества нашло отражение в том, что у многих народов ее изобретение считалось священным. В древнем Египте письмо считали божественным откровением. Покровителем письма был Тот — бог луны и мудрости. Решения совета богов сопровождалась канцелярской формулой: «Ра изрек, и Тот записал» (2, с. 11, 17). В древнееврейской традиции изобретателем письменности считался Моисей, а все буквы сакральных текстов были пересчитаны, и каждая могла иметь особое таинственное значение (22, с. 31). В Китае изобретение и систематизация письменных знаков приписывались секретарям легендарного Хуан-ди (буквально «Желтый император») Цан Цзе и Цзюй Суну, которые назывались «цзы шэнь» — «боги письменности» (22, с. 131).

В отличие от восточной традиции в древней Греции письменность и соответственно рукописная информация не считались сакральными. Олимпийцы не изображались с письменными принадлежностями. В Афинах отсутствовал бог письма типа Тота. В этом проявился примат человека над религией. Грамотность у греков не была священной. Она была необходима для общего развития личности (2, с. 12—13).

С появлением письменности хранителем и передатчиком информации стал письменный текст, а не человек. В этом главное отличие рукописного периода от бесписьменного. Письменное слово бестелесно. Между автором текста и читателем возникает барьер. Он делает невозможным непосредственное общение между ними. С другой стороны, письменный текст, который отделился от своего источника, становится достоянием всего общества, и на его основе возможен обмен информацией между всеми его читателями. Как выразился М.Н. Куфаев, *«автор, отдаляясь от своего творения, когда последнее материализуется в книжной форме и становится „вещью“, все более и более приближается через это самое к человечеству»* (40, с. 110, курсив М.Н. Куфаева).

По мнению многих специалистов, история письма начинается с пиктографии. Схематично процесс эволюции можно представить в виде следующей цепочки: предмет — его изображение — рисунок — идеограмма — силлабический знак — буква (47, с. 31). На раннем этапе иероглиф был подобен пиктограмме. Это отчетливо видно в надписях на костях в Китае. Подавляющая часть иероглифов в них — пиктограммы. Один и тот же иероглиф может иметь более десяти различных начертаний. Одни иероглифы — сложные, близкие к «картинкам», другие — простые, состоящие из нескольких черт. Все это дает основание предположить, что эти надписи были сделаны вскоре после изобретения письменности в Китае (46, с. 16). В конечном счете письменный знак, а в алфавитных системах буква, вытеснили пиктограмму. Более того, в некоторых письменных системах рисунок стал противопоставляться букве. Так, запрет на изображе-

ние бога в виде человека в иудаизме и исламе уравновешивался выразительностью «квадратных» литер и «куфического» алфавита (2, с. 13).

Появление письменности было кратко рассмотрено в книге о бесписьменном обществе. С тех пор на протяжении всей истории развития цивилизации были созданы тысячи систем письменности для тысяч языков и народов, и в подавляющем большинстве случаев момент появления национальной письменности признается за точку отсчета в развитии национальной культуры.

Наиболее древними системами письма являются египетские иероглифы и месопотамская клинопись. Они возникли не ранее середины IV тысячелетия до н. э. До сих пор не решен вопрос о том, какая из них более древняя. Во всяком случае к 3000 г. до н. э. обе системы уже существовали (22, с. 35, 78—80; 26, с. 128—129). С этого начинается отсчет времени для рукописной информации. О китайском письме ничего не известно до II тысячелетия до н. э., хотя традиция относит изобретение письменности к V тысячелетию до н. э. Х.Г. Крил расценивает это утверждение как безусловную легенду. Самыми ранними свидетельствами существования письменности в Китае являются надписи на костях, которые датируются XIV в. до н. э. Равно неубедительны попытки доказать, что письменность пришла с Запада: из Египта и Месопотамии (105, с. 33—35). В Индии первые надписи цивилизации Мохенджо-даро и Хараппы датируются III—II тысячелетиями до н. э. После гибели этой культуры возник перерыв до III в. до н. э., к которому относятся самые ранние из известных письменных памятников индийских видов письма — наскальные эдикты Ашоки¹ (66, кн. 2, с. 9—12). На американском континенте старейшая надпись майя, дошедшая до нашего времени, относится к 320 г. н. э. (153, с. 14).

¹ Ашока (268—232 гг. до н. э.) — третий правитель империи Маурьев, которая возникла после вторжения Александра Македонского в Северную Индию.

Особое значение для эволюции информационной деятельности имело изобретение алфавита семитами Палестины и Сирии. От него произошли все алфавиты прошлого и настоящего времени (22, с. 257—260). Греческий алфавит возник скорее всего в XI в. до н. э., а самые древние из обнаруженных греческих надписей относятся к первой половине VIII в. или даже к концу IX в. до н. э. (22, с. 525). Дальнейшее развитие алфавитного письма было повсеместным, в том числе во всех странах христианской и мусульманской культуры.

Изобретение различных систем письма продолжалось вплоть до XX в. н. э. В качестве примера можно привести создание письменности бамум, которая была изобретена Нджоей, султаном бамумов в Камеруне (ум. 1932 г.). Особенность этой письменности заключается в том, что в своем развитии (реформы в 1907—1918 гг.) она сначала была пиктографической и идеографической, затем слоговой и с 1918 г. чисто фонетической, алфавитной, т. е. в ней нашла отражение вся эволюция письменных систем (22, с. 185—187).

При отсутствии собственной письменности в информационных целях мог использоваться другой язык. Например, в Армении до изобретения собственного алфавита важные документы писали на арамейском языке, который был своего рода *lingua franca* для стран Ближнего Востока того времени (66, кн. 1, с. 146). И до, и после арамейского языка некоторые языки получали международный статус. В качестве примера можно привести арабский и персидский языки в мусульманском мире, латинский язык в средневековой Европе, русский язык для народов СССР и английский язык для всего мира.

Для более полного представления о различных системах записи, которые возникли в древности и сохранились до настоящего времени, необходимо отметить музыкальную нотацию, запись танцевальных и других движений, все виды изобразительного искусства, научно-техническое иллюстрирование и черчение, картографию и др. (см., например, 160, с. 183—275).

Основными стимулами возникновения письменности были хозяйственные нужды и появление государства. Оба фактора взаимосвязаны. Усложнение хозяйства с его информационными потребностями способствовало возникновению государства, а государство в свою очередь не могло нормально функционировать без хозяйственной документации.

В качестве примера можно привести древнюю Месопотамию. Из 300 тыс. глиняных табличек Шумера, которые дошли до нашего времени, 95% относятся к различным хозяйственным вопросам (136, с. 21). Многие из них были документами о различных сделках, продаже, покупке и передаче земли. Высказывалась даже аргументация, что письмо выросло из счета и является своего рода ответвлением математики (124, с. 30). Хозяйственными субъектами были в первую очередь правители и храмы, но также и частные лица. Поэтому первичными знаниями, которые передавались в школе, были письмо и счет, т. е. то, что нужно для хозяйственной деятельности. Традиция сохранилась до настоящего времени, что сказывается, в частности, на содержании задач по арифметике в начальной школе. В древнем Египте обучение тоже было ориентировано на достижение чисто практических целей с хозяйственной направленностью (19, с. 180, прим. 20).

Факт совпадения возникновения письменности с появлением государства отмечают многие исследователи (см., например, 26, с. 100, 102—104, 109—111, 116 и др.). Концентрация всей полноты власти у монарха сделало создание письменной информационной деятельности абсолютно необходимым для фиксации событий и делопроизводства. Письменность создала одно из важнейших условий для функционирования государства и его последующего развития. С течением времени она стала одним из необходимых компонентов государственности, объединения различных народов в единую организационную и культурную общность.

Написанное слово, созданное в государственной канцелярии, имело особый вес. Понятия «грамотный человек» и «чиновник» были синонимами. Так, в Китае уже на самой ранней стадии развития государства значительная часть чиновников занималась именно «писчей» деятельностью, т. е. созданием и распространением рукописной информации (36, с. 92). В Японии потребность в письменности резко увеличилась с середины VII в., когда правящая элита взяла курс на построение государственности по китайскому образцу в соответствии с детально разработанными правилами оформления документации. Письменные средства коммуникации стали основными средствами управления (48, с. 106, 323). В государствах Малакки до появления европейцев письменность использовалась исключительно для составления документов, имеющих государственное значение (138, с. 244).

После арабских завоеваний в мусульманских странах в канцеляриях воцарился арабский язык, и без его знания невозможно было стать чиновником (14, с. 88). В средневековой Европе древнейшей была папская канцелярия. По ее образцу были организованы императорские, королевские и епископские канцелярии по всей Европе (29, с. 50-51). Для Карла Великого письменные средства управления были необходимы для того, чтобы во всем французском королевстве чувствовали его власть (44, с. 45). С той же целью венгерский король Бела III ввел письменность как обязательный элемент в работе королевской канцелярии (106, с. 269). Правители предпочитали письменную форму управления.

Укрепление письменной основы государственной власти объяснялось также увеличением роли закона и права. В государстве право стало письменным. В древности кодификация законов получила широкое распространение как на Ближнем Востоке, так и в других регионах. Это в свою очередь привело к созданию текстов на различных носителях, в том числе на твердых: каменные стелы, медные диски и т. п. (48, с. 47). Цель перевода законов в письменную форму была связана и с необходимостью заменить устные зако-

ны и обычаи в соответствии с изменившейся формой правления (53, с. 237). Характерно, что в Месопотамии переход с шумерского языка на аккадский в первую очередь привел к тому, что на аккадском языке стали писать именно законы и царские надписи (53, с. 50). Аналогично в Европе в раннем средневековье первыми после Священного Писания были записаны законодательные своды варварских государств (52, с. 445), т. е. они были стимулами для введения письменной формы информации.

Потребность в создании надписей, прославляющих дела правителей, послужила еще одним важным стимулом для появления письменности. Это явление наблюдалось повсеместно и в конечном счете привело к возникновению летописей, т. е. исторических записей о важнейших событиях государственной жизни. В качестве примера можно привести Китай, где уже в достаточно глубокой древности иероглиф *ши* (одно из значений «история») входил в состав обозначений различных чиновничьих должностей. Этот иероглиф связан с написанием и хранением книг, и его наличие в названиях титулов свидетельствует о важности, которую придавали историческим записям при ведении государственных дел (36, с. 83—85, 379, прим. 20).

Наконец, важнейшим стимулом для возникновения письменности были потребности религии и магии. Жрецы наравне с правителями стали первыми, кто оценил возможности письменной информации. «Письмо следовало за религией» в условиях, когда возникала необходимость в закреплении обязательных догматов в строгой неизменной форме. На религиозной почве письменность стала одним из орудий информационной стабильности. Поэтому неоднократно в истории письменности ее изобретение у различных народов было связано с необходимостью записи священных книг. Наиболее известным примером является связь европейского и арабского шрифтов со священными книгами иудаизма и ислама. В IV в. н. э. для закрепления правильного чтения Авесты был создан усовершенствованный алфавит (87, с. 139—145). В III—IV вв. в Египте переводчики Свя-

щенного Писания с греческого языка на египетский создали коптскую письменность (66, кн. 1, с. 22—23).

Аналогично в Армении и Грузии необходимость закрепления текста Библии на национальных языках привела к созданию алфавитов, в которых в отличие от исходных греческого и арамейского языков отразились графические элементы местного искусства, архитектурного орнамента и узоров на тканях. Характерно, что кавказские албанцы, в XI—XII вв. принявшие ислам и усвоившие тюркский язык, утратили свой национальный алфавит, который был создан одновременно с армянским и грузинским алфавитами (14, с. 81—82; 66, кн. 1, с. 148—149, 178—179). Славянская письменность возникла после принятия христианства в IX—X вв. Традиция связывает это с именами византийских миссионеров Константина-Кирилла и его брата Мефодия. Первой славянской книгой был перевод Кириллом с греческого языка так называемого Изборного Евангелия (14, с. 49—51).

В Китае одной из причин возникновения письменности была необходимость общения с умершими и возможно с некоторыми богами. В отличие от живых людей с ними можно было общаться только в письменной форме. Эти сообщения писали и потом сжигали, как любое другое жертвоприношение. Дым должен был донести послание до небес, местожительства мертвых. С глубокой древности до настоящего времени Китай предоставляет примеры того, что с точки зрения китайцев с духами нельзя говорить, но им можно написать. Так, в сочинении «Го юй» («Речи царств»), которое датируется концом периода Борющихся царств (V—III вв. до н. э.), приводится история о том, что во дворце одного из императоров династии Ся появились два необыкновенных дракона, которые объявили себя бывшими правителями небольшого государства Бао. Император хотел умертвить их, но гадание оказалось неблагоприятным, и после дальнейшего гадания решили обратиться к драконам с просьбой дать свою слюну для последующего ее сохранения. Духам написали письмо на бамбуковой дощечке. Пос-

ле этого они исполнили просьбу, отхаркнули слюну и исчезли. Влияние этой слюны на судьбы всех трех древних династий показано в «Исторических записках» Сыма Цяня (глава 4. Основные записи [о деяниях дома] Чжоу) (79, т. 1, с. 201—203; 105, с. 37). Более современный пример относится к XX в. При церемонии открытия конференции по проблемам финансов, которую правительство проводило в Нанкине, было зачитано и затем сожжено в качестве жертвенного приношения послание Сунь Ят-сену (105, с. 36). К той же категории относятся ритуалы гаданий на костях животных и панцирях черепах шанского времени.

Переход от бесписьменной к рукописной информации

В результате появления письменности возникла письменная информация, позволившая передавать человеческую мысль на расстояние и сохранять ее в течение длительного времени. Письменная информация дополнила устную, изобразительную и музыкальную, которые существовали со времени бесписьменного общества.

Переход с устной информации на рукописную отнюдь не был безболезненным. В Афинах во времена Сократа письменную форму информации считали смехотворной. Аристотель в «Облаках» жестоко высмеивал афинских интеллектуалов 20-х гг. V в. до н. э. за их пристрастие к книгам. Сократ, излагавший свои мысли в устных беседах, не оставил после себя письменного наследия, и его идеи были изложены в произведениях его учеников (Платон, Ксенофонт), противников (Аристофан), а также более поздних авторов (Аристотель). С другой стороны, хотя Платон был против письменной информации, свои аргументы он изложил в письменной форме, и благодаря этому они дошли до нашего времени.

С.С. Аверинцев описал время, когда устная и письменная информация соперничали друг с другом: «Классиче-

ская греческая литература не столько написана, сколько записана. Она условно зафиксирована в письменном тексте, но требует реализации в устном исполнении... Речь подлежит публичному произнесению наизусть, а ее письменный текст — лишь подсобный набросок, нечто вроде партитуры. Вероятно, греки тех времен примерно так и относились к записанному слову, как мы относимся к записанной музыке, к нотному письму; как бы ни была важна утилитарная роль музыкальной нотации, реальна музыка лишь как звучание (хотя бы воображаемое звучание в уме знатока, читающего партитуру)... Не больше самоценности классическая греческая культура предоставляла книге: книгу надо было читать вслух — публично или наедине с собой. Лишь зазвучав, текст осуществлял себя» (2, с. 13—14).

Однако прошло два века, и положение кардинально изменилось. В Афинах Сократа еще довлела устная, дописьменная культура, а в Александрии Каллимаха — уже письменная, основой которой была библиотека. В Китае только в период Восточного Чжоу (VIII—III вв. до н. э.) документальная запись и книга полностью оттеснили устное предание, и такая важная общественная функция как поддержание культурных традиций путем передачи их от одного поколения другому стала осуществляться с помощью книжного образования (66, кн. 2, с. 90).

Переход от устной информации к письменной виден также на примере двух мифологическо-летописных сводов Японии «Кодзики» и «Нихон сёки» («Анналы Японии»). Этот вопрос был рассмотрен ранее в монографии о бесписьменном обществе (72, с. 24—25). В «Кодзики» письменность еще выступает не только как инструмент порождения нового текста, но и как средство фиксации текстов, которые сложились ранее в устной традиции. Составление свода «Нихон сёки» было закончено в 720 г., и он с самого начала создавался как письменный текст (48, с. 104—122).

Европейская средневековая культура — это уже в основном культура письменная, книжная. Основы бытия нахо-

дили оформление в письменном тексте и в книге как его реализации (10, с. 35).

Появление письменности привело к возникновению знания в письменной форме и к письменной фиксации произведений, которые ранее существовали в устной традиции. Классическим примером является запись «Илиады» и «Одиссеи», но еще раньше в древней Месопотамии необходимость перехода на письменную форму информации объяснялась историческими условиями. Шумерский язык стал мертвым, но аккадская писцовая традиция была продолжением шумерской. Шумерский язык и шумерские произведения продолжали изучаться в аккадской школе для подготовки к будущей писцовой деятельности. Это привело к стремлению письменно зафиксировать шумерский язык и тексты. Боязнь утратить устные варианты шумерских литературных произведений побуждала записывать и редактировать их, чтобы затем многократно использовать в школе (55, с. 12).

Текст на любом носителе информации становится достоянием общества в гораздо более полной мере, чем устное сообщение. Поэтому, в конечном счете, несмотря на некоторые психологические трудности перехода с одной традиции на другую, письменная форма информации на многие века стала доминирующей. Уже в средние века Абу Рейхан ал-Бируни писал: «Письменное сообщение есть один из видов сообщения и, пожалуй, более предпочтительный, ибо откуда мы знали бы предания народов, если бы не вечные памятники пера» (66, кн. 1, с. 330).

Одним из результатов перехода с устного способа передачи информации на письменный стало появление нового элемента информационной деятельности — чтения. Оно заменило слушание. Письмо и чтение пришли на смену запоминанию и устному воспроизведению. Литературное произведение стало зримым. Благодаря этому возникла цепочка автор—произведение—читатель. У читателя возникло более определенное представление об авторе и произведении, чем это было в бесписьменный период. Чтение позво-

лило также рациональнее организовать учебный процесс в школе. Поэтому письменность является нижней границей для истории современного образования.

До изобретения алфавита освоение письменности представляло значительные трудности, которые тем не менее преодолевались, так как грамотность давала огромные преимущества в жизни и карьере. Однако обучение сложному иероглифическому письму превратилось из средства школьного образования в его основную цель. Достаточно сказать, что китайская письменность насчитывает более 80 тыс. иероглифов. При этом встречаются знаки, содержащие до 17 штрихов (22, с. 55, 146). Известно, с какими трудностями было связано овладение египетской и шумеро-аккадской письменностью. Поэтому социальный престиж грамотного человека был чрезвычайно высоким. Его положение в обществе в значительной мере соответствовало его способности читать и писать (157, с. 12). Для средневековой Европы барьер грамотности выражался в том, что грамотным считался только тот, кто в совершенстве овладел латинским языком. «Писать и читать» значило «писать и читать по-латыни» (53, с. 443). На границе средневековья и Возрождения Петрарка еще пренебрежительно относился к произведениям Данте на «вульгарном» языке, т. е. как письменная воспринималась информация только на латинском языке. Все остальное находилось как бы вне признанной письменной культуры.

***Начало книгопечатания —
верхняя граница рукописной информации***

Верхняя граница исследования — начало книгопечатания. Возникновение книгопечатания не означало полного прекращения рукописной информации. Она, как и многие другие явления информационной деятельности, продолжает существовать до настоящего времени. Ограничивает данную часть исследования не какая-либо дата появления кни-

гопечатания, а то, что объектом изучения не стала какая-либо полиграфическая информация. Вопрос о параллельном существовании рукописной и полиграфической информации будет рассмотрен позднее.

Эпоха, когда рукописная информация была доминирующей, простирается от начала письменности до начала книгопечатания. Эта эпоха может называться рукописной культурой, или культурой рукописей. Она включает древний мир и средние века (117, с. 18). Еще одной видимой верхней границей рукописного периода было прекращение иллюминирования книг после возникновения книгопечатания (111, с. 22). С другой стороны, верхняя граница не была непроницаемой. Наиболее это касалось материалов для письма. Важнейшие из них, в особенности такие, как бумага и чернила, сохранились и получили дальнейшее развитие в полиграфическую эру.

Ограничителем для рукописной информации является не только печать подвижными литерами, но также лито- и ксилография. Собственно применение печатей, которыми заверялись письма и документы, началось уже в глубокой древности (19, с. 25—26, 178, прим. 6). Особенно важно было появление литографии и ксилографии. Значительное распространение этих форм печати в Китае даже после того, как было изобретено книгопечатание наборным шрифтом, объяснялось иероглифическим характером китайской письменности. Тексты на камне вырезали, начиная не позднее VI в. до н. э. (66, кн. 2. с. 214) вплоть до XVIII в. Вот как представлен процесс развития этой формы печати в исследовании китайского книговеда Лю Го-цзюня:

«Иероглифические тексты, вырезанные на камне, по-видимому, сыграли значительную роль в деле изобретения способа снятия с них эстампов; этот способ, в свою очередь, является предвестником изобретения ксилографического печатания — он прямо противоположен печатанию с гравированных деревянных досок.

Поскольку иероглифы на каменных стелах углубленные, то, если покрыть их листом бумаги, несколько вдавить ее в

углубления и затем закрасить тушью, получится копия с белыми иероглифами на черном фоне. Печатаение же с деревянных досок обратно данному способу, так как изображение на досках рельефно и с них возможно получить черный отпечаток на белом фоне. Но прежде чем был изобретен ксилографический способ печатания, прошло еще несколько столетий» (46, с. 22—23).

На основании памятников, дошедших до настоящего времени, и письменных источников Лю Го-цзюнь делает вывод о том, что ксилография была изобретена в Китае не позднее начала VIII в. в период династии Тан (VII—IX вв.) (46, с. 45—49). Затем она распространилась в других государствах Дальнего Востока и Центральной Азии. Знаменитый свиток с текстом заклинания был отпечатан тиражом 1 млн экз. в последний период правления японской императрицы Сётоку в 765—770 гг. как средство борьбы с моровым поветрием (66, кн. 2, с. 215—216, 236—237). Древнейший корейский текст, найденный на территории Южной Кореи в 1966 г., датируется 704—751 гг. (там же, с. 275). В Тибете в XI в. ксилографы уже вытеснили рукописи на второй план (там же, с. 328). В Западной Европе ксилография появилась примерно в 1400 г. и просуществовала около 50 лет до середины XV в., когда возникло книгопечатание подвижными литерами.

Это изобретение первично также принадлежит Китаю, в котором керамический наборный шрифт появился в XI в. Однако в Китае в отличие от Европы он не нашел почти никакого применения, поскольку иероглифическая письменность чрезвычайно затрудняла изготовление подвижного шрифта. Вплоть до конца XIX в. наборный шрифт почти не применялся. Однако новый способ печати стал постепенно распространяться вне Китая. Этот вопрос изучен в известной монографии Т.Ф. Картера «Изобретение книгопечатания в Китае и его распространение на Запад» (100).

Первыми применили печатание подвижным металлическим шрифтом корейцы. Этому способствовала острая нуж-

да в книгах, ограничение их ввоза из Китая и нехватка подходящей для резки блоков древесины. В настоящее время установлено, что первые книги наборным шрифтом были отпечатаны в Коре в XIII в. Это был металлический шрифт, отлитый из меди (66, кн. 2, с. 279).

Как известно, европейский способ книгопечатания был изобретен И. Гутенбергом в середине XV в. и затем начал быстро распространяться в других странах. Его появление в этих странах является для них верхней границей рукописного периода. С этой точки зрения европейские страны могут быть разделены на две группы: с развитым книгопечатанием (Германия, Италия, Франция, Англия, Польша и ряд других) и с отставанием вплоть до XVIII и даже XIX вв. (народы Балканского полуострова, Словакия, Венгрия, Румыния) (51, с. 24).

Для развитых стран характерен следующий факт. В 1525 г. один из переписчиков книг в Страсбурге обратился в городской совет с просьбой использовать его в качестве учителя, так как из-за книгопечатания он лишился средств к существованию (129, с. 23). Начало еврейского книгопечатания датируется 70-ми гг. XV в., армянского — 1512 г., но в обоих случаях рукописная книга еще долго сосуществовала с печатной (66, кн. 1, с. 150, 302). На Руси первая печатная книга, как известно, датируется 1564 г. или ок. 1553 г., если считать продукцию «Анонимной» типографии. В Грузии первая типография была создана в Тбилиси в 1709 г. (66, кн. 1, с. 180). Попутно нужно отметить, что с 1500 г. в Европе началось также печатание нот, что привело к распространению музыки не в приблизительной общесхематической форме, а в точно фиксировавшей именно данное музыкальное авторство (47, с. 55).

Особый путь эволюции в этом плане оказался у мусульманских стран. Ксилография китайского происхождения в них не привилась, а наборная печать задержалась на несколько столетий. Это объяснялось боязнью допустить какие-либо ошибки в Коране (113, с. 12). Кроме того, использованию печати противодействовали переписчики. Они с

полным основанием боялись лишиться средств к существованию. Поэтому, например, типография турецкого первопечатника Ибрахима Мутеферрика (1678—1747), которая возникла в 1727 г., была вскоре разгромлена (66, кн. 1, с. 471—472). Только в XIX в. завершается развитие средневековой арабской книги, а в отдельных уголках мусульманского мира, где печатные книги оставались недоступной роскошью, их переписывали от руки вплоть до недавнего времени (82, с. 71, 140). Так, в Дагестане в XVI—XIX вв. спрос на литературные тексты в основном удовлетворялся местными переписчиками. Показательным является и тот факт, что туркменский первопечатник Атаджан Абдалов (1856—1927) успел даже получить за свои заслуги орден Хорезмской народной советской республики в 1924 г. (88, с. 39—43).

Параллельное существование рукописной и полиграфической информации

Как уже было отмечено ранее, рукописная информация в определенной мере сохранялась и после начала книгопечатания. Этот феномен — еще одно подтверждение особенности эволюции информационной деятельности, которая заключается в том, что все, возникшее в ней, продолжает существовать, может уходить на задний план, но затем вновь появляться в случае необходимости.

В Европе изобретение книгопечатания в XV в. повлияло на письменность скорее в количественном, чем в качественном отношении. Наряду с полиграфическими продолжали возникать и выполнять свои функции многочисленные рукописные официальные и неофициальные тексты, в том числе письма, правовые и административные бумаги. Доля документов, которые непременно следовало исполнять каллиграфическим почерком, уменьшилась, но, например, в XIX в. оставалась еще весьма значительной. Достаточно вспомнить рассказ А.И. Куприна «Царский писарь».

Рукописная информация сосуществовала с полиграфической во всех странах и во все времена. Характерным примером является Корея — родина печати металлическими наборными шрифтами. В XVIII—XIX вв. в ней началось изготовление рукописных книг на продажу. Так, уже в 1884—1886 гг. известный востоковед и генеральный консул Великобритании в Корею В. Дж. Астон заказывал для себя рукописные книги тех или иных сочинений, которые он не мог получить в виде печатных или уже готовых рукописных книг. Иногда сочинения менее известных писателей оставались в виде рукописей—автографов. На одной из рукописей коллекции В. Дж. Астона в Институте востоковедения РАН имеется следующая приписка рукой бывшего владельца: «Корейский рассказ. Сочинен, записан и переплетен Ким Чегуком (моим учителем корейского языка). В. Астон» (66, кн. 2, с. 298—299). Роль рукописной книги в культуре Кореи подтверждается также тем, что в общественных библиотеках конца XIX — начала XX в. имелось большое количество рукописных книг (там же, с. 301).

В Индии рукописная традиция сохранилась до настоящего времени. До сих пор изготавливаются копии с наиболее популярных произведений индийской литературы и с некоторых старых рукописей (там же, с. 8). Среди монгольских народов рукописная книга имела распространение до XX в., несмотря на печатание монгольских книг ксилографическим способом, который был заимствован в Китае во второй половине XIII в. Поэтому историки монгольской рукописной книги рассматривают ее в неразрывной связи с историей печатной (ксилографической) книги (там же, с. 424—425, 434—460). Параллельно с ксилографической существовала также тангутская рукописная книга, т. е. книги на мертвом (тангутском) языке государства Си Ся, разгромленного монголами в 1227 г. (там же, с. 373). Аналогично в Иране книгопечатание началось в первой четверти XIX в., но первоначально вместо наборного привился литографический способ печати, с которым успешно конкурировала рукописная книга (67, кн. 1, с. 330—331). Тюркоязычная

рукописная книга просуществовала с XI до начала XX в. Так, в Институте востоковедения РАН есть рукопись татарско-башкирского «Шаджаре» («Родословия») некоего Исмаила из Башкирии, написанного и переписанного автором в 1930 г. (там же, с. 407—408). В Армении рукописная книга бытовала с V до XVIII в., хотя первая печатная книга появилась в 1512 г. (там же, с. 150).

В 1975 г. Научный совет по истории мировой культуры РАН (в то время АН СССР) издал сборник статей «Рукописная и печатная книга» (65), в котором в ряде работ был рассмотрен вопрос о сосуществовании рукописной и полиграфической информации в общем плане, а также в некоторых европейских странах и России. В статье «Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи)» А.С. Мыльников пишет:

«Поднимаемый вопрос до известной степени относится к числу новых, поскольку по традиции в книговедческой литературе принято рассматривать рукописную и печатную книгу как два последовательно сменявших друг друга этапа в истории информации. Соответственно такому пониманию авторы большинства общих курсов истории книги рассмотрение рукописной книги ограничивают, как правило, введением книгопечатания в XV в., в лучшем случае — XVI в.». В том числе устойчивое сохранение рукописной традиции в России XVII в. представлялось аномальным явлением (64, с. 19—20).

Далее в своей статье А.С. Мыльников кратко рассматривает историю русской рукописной книги и ее изучения вплоть до XX в. В последующих статьях сборника представлены исследования рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв. (Б.В. Сапунов), греческих рукописных и печатных книг XV—XVI вв. (И.Н. Лебедева) и печатной и рукописной книги Италии XVI в. (А.Х. Горфункель). Важнейший вывод А.С. Мыльникова заключается в том, что изучение рукописной книги «после Гутенберга» заслуживает столь же пристального внимания, как и «до Гутенберга», и должно стать неотъемлемой частью истории

книги и книжного дела как в национальном, так и в более широком (международном, региональном, всемирном) масштабе (там же, с. 36). Этот вывод по частному вопросу полностью корреспондируется с нашим предложением о тотальном исследовании эволюции и истории информационной деятельности (72, с. 8).

Одной из причин существования рукописной книги в европейской и русской истории нового времени несомненно является наличие различного рода цензур. В Италии, стране развитой полиграфии, во второй половине XVI — начале XVII в. произошло частичное возрождение рукописной книги в условиях контрреформации, когда возникли индексы запрещенных книг. Многие книги знаменитых авторов, начиная с Данте, были запрещены для печати. В связи с этим через сто с лишним лет после начала книгопечатания европейские авторы и читатели «преодолевали Гутенберга», тайно переписывая книги от руки (64, с. 118—119).

А.С. Мыльников приводит еще ряд примеров. Так, с XVIII в. в ряде стран (Италия, Германия, Англия, Голландия, Франция) широкое распространение получили рукописные газеты и листовки. Об этом свидетельствуют, например, журнал Д. Дидро «Салоны» и литературные бюллетени Мельхиора Гримма, которые он вел с 1753 по 1790 г. для ряда европейских государей. Аналогичная рукописная традиция в книгоиздании возникла в Чехии в XVII—XIX вв. и в Румынии в XVI—XVII вв. в условиях иноземного порабощения и репрессий против национального книгоиздания (50, с. 30—31).

В России в условиях религиозных и цензурных ограничений рукописная книга сохранялась у старообрядцев. Так, Беломорское собрание БАН, образованное в 1979 г., включает 85 рукописных книг XVI—XX вв. (8, с. 148). В выступлении И.В. Левочкина на Румянцевских чтениях 1994 г. были приведены сведения о русских рукописных книгах XX в. вплоть до 90-х гг. (44). Наконец, известным феноменом возрождения рукописной (или как ее варианта машинописной) книги является отечественный самиздат.

После появления письменности знание стало фиксироваться и сохраняться в более устойчивой форме. К устному, изобразительному и музыкальному знанию добавилось письменное, которое нашло свое выражение в различных текстах: надписях, документах, книгах. Эти тексты стали хранилищем информации, полученной в результате всех видов деятельности человека. Знание стало более долговечным и превратилось в основу любой культуры, залогом ее сохранения в веках.

В качестве яркого примера можно привести историю об основании еврейской академии в Явне. Тайно вынесенный из осажденного римлянами Иерусалима (осада 68—70 гг.) рабби Иоханан б. Заккаи обращается к Веспасиану с просьбой открыть в г. Явне (Ямнии) высшую школу. Благодаря этому раввинам удалось сохранить традиционное письменное знание, обеспечить его передачу из поколения в поколение и сохранить идентичность народа после гибели государства, столицы и Храма.

С возникновением письменности знание отделилось от человека, начало фиксироваться и сохраняться в его внешней среде. В результате оно стало доступным для всех, кто был грамотен и мог читать. Накопление знаний вне памяти привело также к увеличению его объема и соответствующему развитию информационной деятельности.

Особенностью древнего, т. е. первоначального после бесписьменного состояния, этапа эволюции информационной деятельности было возникновение общепризнанного круга письменных знаний. В определенной степени это представляло собой продолжение устной традиции в условиях письменного общества. Однако общий объем информации был еще сравнительно небольшим. Так, объем исходных текстов по всем отраслям знания в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала (669 — ок. 633 гг. до н. э.) не превышал полутора тысяч глиняных табличек с числом строк примерно равным Махабхарате (190 тыс. стихов). При этом их значи-

тельную часть составляли гадательные тексты, заговоры и шумеро-аккадские словари. Остальные таблички библиотеки были копиями (53, с. 18—19). В древнем Египте объем знаний был приблизительно одинаковым для всех типов школ (35, с. 37).

Жрецы считали себя хранителями знания. Эти представления устойчиво сохранялись и затем перешли во все основные религии. Так, для монотеистических религий «Священное Писание» стало центральной святыней и мерой всех вещей. Текст как олицетворение письменного знания пользовался особым уважением. Боязнь опечаток в Коране даже задержала развитие книгопечатания в мусульманском мире (113, с. 12). В некоторых странах, например в Эфиопии, письменное знание в основном было именно религиозным (66, кн. 1, с. 231—232). В ранней средневековой Европе языческую философию вытеснила теология. В эпоху Каролингов (VIII—IX вв.), когда говорили «книга», обычно имели в виду книгу с религиозным содержанием на латинском языке (109, стб. 260).

В Китае возник канонический свод конфуцианской литературы. Он включал 13 сочинений, современный объем которых с избранными комментариями достигает 40 томов, т. е. объем информации стал уже весьма значительным. Начиная с эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) конфуцианские каноны начали играть роль не только священных книг, но в сущности единственных книг, которые являются источником знаний и мудрости на все случаи жизни (12, с. 185—186).

Последовательное развитие информационной деятельности вплоть до начала книгопечатания во всех цивилизованных обществах, которые сохранились в ходе исторического процесса, привело к возникновению письменного научного знания. В античности возникли семь основных наук (или искусств, по терминологии древних): грамматика, риторика, диалектика, геометрия, арифметика, музыка и астрономия. В дальнейшем в средневековой Европе семичленный круг свободных искусств распался на два самостоятель-

ных цикла. Три искусства (грамматика, риторика, диалектика) были объединены термином *trivium* («трехпутье»). Четыре остальные искусства стали именоваться «науки» и были объединены термином *quadrivium* («четырепутье»). Затем на основе этих знаний возникли различные энциклопедические своды (74). Значительный вклад в развитие мировой науки внесли ученые мусульманских стран.

Другим важнейшим достижением письменной культуры является возникновение и развитие литературы. Это нашло отражение в самом слове «литература» (от слова «литера»). В латинском языке литература называлась «буквы» (*litterae*), что сохранилось во французском языке — *belles-lettres* (рус. «беллетристика») (2, с. 6).

Особое место в эволюции письменного знания занимает история. Ее роль в древней Греции и Риме общеизвестна, но нигде в мире истории не уделяли столь пристального внимания и не придавали столь огромного значения уже с древнейших времен, как в Китае. Ее воспринимали как «зеркало», по которому можно учиться на уроках прошлого и использовать его опыт для настоящего и будущего. В равной степени едва ли в какой-либо другой стране так же тщательно сохраняли и дотошно изучали архивные материалы (36, с. 92). Уникальный мемориальный характер имеют и наскальные надписи, древнейшие из которых восходят к династиям Цинь (221—206 гг. до н. э.) и Хань. Они являлись объектами общенационального почитания и паломничества. Их посещение вменялось в обязанность ученому мужу, которому надлежало «просмотреть десять тысяч каллиграфических свитков, пройти десять тысяч верст дороги» (5, с. 67—68).

Увеличение объема письменного знания привело к стремлению изложить его в сжатой обобщенной форме. Это способствовало созданию сводно-систематических и энциклопедических по характеру сочинений, которые имели целью аккумулировать знания. Наиболее грандиозные энциклопедии возникли в Китае начиная со второй половины X в. Крупнейший китайский энциклопедический словарь

был составлен в XV в.: 11 915 томов, 22 927 глав. В его подготовке принимали участие 2169 человек (14, с. 24).

В Европе большим авторитетом пользовалась энциклопедическая работа Г. Плиния Старшего (23 или 24—79) «Естественная история» («*Historia naturalis*»). Во введении автор отметил, что выявил около 20 тыс. фактов, полученных примерно из 200 книг (на самом деле из 473: 146 римских и 327 греческих авторов). Важная особенность этой работы заключалась в том, что Плиний точно указывал автора, из произведения которого был взят тот или иной факт. Это способствовало сохранению и идентификации информации, которая дошла до нашего времени только в составе этой энциклопедии. Вплоть до 1469 г., когда энциклопедия была издана в полиграфической форме, ее многократно переписывали, что свидетельствовало о ее популярности. До наших дней дошло около 200 рукописей этого произведения (120, с. 269—270).

Широкое распространение энциклопедии получили в Византии. Само это название греческое и имеет педагогическую направленность: «энкиклиос педиа» — «всеохватывающее воспитание», т. е. среднее образование. Это объясняет тот факт, что византийские энциклопедии, как и средневековые энциклопедии других народов (см., в том числе, китайские энциклопедии), лишь условно можно назвать энциклопедиями. Они представляли собой тематические сборники выдержек, составленные путем механической компиляции. Благодаря дроблению текстов, оригинальной группировке выдержек и их библиографической обработке, энциклопедии представляли уже существующие знания в новой форме, удобной для легкого усвоения. Расцвет византийского энциклопедизма приходится на середину X в., когда на престоле оказался император-ученый Константин VII Багрянородный (913—959). По его инициативе возник ряд энциклопедий: историческая, сельскохозяйственная («Геопоники»), ветеринарная («Гиппиатрика»), зоологическая, медицинская и энциклопедия питания. Ранее в VIII в. Иоанн Дамаскин в сочинении «Источник знаний» изложил

основы всей суммы наук своего времени. Этот труд был популярен во всем православном мире (14, с. 45). В наибольшей степени современному представлению об энциклопедии соответствует византийский биобиблиографический словарь «Суда»¹.

В средние века в Европе наибольшую известность получила энциклопедия Исидора Севильского (ок. 560 — 636) «Этимологии, или Начала». О ее популярности свидетельствует тот факт, что к 850 г., т. е. через двести лет после ее составления, из Испании в другие страны Европы были привезены 54 полные копии и более сотни сборников выдержек из этой энциклопедии. В дальнейшем энциклопедический жанр получил в средневековой Европе значительное развитие. Из более ранних работ авторитетом пользовалась работа аббата монастыря Фульда и затем архиепископа Майнца Рабана Мавра (ок. 776—856) «О природе вещей» («De rerum naturis»), созданная около 844 г. (166). Кроме энциклопедий, в средние века большой популярностью пользовались различные сборники. Некоторые исследователи рассматривают их как своего рода гипертексты, которые каждый раз составлялись в определенное время в определенном месте в соответствии с поставленными задачами (18, с. 10—11).

Важнейшая особенность письменного знания заключалась в том, что оно могло передаваться в другие страны. Иногда через цепочку передачи и переводов оно могло возвращаться в исходную страну или в ту культуру, которая являлась ее наследником, когда оригинальный текст уже был утрачен. Такова, например, история сохранения некоторых произведений античных авторов, в VIII в. переведенных на арабский язык. В дальнейшем они попали в Европу и были переведены сначала на латинский, а затем на другие языки. В эту категорию входят труды таких авторов, как философы

¹ Более подробно о византийских энциклопедиях и их библиографическом оформлении см.: *Семеновкер Б.А.* Библиографические памятники Византии / Б.А. Семеновкер. — М.: Археографический центр, 1995. — С. 37—46, 67—86.

Платон, Аристотель и Плотин, медики Гиппократ и Гален, математики Эвклид, Архимед и Птолемей (14, с. 52; 107, с. 33—34).

Особый интерес представляет вопрос о языке письменного знания. В некоторых культурах он не совпадал с национальным. Наиболее древний пример относится к шумеро-аккадской культуре Месопотамии. Шумерский язык стал мертвым уже в старовавилонское время, но продолжал искусственно сохраняться как язык управления, науки и литературы. Писцы обязательно должны были владеть не только аккадским, но и шумерским языком и могли составлять, когда этого требовали политические соображения, царские надписи времен Ашшурбанапала в стиле III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), к концу которой шумерский язык вышел из употребления (53, с. 50).

Аналогично в средневековой Европе латинский язык стал пропуском в мир знания. Для грамотного человека «читать и писать» автоматически значило «читать и писать на латинском языке». Как отмечает Н.В. Варбанец, «латинское второязычие могло захватить весь Запад только потому, что античная книжная письменность и античная школа оставались там живы в самые темные — VI—VIII столетия» (10, с. 53). В мусульманском мире языком письменного знания, а также священным языком Корана оставался арабский язык. В определенной мере можно перекинуть мост из средних веков в современность, когда *de facto* международным языком знания и науки стал английский язык.

ГЛАВА 2

Материалы для письма. Носители информации

Материалы для письма — это технические средства, при помощи которых создается рукописная информация. В дальнейшей эволюции аналогичными средствами стали

печатные станки и компьютеры. Китайцы называли средства письма «четыре сокровища кабинета ученого» и включали в их число бумагу, тушь, тушечницу и кисть, т. е. три основных материала для письма в рукописный период: носитель информации, красящее вещество и орудие письма. Один из знаменитых китайских каллиграфов IV в. оставил следующее красочное описание четырех сокровищ кабинета: «Бумага представляет войска, выстроенные для битвы; кисть — меч и щит; тушь — броню воина; тушечница — городскую стену и ров; а сердечное желание — главнокомандующего» (163, с. 1).

Для дальнейшего рассмотрения необходимо иметь в виду, что китайцы называли свои чернила «тушь». В английский язык это слово перешло в форме «индийские чернила» («India ink»), так как тушь проникла в Англию через Индию. Она хранилась в высушенном виде в форме брикетов. Небольшое количество такой туши растиралось и разбавлялось водой в тушечнице. Обычно таким образом готовилась порция туши на один день.

Китайцы сами изобрели свои материалы для письма, которые стали основой их цивилизации, превратили Китай в страну образованных и высококультурных людей. Эта традиция сохраняется до настоящего времени, несмотря на отдельные периоды упадка, неизбежные на протяжении длительной истории.

Из Китая материалы для письма проникли в другие страны Дальнего Востока, Центральной и южной Азии. В ряде случаев само появление в стране китайских материалов для письма знаменовало установление письменной и литературной культуры. В качестве примера можно привести историю возникновения письменной культуры в Тибете. Письменность проникла в Тибет из Индии до 650 г. В 641 г. тибетский царь Сронцзангамбо (ок. 620—650) женился на дочери китайского императора. В 648 г. он обратился к тестю с просьбой прислать работников, которые умели изготавливать бумагу и тушь. Просьба была удовлетворена, и с этого времени тибетцы присоединились к

цивилизированным народам со своей литературной традицией (163, с. 58).

На другом конце света — в древнем Египте сведения о материалах для письма восходят к глубокой древности. В одном из «Текстов пирамид», которые были записаны во времена V и VI династий Древнего царства, но их более архаическое происхождение подтверждается их языком и содержанием, написано:

«О писец, писец, разбей письменный прибор твой, разломай кисть свою, раскроши папирусные свитки свои» (35, с. 6).

Это описание вполне сопоставимо по классификации материалов для письма с китайским перечнем драгоценностей кабинета ученого. Таким образом, во всех письменных цивилизациях по необходимости возникли три категории материалов для письма. Это подтверждается свидетельствами других стран. К примеру, в древнем Риме материалами для письма были папирус, чернильница с чернилами и очищенный тростник (85, с. 15). В Иране профессиональный секретарь-письмоводитель Мухаммад б. Хиндушах Нахчевани (XIV в.) следующим образом пишет об аксессуарах переписчика:

«Писцу в письме надобны некоторые принадлежности, как, например, [тростниковое] перо, перочинный нож, чернильница, мешалка (михрак), чернила и бумага» (66, кн. 1, с. 380—381).

Носители информации

Носители информации привлекались в разных странах в зависимости от наличного материала. В качестве наиболее контрастных примеров можно привести папирус в Египте, глиняные таблички в Месопотамии, шелк в Китае и пальмовые листья в Индии.

Носители рукописной информации можно разделить на две группы: твердые и мягкие. Амплитуда эволюции крат-

ко выражается в движении от камня к бумаге. Возможны и другие классификации в зависимости от долговечности материала: недолговечные (деревянные таблички, покрытые воском), более долговечные (папирус) и долговечные (мрамор); долговечные (камень, металлы) и портящиеся (листья, кора, бамбук). В настоящей работе принято разделять носители на твердые и мягкие. Это позволяет более последовательно раскрыть их эволюцию. Нужно также иметь в виду, что в каждой отдельно взятой стране и цивилизации могли не только последовательно, но и одновременно использоваться разные носители информации. Ниже приводится перечень носителей, которые использовались в древнем Египте (в алфавитном порядке): восковые таблички, глина, дерево, камень, керамика, кожа, кости животных, металл, слоновая кость, папирус, пергамен, полотно (138, с. 416—417).

При последовательном переходе от одного носителя к другому не существует точных демаркационных границ. Например, в Китае использование носителей разделяется на три периода: бамбук и дерево — от древности до III или IV в. н. э.; шелк — от V—IV вв. до н. э. до V—VI вв. н. э.; бумага — от II в. н. э. до нашего времени. Однако некоторые данные дают основание предположить, что бамбук и дерево использовались несколько позднее, а шелк — раньше, чем обозначенные выше даты. Таким образом, параллельное использование бамбука и шелка насчитывает более тысячи лет, шелка и бумаги — 500 и бамбука и бумаги — 300 лет (159, с. 91).

ТВЕРДЫЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ

Основными твердыми носителями информации в рукописный период были камень, кости животных и панцири черепах, металл, глина, керамика и стекло, дерево и бамбук, деревянные таблички, покрытые воском, кора и пальмовые листья. В основном для этих носителей характерно отсутствие чернил для нанесения письменных знаков.

Свидетелем того, что твердые носители предшествовали мягким, выступает язык. В Индии в памятниках периода, предшествующего Панини (о Панини см. книгу «Бесписьменное общество», гл. 6, с. 70—71), для обозначения всего написанного употребляются термины, образованные от корней *чхинд* «вырезать» и *ликх* «процарапывать» (*лекхья*, *лекха* «написанное», *лекхака* «тот, кто пишет»). Это является свидетельством того, что в древний период для письма использовались твердые материалы, на которых приходилось процарапывать или вырезать надписи (66, т. 2. с. 15).

Камень

Каменные носители информации включали прежде всего такие объекты, как скалы, стены пещер и домов, колонны дворцов и храмов. Камни делились на твердые и мягкие: твердые — мрамор, нефрит, оникс, ляпис-лазурь, а также вулканические (базальт и др.); мягкие — известняк, алебастр. Стены и камни были первыми материалами для письма и своего рода наследством от пиктографического бесписьменного общества (99, т. 1, с. 25; 110, с. 46).

Использование скал для надписей было особенно широко распространено в Китае. Исследователь этих надписей В.Г. Белозерова выделяет три варианта наскальных поверхностей, на которые наносились пиктографические знаки: выравненный прямоугольный участок природной скалы; естественная поверхность скалы; естественная или выделанная поверхность под водопадом или горным потоком. Изображение иероглифического знака создавалось углубленной гравировкой линий, заполняемых краской (чаще всего красного или желтого цвета), контрастно выделявшейся на темном фоне камня. Наскальные надписи высекались на каменных глыбах и утесах, расположенных в естественных скальных массивах. Склоны прославленных гор Китая покрыты образцами монументальной каллиграфии, самые древние из которых восходят к династиям Цинь (221—206 гг. до н. э.) и Хань (5, с. 67—69).

В других цивилизациях также создавались надписи на скалах, но нигде они не имели такого массового распространения, как в Китае. Наибольшей известностью пользуется Бехистунская надпись персидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.), которая расположена на скале Бехистун на высоте 115 м. Знаменитые надписи индийского царя Ашоки были высечены на скалах, валунах, на стенах пещер и колоннах. Их насчитывается 35. Четырнадцать наскальных эдиктов были высечены на скалах недалеко от северо-западной границы Пакистана (22, с. 397—398). На перевалах Гиндукуша сохранились наскальные согдийские надписи и буддийские тексты (5, с. 71, прим. 2). На острове Ява в районе Джакарты были найдены четыре наскальные надписи, которые на основании палеографических данных могут быть отнесены к IV или V в. н. э. (22, с. 491).

Для надписей использовались стены, колонны, стелы, плиты, каменные столбы. В Месопотамии Законы Хаммурапи были высечены на базальтовых столбах и воздвигнуты во всех городах государства (61, с. 17). В Китае стелы представляли собой крупные (высотой около двух метров) плоские каменные прямоугольные плиты на подставках, выставленные в специальных беседках или павильонах. Фрагменты древних стел заново обрамлялись камнем. Стелы были двух видов: могильные и мемориальные (5, с. 66). Циньский император Ши-хуан, по свидетельству Сыма Цяня, установил много мемориальных камней при своих поездках по стране (79, т. 2, с. 66—74). Специфическое китайское явление — вырезание на камне целых произведений конфуцианского и буддийского канона, начиная со II в. н. э. (46, с. 21). Это было в то время, когда в Китае уже писали на шелке и затем на бумаге, т. е. камень стал вторичным материалом для письма.

Камень был первичным носителем информации практически во всех странах и цивилизациях древнего мира. Он использовался для надписей в древнем Египте, Индии, Греции, Италии (этруски и Рим). На нем высекали свои руны древние германцы (22, с. 580). С VIII в. до н. э. известны

надписи, высеченные на каменных стелах на территории первых арабских государств (14, с. 51). В раннем европейском средневековье документы вырезались на камне, так как в IX—XI вв. архивы часто подвергались опасности из-за пожара и разграбления. Так, царственная надпись Пипина Короткого, который стал королем франков в 751 г., сен-жерменскому аббатству на землю Палезо высечена на мраморном цилиндре (23, с. 14). Надписи на камнях применялись в древней Руси. Зимой 1068 г. тмутараканский князь Глеб измерил по льду расстояние между Тмутараканью и Керчью и повелел высечь об этом надпись на мраморе (14, с. 58).

Широкое распространение имели надписи на каменных печатях и полудрагоценных камнях, например на нефрите. Такие печати применяли в Китае, Индии и других странах (67, т. 2, с. 10; 160, с. 54). В Индии были найдены надписи на камнях (66, т. 2, с. 21).

Кости животных и панцири черепах

Кости животных, в том числе слоновую кость, использовали как носителя письменной информации в древнем Египте, Месопотамии и Греции (19, с. 18; 26, с. 172, 348). Однако наибольшее число надписей на костях животных и панцирях черепах было обнаружено в Китае в 1899 г. Они относятся ко второму периоду династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.). Всего было обнаружено несколько десятков тысяч костей (в основном панцири черепах и коровьи лопатки), которые использовались для гаданий. Сведения об охоте и военных экспедициях были обнаружены на оленьих черепахах, рогах и лопатках (46, с. 15—18; 158, с. 19—23).

Металл

Носителями надписей были различные металлы. В древней Месопотамии надписи делали на металлических пластинках (19, с. 18). В Индии для надписей использовали железо, золото, серебро, латунь и бронзу. По всему миру но-

сителями письменной информации были различные предметы (блюда, вазы, кувшины и т. д.) и монеты (22, с. 395; 66, кн. 2, с. 21; 152, с. 52—54).

По свидетельству Плиния Старшего для публичных документов использовали свинцовые листы. Различные тексты записывали на свинцовых рулонах. На острове Родос был найден такой рулон. Толщина свинцового листа составляла всего треть миллиметра. Он легко сворачивался. Самый длинный текст, записанный на свинце, — поэма Гесиода «Труды и дни» (14, с. 26; 110, с. 37).

Важным носителем письменной информации была бронза и различные изделия из нее. Один из ранних памятников латинского письма был обнаружен на бронзовой плите, найденной в озере Фучино. Она относится к концу V или к IV в. до н. э. (22, с. 608—610). Наиболее широко бронза использовалась как носитель информации в Китае от XIV—XIII вв. до н. э. до I в. н. э. Уже в древности китайцы стали вырезать иероглифы на различных бронзовых предметах. Первоначально это были те или другие владельческие пометки. Затем надписи на бронзовых предметах превратились в тексты, иногда из нескольких сотен иероглифов. Надписи делали либо одновременно с отливом бронзового предмета, либо вырезали их после его отливки. Существует много бронзовых изделий с надписями: треножники (ритуальные сосуды и сосуды для варки пищи), чаши, сосуды для хранения вина и проса и т. д. Надписи на сосудах включают 300—400 иероглифов. Например, на некоторых бронзовых блюдах, хранящихся в пекинском дворце-музее Гугун, содержатся такие большие тексты. Более короткие тексты имеются на музыкальных инструментах, оружии и т. д. (46, с. 18—20).

Китайский философ Мо-цзы (479—400 или 479—382 гг. до н. э.) считал, что причиной, по которой надписи помещали на металлические сосуды и камень, был страх, что недолговечные материалы исчезнут и потомки не смогут выразить свое почтение предкам и получить их благословение (158, с. 4).

Глина — это первоначально мягкий материал для письма, который превращался в твердый после высушивания или обжига. Классическая страна письма на глине — древняя Месопотамия. История сохранения текстов показала, что глина является в этом отношении наилучшим материалом. Носителями информации были глиняные таблички, шары, цилиндры и призмы. Для маркировки товаров, подписи на документах и книгах использовались штампы из обожженной глины.

Изготовление глиняной таблички входило в программу подготовки будущего писца. Работа начиналась с тщательной обработки глины с целью обеспечить однородность всей массы путем ее тщательного промешивания. Глина лучшей консистенции, оставаясь мягкой, не должна была прилипать к рукам. Затем из хорошо приготовленной глины изготовлялся шар, который раскатывался в цилиндр необходимого диаметра. Цилиндр при помощи тонкой веревки разрезали на части, высота которых равнялась длине будущей таблички. Заготовку еще раз разрезали пополам вдоль оси. При этом получались таблички, имеющие одну плоскую сторону и одну выпуклую. Изготовленные впрок таблички и их заготовки могли храниться в сухом месте, покрытые влажной тканью.

Умение хорошо изготовить табличку для письма считалось в какой-то мере само собой очевидным, поэтому, вероятно, обвинение в отсутствии такого простейшего навыка было оскорбительным. Писцы, вероятно, пользовались уже готовыми табличками, так как их изготовление — весьма трудная работа, а писец должен был иметь чистые руки (52, с. 78—79).

Надписи наносили также на глиняные сосуды, статуэтки, кирпичи и черепицу. Подобные надписи были обнаружены в древней Индии и Китае (22, с. 395; 66, кн. 2, с. 10; 158, с. 56—59). В древнем Египте и затем в античном мире из-за дороговизны папируса для документов, записок, пи-

сем и школьных упражнений употреблялись черепки — *острака* (или *остраконы*). Среди письменных памятников, найденных в Египте, острака занимают второе по количеству место после папирусов (66, кн. 1, с. 33—34). В древней Греции и Риме острака также имели широкое распространение. В определенном смысле это явление характерно для папирусной цивилизации.

Дерево и бамбук

Дерево использовали для письма в древнем Египте и Месопотамии (19, с. 16; 179, прим. 19). В Грецию оно попало от финикийцев вместе с алфавитом. Законы Солона (VI в. до н. э.) были записаны на кипарисовых досках. В Риме деревянные доски и дощечки употреблялись очень широко. «Album» (совр. «альбом») называлась покрытая белым гипсом доска, на которой верховный жрец вел летопись. В быту пользовались по преимуществу вошечками. Римляне называли их «церами» («сѣга» — воск). Это были деревянные таблички, покрытые воском. Немецкое слово «buch» и английское «book» свидетельствуют, что книги некогда писали на буковых дощечках (14, с. 26). Вошечки как материал для письма с записями счетов, квитанций, регистров городских и рыночных сборов сохранялись в немецких и французских городах вплоть до XIX в. (23, с. 19; 110, с. 33).

Особое место дерево и особенно бамбук занимали в письменной культуре Китая. Дерево в основном использовалось для коротких сообщений, бамбук — для более длинных и книг (100, с. 1). Дерево как писчий материал было более распространено на севере и западе Китая, т. е. там, где не растет бамбук. Оба материала перед использованием подвергались тщательной обработке.

В основном для письма применялись тополь, верба, сосна и китайский тамариск. Их древесина отличалась белизной, не была тяжелой и легко впитывала чернила. Дерево распиливали на куски, а каждый кусок — на тонкие плас-

тинки (планки). Поверхность пластинок лакировали. Деревянные пластинки имели форму квадрата со стороной 1 чи (0,32 м).

Подготовка бамбуковых пластинок более сложная. Бамбуковую палку обрезали так, чтобы получилась круглая трубка. Со ствола счищали зеленую кожуцу. Затем из трубки нарезали много тонких длинных пластинок и подвергали их специальной обработке, которая называлась «устранение зелени». Далее пластинки сушили над огнем, чтобы предохранять их от порчи, поскольку сок свежего бамбука привлекает насекомых и пластинки быстро портятся. Ранее использованные пластинки могли применять многократно. Для этого исписанный слой удалялся ножом. Таким же образом исправлялись ошибки. Этот процесс был подобен подготовке палимпсестов при письме на пергамене (47, с. 24—25; 159).

Использование бамбука для письма прочно укоренилось в разговорном китайском языке. Китайское выражение «заломить планку» обозначало «написать письмо». Оно было основано на том, что материалом для письма служили бамбуковые пластинки (планки).

Дерево использовалось до бумаги в Тибете и Центральной Азии. В тибетских хрониках деревянные пластинки для письма назывались «красные таблички» или «серые (желтые) таблички». Их использование вплоть до VIII или IX в. считалось признаком отсталости. В Восточном Туркестане был найден целый архив документов на деревянных табличках (середина III — середина IV в.). Они были изготовлены из местных пород деревьев (в основном белый тополь). Только одна табличка была изготовлена из тамариска. Сбоку даже осталась кора (66, кн. 2, с. 333—334, 339—340; 100, с. 191, прим. 9).

В Японии государственная канцелярия использовала для различных документов деревянные таблички (*моккан*) до их вытеснения бумагой. В настоящее время их обнаружено более 200 тыс. Пик использования *моккан* приходится на VIII в. (48, с. 104, 107, 112).

В древней Греции и Риме для письма использовали липовый луб (лыко). Это отразилось на латинском слове «liber» («книга»), что прежде всего означает «луб (лыко)» (14, с. 26). Об использовании коры как первичного материала для письма имеется свидетельство Плиния Старшего (110, с. 37).

В Индии первые сведения об употреблении бересты для письма относятся ко времени походов Александра Македонского. Береста — *бхурджанатра* или *бходжнатра* — является традиционным материалом для письма в Северной Индии и Кашмире. Особенно широким применением пользовалась кора березы *Betula utilis*, которая произрастает по склонам Гималаев от Кашмира до Сиккима. Для письма использовали как внутренний слой бересты (тонкий пласт над красным слоем коры без верхней полупрозрачной кожицы), так и саму верхнюю кожицу, склеенную или спрессованную в несколько слоев особым способом.

Древний способ обработки бересты в настоящее время утрачен. Бируни писал, что ее смазывали маслом и полировали, отчего она становилась твердой и гладкой. Береста хорошо противостоит воде. Берестяные рукописи можно мыть и освежать. Известен рассказ о рукописях, брошенных в озеро, для их спасения от мусульман. Они пролежали в воде много лет и не погибли. Враг бересты — сухой жар, который ее иссушивает и от которого она трескается. Лучшим способом хранения рукописей на бересте считалось заделывание их в грубую кожу. Рекомендовалось класть их на самые верхние полки (66, кн. 2, с. 27—28).

Береста использовалась как материал для письма в древней Руси. Широко известны берестяные грамоты, которые были обнаружены в Новгороде, Пскове, Рязани и других древнерусских городах. Использование бересты для изготовления книг объяснялось бедностью. Так, современник Сергия Радонежского, известный церковный деятель и писатель Иосиф Волоцкий свидетельствует, что

из-за бедности Сергей и его ученики первоначально писали книги не на пергамене или бумаге, а на бересте (60, с. 108—109).

Пальмовые листья

Пальмовые листья являются традиционным материалом для письма в Индии, Непале и Малайе. Однако беглое замечание Плиния Старшего о том, что в древности до папируса писали на пальмовых листьях дает основание сделать заключение о «пальмовом периоде» и в истории южного европейского письма. Необходимо также отметить, что О.А. Добиаш-Рождественская относит древесные листья и кору к мягким материалам для письма (23, с. 20).

Приготовление пальмовых листьев для письма — длительный, хотя и не сложный процесс. Листья всех пальм сначала хорошо просушивают на солнце, затем долго варят или вымачивают в воде. После этого снова просушивают, нарезают на полосы нужных размеров и полируют камнем или раковинной. Приготовленные для письма пальмовые листья — более узкие и длинные, чем берестяные. Пальмовый лист — блекло-желтого цвета, он никогда не подкрашивается и не графится, прожилки служат направляющими при письме (66, кн. 2, с. 40).

МЯГКИЕ НОСИТЕЛИ ИНФОРМАЦИИ

Мягкими носителями информации в рукописный период были ткани (в том числе шелк и гобелен), папирус, кожа, пергамен и бумага.

Ткань, шелк, гобелен

На тканях писали в древнем Египте, особенно на материи, в которую заворачивали мумии. Ярким примером письма на ткани является этрусский текст, найденный в Александрии до 1880 г. Этой тканью была обернута египетская

мумия греко-римского периода (110, с. 45—46). Ткани использовали для письма также в Индии, Парфии и у арабов (там же, с. 45).

В древнем Риме были известны «полотняные книги» (*libri lintei*). Имеется предположение, что на полотне были написаны Сивиллины книги. Однако уже к I в. н. э. полотно перестали использовать как материал для письма (23, с. 20; 110, с. 45—46; 130, с. 77—78).

Шелк стали применять для письма в Китае не позднее VII—VI вв. до н. э. По всей вероятности первоначально его использование ограничивалось важными и священными документами, но начиная с эпохи Хань его популярность как материала для письма значительно увеличилась. Ограничение было связано с тем, что шелк — очень дорогая материя. Вначале для письма применяли обычные шелковые ткани, которые также шли на одежду. Позднее стали изготавливать специальный сорт, на котором были вытканы линии — красные или черные. Очевидно, что причиной, побудившей к применению шелка в качестве материала для письма, была тяжеловесность бамбука. В период Чжаньго («Борющиеся царства», V—III вв. до н. э.) оба материала использовались для письма, а для обозначения письма вместо выражения «бамбук и дерево» стали употреблять «бамбук и шелк» (*чжу-бо*) (46, с. 29—31; 66, кн. 2, с. 94; 100, с. 2; 158, с. 124—125).

Экспорт шелка из Китая привел к тому, что его начали использовать для письма также в других странах. Это происходило даже после того, как в Китае уже перешли на бумагу. Так, имеются сведения о том, что в Месопотамии в начале мусульманского периода до перехода арабов на папирус шелк использовали для письма. Для этого его окунали в смолу и затем полировали раковинной (100, с. 190, прим. 4).

Особый случай вытканной информации представлен на знаменитом гобелене из Байё. Его размеры: длина — 231 фут (70,4 м) и ширина — 20 дюймов (50,8 см). Гобелен является панорамным описанием вторжения и завоевания Англии норманнами. По традиции считается, что он был создан по

заказу Матильды, жены Вильгельма Завоевателя, но некоторые исследователи считают, что он был выткан для его брата Одо, епископа Байё. Гобелен разделен на 72 раздела, в которых имеется 1512 фигур с латинскими надписями, включающими имена этих лиц и названия сюжетов. Гобелен был открыт в 1724 г. В XIX—XX вв. его дважды увозили в Париж: Наполеон в 1803 г. и немцы во время Второй мировой войны (после высадки союзников Нормандии). Оба раза его возвращали в Байё.

Папирус

Папирус был классическим материалом для письма в древнем Египте и затем в греко-римской античной цивилизации. Время изобретения папируса неизвестно. Однако в гробнице сановника I династии по имени Хемака были обнаружены куски неисписанного папируса. Это позволяет считать датой его появления примерно 3100 г. до н. э. (35, с. 6; 102, с. 11). Это совпадает со временем появления письменности в древнем Египте.

Производство папируса и его характеристика как материала для письма неоднократно были объектами описания в литературе, начиная с Плиния Старшего («Естественная история», XIII, стб. 11—12). В древности папирус в изобилии произрастал в заводях нильской дельты. Треугольный его стебель, который срезали еще зеленым, сначала очищали от внешней кожицы и разрезали на куски длиной около 40 см. Затем стебель расщеплялся на полосы, *филюры*. Плиний сообщает, что филюры отделяли от ствола папируса особой иглой. Ширина полос колебалась между 1,5 и 8 см. Всю эту предварительную подготовку было необходимо осуществлять сразу после срезания папируса. Высохшие стебли, особенно в результате длительной транспортировки, становились непригодными для производства высокосортного материала для письма.

Полученные полосы вымачивали в течение нескольких дней, отбивали деревянным молотком, снова вымачивали

и снова отбивали. Затем полосы укладывали на твердую деревянную поверхность (доски или стол) так, чтобы их края слегка заходили друг за друга, и обильно смачивали нильской водой. Потом на уложенный слой таким же образом накладывали следующий, но его полосы располагались под прямым углом к полосам нижнего. Далее оба слоя помещались под пресс, и выделившийся сок склеивал их так прочно, что и спустя тысячелетия слои нельзя отделить друг от друга. После сушки оставшиеся неровности сглаживали с помощью инструментов из слоновой кости, раковин или камня. Спорным является вопрос, покрывали ли поверхность листа клеем для придания ей гладкости. Получившиеся листы приклеивали друг к другу (с соблюдением направления волокон) для получения свитка нужной длины. Клей изготовляли из самой тонкой муки, кипятка и незначительной доли уксуса. При этом клей перед употреблением должен был отстояться ровно сутки.

В идеале папирусный лист, по словам Плиния, должен был обладать четырьмя качествами: тонкостью, плотностью, блеском и гладкостью. Цвет древнего египетского папируса был белый, иногда светло-желтый. Позднее византийский и арабский папирусы были более темного цвета. Толщина египетского папируса была равна 0,075—0,15 мм, ширина — чаще всего 20—25 см. Для особенно дорогих, роскошных изданий изготовляли папирус шириной до полуметра, в основном не более 47 см.

Папирус имел несколько сортов. Высший сорт назывался «священный» (*hieratica*), а во время Октавиана Августа «августовский» (*augusta*). Имелось еще несколько сортов, которые отличались по качеству и ширине листа. Лучшие сорта были также более тонкими, но тонкость «августовского» уже доходила до прозрачности, и чернила просвечивали на обратной стороне. Поэтому при Клавдии папирус этого сорта был утолщен и увеличен в ширину почти до трети метра. Новый высший сорт назывался «клавдиев» (*claudia*). «Августовский» употреблялся преимущественно для писем.

Папирус боится только влажности. Поэтому он был идеальным писчим материалом для Египта, где сохранялся в течение тысячелетий (кроме дельты Нила). В других странах, в том числе в Италии, он был менее долговечным. В Риме папирусы, которым было около 200 лет, считались раритетом (66, кн. 1, с. 30—34; 102, с. 5—11).

Папирус попал в Грецию, очевидно, в VI, но не ранее, чем в VII в. до н. э. Это оказало огромное влияние на последующее развитие греческой культуры. Именно в это время в Афинах при Писистрате (тирания в 660—627 г. до н. э.), по всей вероятности, произошла запись поэм Гомера (47, с. 46; 102, с. 3; 130, с. 46).

Затем папирус проник в Рим и в Европу, где он сохранялся уже после победы пергамена в канцеляриях. В IV—V вв. все императорские и городские итальянские хартии пишутся на папирусе, а папская канцелярия пишет на папирусе до XI в. Последний документ, написанный на папирусе, — папская булла 1022 г., адресованная Гильдесгеймскому монастырю в Германии (14, с. 18; 23, с. 23).

На Востоке папирус встречался в Месопотамии (19, с. 17). Имеются даже предположения, что знакомство с египетским папирусом оказало влияние на изобретение бумаги в Китае (103, с. 31, прим. 2). А.Б. Халидов считает, что египетский папирус был, по всей вероятности, известен в Аравии еще до ислама и служил основным писчим материалом для произведений арабской литературы в течение двух первых веков хиджры. Далее он сосуществовал с другими писчими материалами (бумага, пергамен и др.) и продолжал употребляться до конца X в., в Египте — по меньшей мере до 1087 г. (82, с. 161—162). В Византии папирус вышел из употребления в VI—VII вв., когда арабы запретили вывозить его за пределы халифата (14, с. 48).

Кожа

Кожа как писчий материал является предшественником пергамена, но должна быть рассмотрена отдельно из-за своей большей древности и от того, что в некоторых класси-

фикации ее относят не к мягким, а к твердым носителям информации. Ее использовали в качестве материала для письма во многих странах и в разные эпохи. В древнем Египте во время IV династии очевидно существовали документы на коже. Сохранившиеся образцы относятся к 2000 г. до н. э. Кожаный свиток, который датируется II тыс. до н. э., хранится в Каирском музее. По-видимому, кожа служила писчим материалом также в Месопотамии. На ассирийских памятниках представлены писцы, которые держат в руках свитки, похожие на кожаные, но ни в одной из этих цивилизаций кожа не была основным писчим материалом (27, с. 14; 130, с. 44).

Однако в Персии ее использовали. Из Месопотамии она могла также распространиться на запад: в Финикию, Малую Азию и затем в Грецию и Италию. Геродот упоминает кожаные книги ионийских греков, сделанные из овечьих и козьих шкур, а римская легенда рассказывает, что договор последнего царя Рима Тарквиния Гордого с Габиями был начертан на шкуре жертвенного животного и этой шкурой обили деревянный щит (27, с. 14—15). Само слово, которым греки называли выделанную кожу «дифтера» (*διφθέρα*) родственно персидскому «дафтар» (тетрадь) (66, кн. 1, с. 109).

У евреев в соответствии с требованиями Талмуда священные тексты следовало писать на кожаных свитках. Достаточно сказать, что рукописи с берегов Мертвого моря, которые были найдены в XX в., — также кожаные свитки (27, с. 14; 130, с. 44—45).

В Центральной Азии до изобретения бумаги кожа была традиционным материалом для письма. Английский исследователь А. Стейн во время своих экспедиций в начале XX в. нашел полосы светлой кожи, которые были приготовлены для документов. Это значило, что в канцеляриях не только получали документы на коже, но и сами посылали их. Однако приготовить кожу для письма было труднее, чем дерево. Поэтому основным материалом для письма оставалось все же дерево (66, кн. 2, с. 342). Собрание согдийской

менности на коже и дощечках, относящееся в основном к началу VIII в., было открыто при раскопках в замке на горе Муг в Таджикистане (14, с. 88).

В Северной Америке большинство ацтекских рукописей было уничтожено испанцами, но многие из сохранившихся были написаны цветными красками на оленьей коже (26, с. 121).

Пергамен

Пергамен — тоже кожа, но специально обработанная с целью получения мягкого, ровного, гладкого и прочного материала для письма. Легенда о происхождении пергамена общеизвестна. По словам Плиния Старшего, пергамский царь Эвмен II (197—158 гг. до н. э.) решил основать библиотеку, которая могла бы соперничать с Александрийской. Тогда царь Египта Птолемей Эпифан запретил вывоз папируса в Пергам, но пергамцы усовершенствовали изготовление кожи для письма и все-таки создали в своей столице библиотеку. Неизвестно, заслуживает ли доверия этот рассказ, но очевидным является этимологическое родство географического названия Пергам и термина, обозначившего кожаный писчий материал — пергамен. Знаменитый медик Гален, уроженец Пергама, живший во II в. н. э., упоминал старые рукописи Гиппократовы, которыми он пользовался: одни были написаны на папирусе, другие — на коже, «как наши, пергамские». Однако ни одного пергамена, происходящего из Пергама, до нашего времени не дошло (27, с. 15).

Для пергамена употреблялись главным образом шкуры овец и коз. В средние века в Германии и Франции стали делать пергамен из телячьей кожи. Этот метод распространился на север (на Руси пергамен назывался «телятина»). Особенно ценилась кожа новорожденных и в особенности нерожденных телят. Иногда первоклассный пергамен получали из антилопьеи кожи, но она была редкой. Уникальной является выделка пергамена из змеиной кожи. Византийский хронист XII в. Георгий Кедрин сообщает о кни-

ге, в которой на тонкой и длинной коже «дракона» были переписаны золотыми буквами «Илиада» и «Одиссея» вместе с рассказами о подвигах древних героев» (27, с. 16).

Методы получения пергамена из кожи в основном не менялись в течение веков. Главное отличие технологии его изготовления заключалось в исключении дубильного процесса. Выдержав шкуру в извести несколько дней, соскребали волосы, верхний слой кожи и мышечный слой. Затем, после повторной обработки известью и очистки кожу натягивали на рамку, сушили, разглаживали и отбеливали мелом. Последнее было необходимо для впитывания содержащего жировых пузырьков. Если же не все они были раздавлены и осушены, жир впоследствии расплывался в пергамене. Масляные пятна портили пергамен и обесцвечивали чернила. Потом пергамен шелушили при помощи острого ножа для сглаживания шероховатостей и полировали пемзой. При тщательной обработке можно было добиться, что обе стороны (*recto* и *verso*) почти не отличались друг от друга по белизне и гладкости. Использование ножей приводило к появлению неудачных листов с дырками, разрезами и «зализами». Поэтому в Эфиопии, например, вместо ножей после пемзы кожу отглаживали тончайшим песком. Обычно пергамен изготовлялся в специальных мастерских. В Париже XII в. был целый цех пергаменщиков. Однако в некоторых странах, к примеру в Эфиопии, каждый книжник выделывал собственный пергамен (23, с. 27—28; 66, кн. 1, с. 110, 209, 211).

Пергамен был дорогим материалом. В некоторые времена его производство отставало от спроса. Так было, например, в Европе в VII—IX вв. Поэтому широкое распространение получили так называемые *палимпсесты* (от греч. *palimpsestas* и лат. *palimpsestus* — «стертый») — пергамен, с которого стерт первоначальный текст, чтобы можно было на нем писать заново. Простого смывания губкой обычно было недостаточно. Написанное сцарапывали ножом, вытирали пемзой или обесцвечивали смесью из молока, сыра и необожженной извести. В Баварии был известен рецепт

самого основательного уничтожения текста, но его держали в тайне, чтобы не давать искушения невеждам к уничтожению ценных текстов (23, с. 28—29).

Пергамен стал основным писчим материалом христианства. Так, в Армении, в которой христианство стало побудительной причиной изобретения национальной письменности, папирус вообще не использовался (66, кн. 1, с. 151). В Европе в IV в. пергамен конкурирует с папирусом как материал для изготовления книг, а в V в. вытесняет его. Однако канцелярии (особенно церковные), которые для подготовки документов нуждались в отдельных листах, еще долго, вплоть до XI в. использовали папирус (23, с. 23). До XI в. рукописи писали исключительно на пергамене. Затем в течение трех—четырёх веков его постепенно стала вытеснять бумага.

Бумага

Бумага — китайское изобретение. В 105 г. придворный евнух Цай Лунь официально доложил императору об изобретении бумаги. В связи с этим возникают два вопроса: было ли изобретение одномоментным или представляло собой постепенный процесс, который завершился в 105 г.? Был ли Цай Лунь изобретателем или докладчиком?

Есть основания полагать, что бумага уже была известна в той или иной форме до Цай Луна. Так, в 1957 г. в окрестностях г. Сианя было раскопано раннеханское погребение, датируемое временем правления У-ди (156—87 гг. до н. э.), в котором были обнаружены фрагменты бумажной массы (66, кн. 2, с. 100). В первом толковом словаре китайского языка «Шо вэнь цзе цзы» Сюй Шэня дается объяснение иероглифа *чжи* («бумага») и указывается, что для ее изготовления брали шелковую вату и обрабатывали ее в воде до получения однородной массы. Затем зачерпывали эту массу частой бамбуковой сеткой. Высохшая на сетке масса и была бумагой (*чжи*). Таков общий принцип изготовления бумаги, который в принципе сохранился до настоящего времени.

Словарь Сюй Шэня был написан приблизительно в 100 г. Из этого следует, что до 105 г. уже существовала бумага, но ее изготовляли из дорогой шелковой ваты и, вероятно, Цай Лунь предложил заменить ее древесной корой, коноплей, изношенными сетями и тряпьем. Это было важнейшее усовершенствование, которое позволило обеспечить письменную культуру дешевым и доступным материалом для письма, что в принципе безусловно можно квалифицировать как изобретение, и китайская традиция вполне справедливо считает Цай Луня изобретателем бумаги в современном смысле этого слова. Он был даже обожествлен как бог изготовителей бумаги. Позднее, при династии Тан (618—907) ступа, в которой Цай Лунь по преданию толкал тряпье и сети, была торжественно привезена в столицу и помещена в императорский музей (46, с. 35—37; 100, с. 2—3).

Представляет интерес тот факт, что в 2105 г. будет отмечаться 2000 лет со времени изобретения современной бумаги. Любопытно, какое место она будет занимать к этому времени как носитель информации.

Состав бумажной массы постоянно совершенствовался, а само производство развивалось и становилось технически выгодным. Сорта бумаги были разные. В одном из сочинений конца II — начала III в. говорится о бумаге «гладкой и скользкой, точно точильный камень», «ровной и широкой как доска», что указывает на бумагу с лошенной поверхностью, возможно гипсованной или протертой крахмалом. В IV в. упоминается «медовая благовонная бумага», изготовленная из коры и листьев дерева мисян («пахнущее медом»), бледно-коричневого цвета, с узором, похожим на рыбы икринки, очень душистая, упругая и водонепроницаемая. 30 тыс. рулонов такой бумаги было преподнесено императору в 284 г. Для более позднего времени в источниках имеются сведения о многих сортах специализированной и обиходной бумаги, которая делилась на два больших класса: деловая и для писем. В дальнейшем постоянно появлялись различные виды бумаги (66, кн. 2, с. 104—108).

Постепенно бумага вытеснила бамбук и шелк. В конце династии Цзинь (IV в.) был издан императорский указ о переходе с бамбуковых планок на бумагу (14, с. 23).

Прежде всего китайская бумага получила распространение в странах Дальнего Востока. В Корее она появилась, видимо, ок. VII в. Корейцы в свою очередь усовершенствовали ее производство. Самым распространенным сырьем для изготовления корейской бумаги был луб дерева *так* (бумажная шелковица). Оно называлось бумажное дерево и специально разводилось. Корейская бумага высоко ценилась в Китае и отправлялась туда в качестве дани (66, кн. 2, с. 293—297).

Япония сначала импортировала китайскую бумагу, но в VII—VIII вв. ее производство было налажено на месте. Сорты были разные, но наиболее устойчивой, бывшей в ходу более тысячи лет была, как и в Корее, бумага из коры бумажного дерева (66, кн. 2, с. 224—226).

Движение бумаги на Запад началось с зоны китайского влияния: Тибета и Восточного Туркестана. В Тибете переход на «желтую китайскую бумагу» произошел официально в 744 г. Вскоре было налажено производство собственной бумаги, которую использовали для переписки буддийских текстов. Для составления важных официальных документов продолжали применять китайскую бумагу — специальную. На ней писали доклады трону и императорские указы.

Чтобы приготовить бумагу, ее пропитывали крахмальным клеем, покрывали слоем гипса и полировали. Тибетскую бумагу вместо гипса иногда покрывали рисовой пудрой. В результате такой обработки поверхность ее делалась ровной и не пропускала чернила. Для обеспечения лучшей сохранности бумагу пропитывали соком цветов и плодов небольшого дерева *хуай*. От этого бумага приобретала желтый цвет. Для повседневных записей применяли грубую серую бумагу (67, кн. 2, с. 334). В Восточном Туркестане бумага появилась во II—IV вв. (Дуньхуан — 150 г., Синьцзян — 200 г., Турфан — 399 г.) (98, карта к с. 18). Знаменитая Дуньхуанская библиотека, которая была замурована в пещере в

начале XI в. и открыта в 1900 г., включала только бумажные рукописи, созданные в 406—997 гг. (100, табл.).

Движение бумаги на запад из Китая и китайской зоны культурного влияния необходимо разделить на использование экспортной китайской бумаги и организацию собственного производства. Производство бумаги в Западном Туркестане началось в Самарканде после 751 г., когда китайские войска потерпели поражение от арабов на р. Талас (современная Киргизия). В результате в плен к арабам попали китайцы—бумагоделы, которые раскрыли секрет и начали изготовление самаркандской бумаги. Таким образом, китайцы сохраняли секрет изготовления бумаги более шести веков.

Сведения о движении бумаги на запад представлены в таблице, которая составлена на основании таблицы в монографии Т.Ф. Картера (101), карты в монографии Г.А.Э. Богенга и сведений в книгах Лю Го-цзюня (46, с. 37—38). В целом можно сделать следующий вывод. В китайской зоне культурного влияния, включая Тибет, изготовление бумаги осуществлялось во II—VIII вв., мусульманском мире — в VIII—XII вв. и в христианском — начиная с XII и вплоть до XVIII в.

Таблица

**Появление и изготовление бумаги
при ее движении на Запад**

Появление бумаги		Изготовление бумаги	
дата	страна	дата	страна
VI в.	Иран		
650	Самарканд		
707	Мекка		
		751	Самарканд
Ок. 800	Египет	793	Багдад ¹
		Ок. 900	Египет

Ок. 950	Испания		
Ок. 1100	Константинополь	Ок. 1100	Марокко
1102	Сицилия		
		Ок. 1150	Испания
1154	Италия		
		1189	Франция
1228	Германия		
		1276	Италия
1309	Англия		
		1320	Германия (Кёльн)
1322	Голландия		
		1391	Германия (Нюрнберг)
		1494	Англия
		1698	Швеция
		1690	Сев. Америка (Филадельфия)
		1712	Россия (Москва)

¹ По мнению А. Б. Халидова, во второй половине X в. (82, с. 164).

Самаркандская бумага называлась *кагид*. Ее так и называли «самаркандская» или «хорасанская». Производство и торговля ею оставались монополией Самарканда в течение двух веков. Для выделки бумаги кагид требовалось в качестве основного сырья льняное или конопляное тряпье, известь и пшеничный крахмал и в качестве орудий мельница или ступа, чан и рама (форма). В разные цвета бумагу окрашивали в уже готовом виде (82, с. 164). Таким образом, самаркандская бумага была тряпичной. Изготовление бумаги из хлопка началось в Шаше (Ташкент) в X в. (14, с. 88).

Арабы усовершенствовали процесс производства бумаги. Для измельчения сырья они стали использовать мель-

ничные жернова. В качестве сырья они применяли пеньку. Ее чесали, обрабатывали известковым раствором, мяли, промывали, размачивали, подливая воду. Впоследствии этот способ применялся в Европе. В XII—XIII вв. целые улицы в Дамаске и Каире были заселены бумагоделателями. Они изготовляли различные сорта бумаги — от плотной писчей до особо тонкой для голубиной почты. Наиболее славилась дамаская бумага, которая в Европе так и называлась «*charta damascena*» (14, с. 52).

Из арабо-мусульманской Испании и Сицилии изготовление бумаги перешло во Францию, а затем в другие европейские страны. При этом был принят и метод изготовления из тряпья, преимущественно льняного. Причем именно из льняного тряпья, а не из растения. О.А. Добиаш—Рождественская отмечает, что «микроскопический анализ в настоящее время установил с несомненностью льняной состав средневековой бумаги и рассеял легенду о хлопчатой бумаге, повод к которой дало итальянское название бумаги: *charta bambagina*, *charta di bambagia* (также *charta bombycina*. — Б.С.). Имя это, как теперь оказывается, намекает вовсе не на хлопок (*bambax*), но на сирийский город *Bambyse* (араб. Мамбидш), где находилась фабрика бумаги. Таким образом, происхождение этого имени представляет полную аналогию с другим названием бумаги — «*charta damascena*» (23, с. 32). Как видно из перечня названий бумаги, начиная с «самаркандской», в основном названия были топографическими, по месту изготовления.

В Европе бумага первоначально использовалась для текстов скоропреходящего значения. Так, в 1231 г. Фридрих II Гогенштауфен запретил употребление бумаги для официальных документов. Первые французские бумажные документы, которые дошли до нашего времени, начинаются с 1243 г. Однако с XIV в. бумага начинает с успехом конкурировать с пергаменом, а в XV в. начинает брать над ним верх. На бумаге стали писать литературные произведения и книги, а не только частные письма, счета и ревизии (23, с. 33—34; 98, с. 19—25; 107, с. 58—60).

Особенностью европейской бумаги в отличие от восточной было наличие филиграней (водяных знаков). С конца XIII в. европейские мастера метят бумагу своего изготовления узорами, которые оттискивает на еще мягком листе проволочный орнамент, вделанный в дно формы, куда заливалась бумажная масса. Он хорошо виден на свет, представляя светлый узор на более темном фоне бумаги. Разнообразие рисунков бесконечно, но название и место нахождения фабрики вошло в состав водяного знака только в XIX в. Как отмечает О.А. Добиаш-Рождественская, одинаковые филигранны могли применяться изготовителями бумаги на протяжении многих лет и даже столетий. Поэтому несмотря на многие положительные результаты в датировке и локализации рукописей по водяным знакам, нередко были случаи, когда текст писали на бумаге старой фабрикации или изготовленной далеко за пределами ее использования (23, с. 34).

Интересные сведения о внедрении бумаги и ее конкуренции с пергаменом приводит Л.И. Владимиров на литовском материале. В XIV в. в Литве применялись и пергамен, и бумага. В прочность бумаги долго не верили. Поэтому в великокняжеской канцелярии Витовта важные государственные документы писали на пергамене, который импортировался. Не было в Литве XIV—XV вв. и бумажного производства. Бумагу ввозили из Италии, Франции и Германии. Разрешение на устройство первой бумажной мельницы в Вильнюсе было выдано в 1524 г. Как материал для писания книг бумага окончательно вытеснила пергамен во второй половине XVI в. (14, с. 80).

На Руси старейший текст на бумаге, который дошел до нашего времени, датируется 1345 г. С этого времени бумага начинает все сильнее конкурировать с пергаменом, а в XVI—XVII вв. он употреблялся уже только в исключительных случаях, в основном для юридических актов (14, с. 69). Начиная с Петра I и далее в XVIII в. производство бумаги в России считалось делом государственной важности.

В Европе во второй половине XV в. произошло разделение бумаги для письма и для печати (98, с. 23), но в начале

полиграфической эпохи для них использовалась та же бумага. Так, исследование А.С. Усачева показало, что на Руси в XV в. филигранные первые русских печатных книг находят аналогии в современных им рукописных книгах (81).

В целом анализ материалов для письма, начиная с глубокой древности и до начала книгопечатания в Европе, позволяет сделать вывод о том, что эволюция носителей информации осуществлялась от твердых материалов к мягким, а в последней категории — от менее мягких к более мягким и от дорогих к дешевым.

ГЛАВА 3

Средства письма. Чернила

Средства (материалы) письма могут быть жидкими и твердыми. К жидким относятся черные и цветные чернила, тушь, металлические и симпатические чернила, краски и кровь, к твердым — мел, уголь и свинец.

Победное шествие чернил началось во всех странах с переходом от устной информационной деятельности к письменной. Средние века в одном из их проявлений можно считать «чернильными веками». Карл Моор у Шиллера не может энергичнее выбрать свой вес, как назвав его «чернильным». Чернила вытеснили поэта-певца, запись вытеснила песню (2, с. 22). Из рукописной эпохи чернила перешли в полиграфическую. В 1926 г. в мире было 200 производителей чернил для печати (105 — в США). Один из этих фабрикантов Ф.Б. Уйборг заинтересовался историей и написал книгу о чернилах для печати, определенное место в которой заняла история чернил в древнем мире и в средние века (163). Эта работа наряду с другими является важным источником для настоящего исследования.

Чернила — это жидкость для нанесения письменных знаков на носитель информации. Чернила возникли на двух концах цивилизованного мира древности — в древнем Егип-

те и Китае, письменная культура которых сохраняет свое значение и преемственность с последующим временем вплоть до современности. Основные виды чернил: черные и цветные, в том числе тушь.

В древнем Египте введение чернил связано с появлением папируса как писчего материала и может быть прослежено до I династии (3100—2890 гг. до н. э.) (102, с. 11) и даже раньше — около 3400 г. до н. э. (138, с. 416). Древнейший папирус, на котором имеются письменные знаки, написанные чернилами, относится к 2500 г. до н. э. (140, с. 10). Египет создал особую жреческую должность священнописателя, который шествовал в ритуальных процессиях с чернильным прибором и тростниковым пером в руках (2, с. 10—11).

В Египте использовали чернила шести цветов: черные, красные, зеленые, белые, желтые и, вероятно, голубые. Все цвета (кроме голубого) сохранились на палетке, найденной в гробнице Тутанхамона (138, с. 414). Черные чернила в древнем и затем в коптском Египте изготавливали из сажи, смешанной с клеем. В качестве клея использовался сок папируса и затем гуммиарабик¹. Сажа разводилась в воде в пропорции 2:1. Красные чернила делали из охры или свинцового сурика. Чернила хранили в виде сухих лепешечек типа современных акварельных красок на палетках и смачивали водой при употреблении. Уже разведенные чернила держали в чернильницах (66, кн. 1, с. 38—39). А. Лукас в своем исследовании чернил древнего и современного Египта сообщает, что один священник коптской церкви познакомил его со способом получения черных чернил из сажи. Для этого ладан кладут на землю, накрывают глиня-

¹ Камеди, гумми — густые соки, выделяющиеся из надрезов коры многих деревьев. Полностью или частично растворяются в воде с образованием клейкого раствора. Известны гумми различных видов акаций, гумми вишневого дерева (вишневый клей) и др. Гуммиарабик (gummi — камедь, arabicus — арабский) — аравийская (сенегальская) камедь — желтая масса, вытекающая из коры деревьев *Acacia Senegal* (родина — Аравия).

ной миской на трех камнях или кирпичках, накрывают миску мокрой тряпкой и поджигают ладан. Образовавшуюся на миске копоть соскабливают и смешивают с гуммиарабиком и водой (138, с. 13—14).

В Китае чернилам придавали большое значение. Необходимо сразу отметить, что китайские чернила обычно называют «тушь». Есть предположения, что до изобретения туши для письма использовали другие материалы: лак и чернильный камень, под которым скорее всего имеется в виду графит (158, с. 172). Состав лака неизвестен. Наиболее вероятно, что это был продукт, полученный из сока лакового дерева. Его название — *сумах* (*Rhus*)¹. Оно культивировалось в Китае в древности. Оттуда дерево было завезено в Японию, где оно разводилось так же, как и в Китае, для получения лака. Этот лак сейчас называется «японский» (163, с. 5—7). Таким образом, по мнению многих специалистов, эволюция материалов, которые использовались для письма, была естественной: растительные (лак), минеральные (чернильный камень) и только затем сажа, которая была основным компонентом туши (158, с. 168).

В Китае стимулами для создания туши было изобретение кисти и бумаги. Изобретение кисти по традиции датируется III в. до н. э., бумаги — 105 г. н. э. В промежутке несомненно существовала какая-то жидкость для нанесения письменных знаков. Более того, имеются мнения о том, что тушь была известна еще при династии Шан в XII в. до н. э. или по крайней мере в 299 г. до н. э. (80, с. 34—35; 129, с. 4). В первом китайском словаре (100 г. н. э.) иероглиф *мо* («тушь») определяется как черный материал для письма, но это могла быть не тушь, а какое-нибудь другое красящее вещество. Согласно китайской традиции, изобретателем туши считается Вэй Тан (176—251 гг. н. э.) (80, с. 35). Точ-

¹ Сумах — лаконосное растение семейства анакордиевых (сумаховых). Дерево достигает 20 м высоты. При надрезах коры выделяет ядовитую, вызывающую ожоги кожи вязкую лаконосную смолу, которая является сырьем для изготовления лака.

нее, появление туши было возможно во время династий Вэй и Цзинь (200—420 гг. н. э.) (163 с. 13).

Когда речь идет о китайской туши, то подразумевается, что она имеет черный цвет. Главное в ее производстве — тщательное изготовление исходных материалов, их пропорция и смешивание. В обобщенном виде процесс создания туши, которая считается лучшими чернилами в мире, заключается в следующем. Сажа смешивается с клеем. Чтобы заглушить запах клея, в смесь добавляют мускус, камфору или другое благовоние, но на свойства туши как средства письма они не имеют влияния. Качество ее зависит в первую очередь от сажи и клея, их пропорции и процесса смешивания, который обычно держится в секрете. Кроме того, к смеси могут добавляться различные растительные, минеральные и химические вещества (163, с. 51).

Древнейший рецепт производства туши датируется V или VI в. н. э. К сожалению, в нем отсутствует процесс изготовления сажи. Его описание будет дано в дальнейшем.

Рецепт

«Хорошую и чистую ламповую сажу (копоть) отбивают и просеивают через сито из тонкого шелка, которое помещают на глиняный или керамический чан. Цель этой процедуры заключается в освобождении сажи от каких-либо растительных примесей так, что она становится похожа на тончайший песок или пыль. В связи с тем, что сажа очень легкая по весу, необходимо следить за ее сохранностью от рассеивания. Для изготовления одного катти (604,8 г) чернил требуется пять унций (унция — 28,3 г) клея и сок коры ясеня (*Fraxinus rubinervis bungeana*). Эта кора имеет зеленый цвет и содержит клейкое вещество, которое также улучшает цвет туши. Затем после тщательной фильтрации в смесь можно добавить белок пяти куриных яиц и по одной унции толченого жемчуга и мускуса. Все эти компоненты смешивают, помещают в железную ступку и отбивают пестиком тридцать тысяч раз; чем чаще, тем лучше. По весу полученный из смеси брикет чернил не

должен превышать две—три унции, и, соответственно, он должен быть небольшим по размеру» (129, с. 4; 163, с. 16—17).

Важнейшей частью изготовления туши был подбор исходных материалов для получения сажи и технология их сжигания. Первоначально исходным материалом для получения ламповой сажи была зеленая сосна, которая росла на склонах гор. У знаменитого поэта Цао Чжи (192—232) есть стихотворение, где говорится, что тушь производится из дыма зеленой сосны. Цао Чжи был современником Вэй Тана, и поэтому можно сделать вывод, что Вэй Тан первый использовал ламповую сажу от сгорания сосны для производства чернил. Для получения сажи использовали также березу. Однако интенсивное использование сосны привело к ее полной вырубке. Тогда сосну заменили на растительные, минеральные и животные жиры, такие как рыбий жир, рапсовое, конопляное и другие масла, керосин и свиной жир (129, с. 4—5; 163, с. 22, 31—34).

Для сжигания жидких масел в сосуд, полный масла, помещали известное число горящих фитилей и накрывали его железной крышкой в форме воронки или купола. Вместо крышки над горящими фитилями могли помещать друг за другом глиняные сосуды с отверстиями в дне. Копоть собирали на листы бумаги, соскребая ее с поверхности крышки или сосудов, в том числе при помощи птичьих перьев, чтобы легкие частицы не рассеивались. Сорты копоти различались в зависимости от места в приборе, с которого ее соскребли. Чем дальше от огня, тем сорт был выше. В дальнейшем для получения сажи строили специальные помещения (80, с. 35; 129, с. 4).

Важным технологическим элементом было число ударов пестиком при отбивании чернильной массы в ступе после смешивания всех компонентов. Сведения о 30 тыс. ударов в методе Вэй Тана упоминаются в последующих китайских источниках, но Уйборг считает это преувеличением. При династии Тан (618—907) один из производителей туши говорит о двух—трех тысячах ударов, а в XVI в. было достаточно несколько сот ударов (163, с. 17—18).

Следующим после сажи основным компонентом туши был клей. Считалось, что клей в туши подобен крови в теле человека. Его обычно изготавливали из различных частей копытных животных, в основном из шкур. Наилучший клей получали из оленьих рогов. Хороший клей должен был легко растворяться в воде. Технология его получения была такой же трудоемкой, как и для изготовления сажи. Куски очищенных шкур животных вымачивали в течение 2—3 дней и затем в течение нескольких часов кипятили в сосуде, закрытом тяжелой крышкой. Полученную жидкость процеживали через сито из белой ткани и выливали в бочку. За ночь она застывала. Полученный гель вынимали, разрезали на куски и сушили на солнце или на воздухе 2—3 дня. Для производства чернил перед смешиванием с сажой клей растворяли в воде при нагревании (129, с. 5—6).

Как было отмечено ранее, к саже и клею добавляли другие вещества для улучшения цвета, блеска и запаха туши, а также для того, чтобы уберечь ее от сырости и разложения клея. Известно, что один из танских императоров самолично изготавливал тушь, добавляя в нее сок цветов лотоса и ароматический порошок. Этот продукт был известен как «имперская тушь». Однако уже в XIV в. эксперты предостерегали производителей туши от увлечения дополнительными компонентами. Современные исследования показали, что эта рекомендация совершенно правильная и добавки имеют незначительное влияние на свойства туши (129, с. 6; 163, с. 26).

В Китае тушь сохраняли в твердом виде, в основном в виде круглых палочек и чаще в виде продолговатых брусков. В эпоху Тан производители туши подписывали свои бруски, покрывали их надписями и даже ставили даты (163, с. 27). Бруски украшались рисунками. Для этого привлекались известные художники.

Китайцы растворяли столько туши, сколько было нужно на один день. Для этого в небольшие углубления в тшечнице помещали несколько капель воды и в них растворяли немного туши с палочки или бруска. Перед использо-

ванием тушечницу тщательно мыли, чтобы не осталось следов предыдущей порции, так как они могли испортить свежую порцию жидкой туши (163, с. 50).

До династии Тан каждый в основном изготавливал тушь для себя. При Тан возникло не менее 25 фабрик. Были созданы государственные производства и назначены специальные чиновники, которые ведали изготовлением туши. Это объяснялось тем, что спрос на нее вырос в связи с изобретением ксилографии. Ко времени династии Юань (1280—1368) в Китае уже было 140 производителей туши (163, с. 19, 25).

В китайской туши особо ценился глубокий, подлинно черный цвет, который не менялся со временем, даже в течение столетий. Она не теряла своих качеств, даже если испи-санную рукопись опускали в воду на длительное время. Тушь была объектом восхищения и затем коллекционирования. Великолепные коллекции были созданы императорами. Имперские коллекции включали образцы туши за несколько столетий. Коллекционерами были также ученые, художники и каллиграфы. Наконец, образцы туши собирали из-за их художественной ценности (129, с. 11). Необходимо сказать о том, что тушь использовали в Китае также в качестве лекарства. В этом случае еще в древности ее формировали в виде пилюль, катышков и шариков (163, с. 22).

Корейцы заимствовали производство туши у Китая, но внесли в него важные усовершенствования. На «корейскую тушь» возник спрос за границей, и по требованию императора ее, как и корейскую бумагу, отправляли в качестве дани в Китай (66, кн. 2, с. 297). Усовершенствования касались прежде всего ламповой сажи и клея. Корейцы использовали для получения сажи древесину сосны, которую высушивали в течение многих лет, и клей из рогов оленя. Этот клей назывался «белый или светло-желтый клей», был очень дорогим и высоко ценился, поскольку его было трудно достать. В результате тушь получалась глянцевой и черной как лак. Корейская тушь вызывала восхищение у китайцев, но метод ее составления в течение некоторого времени оставался секретом (163, с. 29).

В Японии тушь появилась в 610 г., когда в нее из Кореи прибыли буддийские священники. Один из них, по данным «Нихон сёки» («Анналы Японии»), познакомил японцев с технологией изготовления бумаги и туши. Изготовление туши поддержал знаменитый принц Сётоку-тайси (572—621). В принципе технология ее изготовления в Японии была такой же, как в Китае, но отличалась в некоторых деталях.

Растительное масло, в том числе кунжутное и рапсовое, сжигалось в небольших тигелях или каменных мисках с фитилями из сердцевины камыша. Сверху помещался конусообразный уловитель копоти или перевернутая чаша из глины (обожженной, но не глазированной) с тем, чтобы копоть оседала на пористой поверхности. Чашу заменяли каждый час. Сжигание не могло быть длительным. В этом случае сажа становилась слишком плотной. Затем сажу собирали и просеивали через волосяное сито.

Клей делали из воловьих шкур и рыбьего жира. Он был светлым и действовал на смесь как цемент. После кипячения в необходимом количестве воды клей смешивали с сажей в фарфоровом блюде или медном тазе. Полученную массу месили как тесто и делали из нее шарики. Шарики заворачивали в ткань, помещали в каменный сосуд с дырками в дне и обрабатывали паром 15 минут. Затем материал вынимали, обрабатывали пестиком в ступе в течение 4 часов, чтобы масса стала совершенно однородной, и формировали в большие призматические бруски, которые недолго подвергали термической обработке в сосуде при температуре 50°C. Бруски растягивали в палочки, которые отбивали на наковальне деревянными колотушками, пока они не приобретали правильную форму и глянец. Затем их вновь мяли на гладкой поверхности стола, добавляли ароматические вещества (мускус, камфора и др.), вручную придавали желаемую форму и помещали под деревянный пресс.

Для сушения тушечных палочек использовали пепел рисовой соломы, который тщательно просеивали и высушивали на солнце. На дно ящика для сушки помещали слой

пепла толщиной около 2,5 см, на него палочки, затем еще слой пепла, снова палочки и сверху вновь слой пепла. Время сушения зависело от количества воды в палочках. После сушения палочки туши вынимали, очищали от пепла, помещали в небольшое сито и оставляли в тенистом месте на 1—2 дня. На этом процесс сушки завершался. Палочки полировали щеткой, иногда покрывали лаком и даже золотили. На их поверхности проставляли различные сведения: имя производителя, место изготовления, девизы и др.

После изготовления тушь следовало выдерживать в течение нескольких лет, так как со временем она становилась более твердой, черной и блестящей. Это правило соблюдалось также в Китае (163, с. 53—55).

Помимо черной туши в Китае и странах Дальнего Востока использовали цветную тушь и чернила. Так, в Китае, если в книге, кроме основного текста, были комментарии, то их писали черной тушью, а основной текст красной (46, с. 39). Рецепты пурпуровой и голубоватой туши сохранились со времени династии Вэй (220—280).

Рецепт

2 унции сосновой сажи смешивают с небольшим количеством гвоздики, мускуса и сухого лака. Смесь перемешивается с клеем, замоченным в воде, и нагревается на огне. Процесс изготовления этого предварительного материала занимает полный месяц. После этого из него могут быть изготовлены пурпуровая и голубоватая тушь. Пурпуровая получается после добавления корня «пурпуровой травы» (*Lithospermum officinale* L. var. *erythroyson*). Это растение до сих пор культивируется в Китае для получения пурпуровой краски из его корней. Для изготовления голубоватой туши использовалась кора ясеня (*Fraxinus pubinervis*) (163, с. 22).

В XIX в. в Китае получали красноватые чернила на основе опермента (As_2S_3 , сернистый мышьяк) и красные чернила на основе киновари (сернистая ртуть) (127, с. 40). Как

будет показано ниже, киноварь использовалась во всем мире. В Японии киноварью чаще всего производились исправления в тексте, выделение отдельных мест и разметка для чтения (66, кн. 2, с. 228).

Тибет и восточная часть Центральной Азии (Восточный Туркестан) находились в зоне китайского культурного влияния. В них основным средством письма была черная тушь. Тибет получил из Китая мастеров по изготовлению бумаги и туши в середине VII в. (см. бумага). Кроме того, в нем использовали красные (киноварь) и металлические (золото, серебро) чернила (163, с. 58—59). На то, что тибетские писцы пользовались не только тушью, но и чернилами, указывает наличие у них «песочниц» в качестве одного из орудий письма. Тушь для высыхания не требует присыпания песком (80, с. 39). Народы Восточного Туркестана и тангуты также в основном писали китайской тушью на основе лапковой сажи и камеди, в том числе вишневой (вишневый клей). Кроме того, древние тюрки применяли красную тушь для выделения первых строк глав и слов, которые они читали с особым почтением (15, с. 161; 66, кн. 2, с. 382).

Китайская тушь попала в Индию и через нее в Европу, где она была известна как «индийские чернила». Возможно, это объясняется тем, что ее подлинное происхождение было неизвестно (129, с. 12). В Индии изготавливали собственные чернила, в том числе для письма на пальмовых листьях. Основой одного из рецептов был уголь из жженого миндаля, который кипятили в бычьей моче (80, с. 38). Основой чернил служил сок растения кесурте (*Verbesina scandens*), который смешивали с отваром из киновари. Эти чернила отличались высоким качеством, глубоко проникали в ткань листа и не смывались. Чернилами писали рукописи в основном в Бенгалии. На юге текст обычно процарапывали и втирали краску не сразу, а при чтении, каждый раз подновляя текст. Поправки и дополнения на полях в процарапанных рукописях обычно сделаны чернилами (66, кн. 2, с. 41). Еще один рецепт заключается в смешивании древесного угля, истолченного в пудру, с гуммиарабиком и соком са-

харного тростника (14, с. 22; 163, с. 66). В Индии изготавливали также красные и желтые чернила.

В Персии делали чернила из финиковых косточек. Косочки помещали в керамический сосуд с глиняной затычкой и ставили на огонь до следующего дня, затем снимали с огня, давали остыть, растирали и просеивали полученный материал и смешивали его с гуммиарабиком и водой. Эти чернила были плохого качества, так как содержали очень мало чистого углерода (138, с. 415).

В мусульманский период народы западной части Центральной Азии переняли способы изготовления туши из Китая. А.П. Терентьев-Катанский приводит рецепт из книги Фахруддина ар-Рази «Собрание наук» (XI—XII вв.) как доказательство того, насколько китайский способ изготовления туши укрепился в странах Востока.

Рецепт

Следует взять небольшой лоскут хлопчатобумажной ткани, скрутить из него толстый фитиль, положить в лампу, налить в нее масло и зажечь фитиль. Затем отломить верхнюю половину глиняного кувшина, в который еще не наливали воду, поставить ее на лампу и держать на ней до тех пор, пока на черепке не образуется достаточно копоти. Затем копоть соскоблить птичьим пером на бумагу.

В этой части все сходится с китайским способом получения сажи. Далее следуют детали, которые могли возникнуть на месте или попасть в западную часть Центральной Азии из восточной. Сбранную копоть запекали в тесто и помещали в горячую золу до тех пор, пока маслянистость, свойственная природе копоти, уничтожится силой жара. Затем сажу растирали в ступке с раствором белого гуммиарабика, прибавляли раствор истолченного чернильного орешка¹, пережженный купорос, жидкую хну, настой из

¹ Чернильные орешки — наросты на листьях дуба и других растений.

мировых семян, розовую воду, цикорную водку, шафран и др. В труде ар-Рази приводилось еще пять рецептов изготовления чернил. В трех из них основным компонентом была сажа (80, с. 37).

Аналогичные рецепты были типичны для многих стран Востока. Различия заключались в том, из какого материала получали сажу. Обычно для этого использовали различные растительные, но также и животные жиры. Как клей применяли гуммиарабик. В Ираке добавляли яичный белок. Слабые растворы уксуса или йогурта имели целью замедлить образование плесени (135, с. 7). Необходимо также отметить, что некоторые мастера изготавливали чернила по своим собственным рецептам, которые они держали в секрете (78, с. 183).

Основные цвета цветных чернил в мусульманских странах: красный, желтый и зеленый. В меньшей степени применяли фиолетовые, белые, синие и розовые чернила. Как красный пигмент использовали киноварь и красный свинец (Pb_3O_4). Основным компонентом желтых чернил был орпимент (сернистый мышьяк), зеленых — ярь-медянка (135, с. 8).

В Сирии чернила также делали из сажи, но в основном предпочитали собственные рецепты. Обычно для приготовления чернил брали дубовые чернильные орешки, богатые танином, их мелко дробили и смешивали с водой. Раствор настаивали, процеживали через грубую ткань и подогревали на огне. После остывания в него добавляли немного купороса и камедь для придания большей густоты. В результате атмосферного окисления раствор приобретал черный цвет. Позднее у сирийцев появились также железистые чернила. Еще одним материалом для чернил были корни растения, которое называлось *арто*. Их употребляли вместо чернильных орешков. Корни этого кустарника (*Calligonum comosum*) дробили, разбавляли темно-красным свежим вином или виноградным уксусом, что способствовало вытяжке танина. Такому раствору полагалось выстоять три дня. Затем в него добавляли немного купороса и камеди. Виног-

радный уксус и вино использовали и в рецептах с дубовыми чернильными орешками (66, кн. 1, с. 119—120). В дальнейшем арабы завезли рецепт приготовления чернил из сажи с уксусом и соком кислого винограда в Испанию (29, с. 30).

В Эфиопии имелся особый рецепт изготовления чернил. В них содержалось восемь исходных компонентов: сажа, собираемая с кухонной посуды; сожженные и перетертые листья растения *Dodonea viscosa*; сожженные и перетертые листья растения *Osyris abyssinica*; жженная и перетертая кора горного бамбука (*Agundinaria elpina*); сожженные и перетертые листья растения *Entada abyssinica*; жженный и растертый в порошок бычий рог; жареные семена нуга (*Guizotia abyssinica*), пропаренные и растертые; камедь эфиопской акации (*Acacia abyssinica*). Все эти компоненты дают цвет.

Для придания чернилам блеска использовалась мякина ячменя, пшеницы или плевела, но наилучший эффект дает, как считается, мякина дагуссы (*Eleusine coracana*). Ее слегка поджаривают и затем варят. После этого замешивают с водой и тщательно перемешанным и растертым в ступке чернильным порошком, который состоит из восьми вышеперечисленных компонентов, и оставляют в темном месте бродить. Через три месяца чернила готовы к употреблению, но считается, что по-настоящему хорошее качество чернил можно получить лишь через шесть месяцев (66, кн. 1, с. 212—213).

Эволюцию распространения чернил в Европе необходимо проследить начиная с древней Греции и Рима. Греки заимствовали черные и красные чернила в Египте. Античные чернила до IV в. н. э. в основном состояли из сажи и вишневой камеди. Это нашло отражение у Плиния (Естественная история, XXXV, 6) (23, с. 34). Их также изготавливали из костяного угля (в том числе из жженной слоновой кости), косточек плодов, мягких древесных пород, высушенного винного осадка и, возможно, из чернильной жидкости карака-тицы. Сажу смешивали с клеем в пропорции 3:1 (27, с. 30; 163, с. 71—72). В дальнейшем чернила стали делать из чернильных орешков (162, с. 236). С IV в. появились чернила

на основе железистых соединений (14, с. 27). В древнем Риме применялись также красные чернила (90, с. 99). Прочность античных чернил демонстрируют рукописи из Геркуланума (108, ч. 1, с. 48—49).

В средневековой Западной Европе основными компонентами чернил были чернильный орешек и камедь (23, с. 36; 26, с. 397). Иногда к ним добавлялись купорос и вино. В. Ваттенбах приводит несколько рецептов XII—XV вв., в которых имеются различия в исходных материалах и технологии изготовления (162, с. 37—40).

Рецепт

«Возьми кору терновника, положи ее в воду, чтобы вытянуть краситель, высуши полученную массу и, когда нужны чернила, смешай ее с вином и атраментом и поставь на угли».

В этом рецепте неясно, что обозначает слово «атрамент». В. Ваттенбах считает, что имеется в виду купорос (лат. «atramentum» — черная жидкость, черная краска, чернила, медный купорос).

Рецепт

«Возьми орешки, тщательно разотри их в пыль, сверху налей дождевой воды или пива, добавь столько купороса, сколько ты считаешь нужным, дай смеси отстояться несколько дней и затем процеди ее через ткань. Когда ты хочешь писать, добавь немного гуммиарабика и подогрей смесь немного у огня только, чтобы она стала теплой, и будут хорошие и прочные чернила, на чем бы ты ими ни писал».

В следующем рецепте (из Англии) отсутствуют орешки и тепловая обработка, а также вино или уксус. Основа — купорос и клей. Полученные чернила годились только для пергамена, но не для бумаги.

«Возьми 2 унции зеленого купороса и разведи его в одной кварте (0,9463 литра) отстоявшейся дождевой воды, оставь на 4 дня, затем добавь 3 унции камеди и дай настояться в течение 3 дней».

Применялись также цветные чернила, особенно красные. Использование красного цвета для выделения перешло в Европу через греков из древнего Египта. Кроме того, применялись зеленые, голубые, фиолетовые, желтые и другие чернила (23, с. 37—39). Цветные чернила изготавливались на минеральной основе: сернокислое железо, окись меди, хромокислый калий. Избранное вещество очень мелко толкли, смешивали с водой (по возможности чистой, дистиллированной), готовили экстракт и затем фильтровали (29, с. 30).

На Руси чернила изготавливали по рецептам, сходным с европейскими, с некоторыми местными вариациями. Основные компоненты: чернильные орешки, камедь (вишневая или гуммиарабик) и железный купорос. Применялись также дубовая и ольховая кора, квас и капустный рассол (14, с. 69). В рукописи XV в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры имеется рецепт, в котором к чернильным орешкам, вишневому клею и железу, погружаемому в смесь для окисления, добавляется кислый и пресный мед (70, с. 19—20).

Цветные чернила делали на основе киноvari (красно-желтые), сурика (розово-оранжевые), охры (желтые), яри-медянки и малахита (зеленые) и др. Краску перед употреблением разводили в камеди или яичном белке (14, с. 69—70; 70, с. 20).

Кроме цветных чернил, которые в определенной мере можно считать красными, при письме использовали также густые масляные краски и акварели. В наскальной каллиграфии Китая изображение каллиграфического знака создавалось посредством углубленной гравировки черт, заполняемых краской, чаще всего красной, реже желтой, которая контрастно выделялась на темном фоне камня

(5, с. 68—69). В христианской традиции краски применялись для украшения рукописей и для миниатюр. Ацтеки в Мексике писали свои тексты цветными красками на оленьей коже (26, с. 121). В целом для письма на коже и пергамене обычно применяли масляные краски, а на бумаге — акварель (14, с. 70—71).

Для красивого каллиграфического письма применялись также металлические чернила на основе золота, серебра и меди. При этом нужно иметь в виду, что медь быстро окислялась. Иногда вместо серебра использовали олово или свинец. Металл растирали в пыль и смешивали с камедью (135, с. 9). А. П. Терентьев-Катанский приводит рецепт изготовления золотой краски из трактата Фахруддина ар-Рази «Собрание наук» (80, с. 36—37).

Рецепт

«Из того количества [полученного золота] берут [все] сто листов золота и некоторое количество черного клея («черный клей» — неизвестное вещество); кладут его в фарфоровую чашку. Начисто моют руки горячей водой и отрубями; обмазывают черным клеем чашку [внутри], кладут туда золото по одному листу [друг за другом] и растирают его двумя пальцами, указательным и средним, водя ими по дну посуды, пока оно хорошо не распустится, [затем] наливают в чашку немного профильтрованной воды и рукою вращают по сторонам чашки, как будто моют ее, [чтобы дать всему хорошо смешаться]. После этого закрывают сверху чашку и оставляют [в таком положении] на один час, чтобы золото село на дно. Затем сливают излишек воды и добавляют в золото небольшое количество гуммиарабика. Для употребления обмакивают волосяную кисточку в золото, намазывают им перо¹ и пишут; когда увидят, что [написанное или нарисованное] высохло, ему придадут блеск, лоща его яшмой или сердоликом».

¹ Перо — это калам (см. Орудия письма).

Для секретной корреспонденции применялись симпатические чернила, которые для чтения было необходимо проявлять особым образом. В состав симпатических чернил входили моча, камедь и молоко. По получении письма, для проявления чернил текст посыпали тончайшей угольной пылью или другим цветным порошком (90, с. 101).

Наконец, еще одним жидким средством письма была кровь. Воины на поле сражения применяли собственную кровь для того, чтобы написать на мече или щите свое завещание. В Риме и Византии такие завещания признавались законными (90, с. 102).

Твердыми средствами письма были свинец, мел и уголь. Древность и средние века не знали карандашей. Поэтому графит в твердом виде для письма не использовался (90, с. 102—104).

Забота о хороших чернилах была повсеместной, была она характерна и для Европы в средние века. Было распространено мнение, что «хорошие книги аннулируются худыми чернилами» (163, с. 201). В основном чернила производились по заказу. Канцелярии, университеты и цеховые писцы снабжались определенными мастерами. Так, Тома Леваннассер, проживавший в Париже у «Фонтана невинных», с апреля по декабрь 1461 г. поставлял чернила для нотариусов Королевской канцелярии; причем приносил бутылки от 3 до 10 раз в месяц. В монастырях были специальные лица, которые изготавливали чернила для скрипториев. На рынок для неопределенного потребителя выносилось мало чернил. Вот почему Петрарка в одном из писем жалуется, что в богатом книгами Льеже он не мог купить чернила, чтобы переписать речь Цицерона (23, с. 36; 29, с. 30).

Литература о чернилах возникла уже в древности. В Китае многие из этих работ были посвящены знаменитым изготовителям чернил и способам их производства. Известны сотни мастеров по изготовлению чернил в отличие от немногих изготовителей бумаги и кистей (129, с. 8; 163, с. 18). В Европе о чернилах писали Диоскорид, Витрувий, Пли-

ний, Исидор Севильский и др. Известна даже специальная работа «О чернилах» (108, ч. 1, с. 48). П. К. Симони опубликовал сведения о составлении чернил, клея, творке золота, серебра и красок из русских и сербских рукописей XV—XVIII вв. (75). Современная литература представлена в списке литературы и в ссылках на нее. Особый интерес, как было отмечено ранее, представляет книга американского фабриканта Ф. Б. Уиборга (163).

ГЛАВА 4

Орудия письма

В древности орудия письма были знаками социального статуса человека, а их эволюция определялась тем, на какие носители информации с их помощью наносились письменные знаки. Более того, для древнего писца орудия труда не только являлись драгоценным залогом его места среди людей, но и обозначали причастность к божественному началу. Древний Египет даже создал особую должность жреца — священнописателя (греч. «hierogrammateus»), который шествовал в ритуальных процессиях с чернильным прибором и тростниковым пером в руках (2, с. 10—11, 24). Вот как выражено отношение к орудиям письма в одном из папирусов Нового царства (57, с. 102—103):

Писания становились их (писцов. — Б. С.) жрецами,
а палетка для письма их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.

Для нанесения текста на твердые носители (камень, металл, дерево) использовали резцы и ножи (98, с. 9). В Китае для вырезания надписей употреблялись бронзовые резки, имевшие форму граверного резца или ножа (22, с. 134). В Индии для письма на пальмовых листьях применяли металлические палочки с заостренным концом. Лучшим ме-

таллом для палочек индийская традиция считает золото, но на практике такие палочки употреблялись только при дворах индийских правителей (66, кн. 2, с. 41). В Малайе для письма на пальмовых листьях применяли стиль из железа. После процарапывания текст посыпали угольным порошком (137, с. 245). На Руси текст на бересте процарапывали заостренной и полированной костью — «писалом». Писала могли делать также из металла и даже дерева. Их подвешивали к поясу и хранили в специальных кожаных чехлах (4, с. 18; 14, с. 58).

На воощеных табличках («церах») писали стилем (лат. «stilus») — металлической палочкой, заостренной с одной стороны и закругленной с другой. Заостренной стороной писали, а закругленной — стирали написанное. Отсюда рекомендация «чаще оборачивай стиль» («saepe stilum verte»), т. е. чаще исправляй написанное (23, с. 16; 27, с. 7).

В древней Месопотамии выдавливали письменные знаки на глиняной табличке стилем с прямоугольной головкой, который назывался «тростник для глиняной таблички». Однако такой стиль делали не только из прямого куса тростника, но также из кости, твердого дерева или металла. На ассирийских памятниках изображены писцы, которые держат стиль в сжатом кулаке и прижимают его к табличке (19, с. 16; 22, с. 67).

Наиболее распространенным орудием письма на Востоке была заостренная палочка из камыша или тростника. Греки называли ее «калам», и это слово обозначало прежде всего «камыш» (27, с. 27).

В древнем Египте использовали особый вид камыша (не тростника) — *Juncus maritimus*. Он до сих пор растет в Египте, преимущественно на соляных болотах. От стебля отрезался кусок нужной длины, и один его конец срезался наискось, набодобие долота. Плоским концом проводились более толстые линии, а острым краем — более тонкие. В эпоху Среднего царства (первая половина II тысячелетия до н. э.) длина палочек доходила до 40 см, а толщина — до 2,5 мм в диаметре. С эпохи Нового царства (вторая половина II тысячеле-

тия до н. э.) стали пользоваться более тонкими и короткими палочками — около 20 см длиной и 1,5 мм в диаметре.

В греко-римскую эпоху камыш заменили на тростник *Phragmites communis*. В III в. до н. э. и далее тростниковую палочку стали расщеплять так же, как впоследствии птичье перо. В VI или VII в. н. э. монахи монастыря св. Епифания в Фивах писали тростниковыми перьями диаметром 1 см. По мере износа кончик обрезался, и в конце концов перья уменьшались до нескольких сантиметров в длину. Для таких старых перьев употреблялись деревянные удлинители, которые вставлялись внутрь тростника (66, кн. 1, с. 38; 138, с. 417—418).

В Китае на бамбуковых и деревянных дощечках писали расщепленным бамбуковым пером (местный вариант калама). Тибетцы, тангуты и тюрки также использовали калам из камыша или тростника (15, с. 161; 81, с. 38—39; 164, с. 5). В Тибете тоже применяли палочки из веток тамариска. Такие перья расщепляли на одном конце и на другом конце снабжали костяным набалдашником, который служил для полировки бумаги (66, кн. 2, с. 335).

В Средней Азии отобранный для калама тростник, а также камыш оставляли погруженным в воду, пока он не приобретал темно-коричневый цвет. После обработки тростник разрезали и на месте узла специальным ножом делали заточки и расщеп. При этом рекомендовалось правую сторону делать немного тоньше левой. Для обрезки тростника использовалась особая костяная или роговая подставка. Изготовленный калам протирали землей, чтобы очистить от жира, и пробовали на письме: если точка от калама получалась правильной формы, он считался годным для письма (78, с. 182—183).

В мусульманских странах калам занимал первое место как орудие письма. Иногда его называли *мизбар*, что собственно и значит «орудие письма». Ему воздавалась всяческая хвала. В одной из старейших сур Корана говорилось, что Аллах научил человека с помощью калама. Считали, что калам — одна из первых созданных Богом вещей и что им пользовались древние пророки.

Калам сравнивали с мечом. Его качеству придавали большое значение. Оно зависело от умелого выбора тростника (по толщине, твердости, месту произрастания), от выдержки, хранения и обработки. Тростниковый калам должен был соответствовать определенным стандартам и отвечать особенностям стиля письма и вкусам пишущего. Поэтому заточка калама требовала умения и считалась делом профессиональной чести, а иногда была и секретом писца (82, с. 165—166). От правильной заточки зависели толщина линий, одинаковое заполнение графических знаков чернилами и быстрота письма. В отличие от птичьего пера письму камышовым или тростниковым инструментом свойственны линии одной толщины (89, с. 40). Эта техника была характерна в целом для стран Востока.

Греки, как в древности, так и в средние века, пользовались для письма каламом, но наряду с другими инструментами. Этот обычай распространился на соседние страны и страны, которые получили от греков христианство, например древняя Русь. Однако в отличие от стран Востока предпочтение в конце концов было отдано птичьим перьям (26, с. 348; 27, с. 27—28; 76, с. 156).

В Армении изобрели специальные насадки, которые позволяли длительное время не обмакивать орудия письма в чернила. Писец Гоган в колофоне одной из книг 1435 г. сообщил, что он может написать целую страницу (900 и более букв), не обмакивая перо в чернила. Таким образом, переписчик пользовался чем-то вроде современной авторучки. На миниатюрах сохранились их изображения (14, с. 83; 66, кн. 1, с. 156).

В Западной Европе калам также имел широкое распространение, когда его стало вытеснять птичье перо. К IX в. в Европе к северу от Альп птичьи перья практически полностью заменили каламы, и это стало одним из отличий западной культуры письма от восточной. Однако О.А. Добиаш-Рождественская отметила, что в ирландской иконографии евангелисты, кроме Иоанна, до XI в. изображались пишущими каламом (23, с. 50; 76, с. 156; 98, с. 8—9).

Кисть как орудие письма характерна для стран Дальнего Востока, и прежде всего для Китая. А. Лукас отмечает, что в древнем Египте конец тростникового пера могли расщеплять до такой степени, что он становился мягким. Это фактически превращало его в кисть (140, с. 9—10). Однако о каком-либо влиянии на Китай в данном случае даже нет речи, как, впрочем, и о многих других предполагаемых влияниях древней ближневосточной письменной культуры на дальневосточную (105, с. 35).

Писчая кисть (*би*) была изобретена в древности, но волосяная кисть (*маоби*), как она известна в настоящее время, появилась на рубеже нашей эры и в течение I тысячелетия непрерывно совершенствовалась. Традиция приписывает изобретение писчей кисти Мэн Тяню — строителю Великой стены и генералу династии Цинь. После объединения Китая в одну империю в 221 г. до н. э. он был назначен придворным историографом, который должен был работать с документами. Возможно это привело его к усовершенствованию письменных принадлежностей (66, кн. 2, с. 108; 158, с. 158—160).

В сочинении знаменитого каллиграфа Ван Си-чжи (321—379) перечислены различные виды кистей, начиная с династии Хань. Предпочтение отдается кистям из заячьей шерсти. Центральный стержень кисти делался более упругим благодаря добавлению в него жестких волос, например черной крысы, а опушка, более короткая и мягкая, изготавливалась из нежного заячьего пуха. На рукояти употреблялись различные материалы, чаще всего бамбук, но бывали рукояти из золота, хрусталя, слоновой кости. Деревянные рукояти нередко украшались резьбой, инкрустировались золотом и серебром. Многие известные поэты и писатели посвящали своим кистям художественные произведения. В целом мягкая кисть сохранилась в Китае до XX в., когда во всеобщем употреблении (но не в каллиграфии) она была вытеснена авторучками (66, кн. 2, с. 108—109).

Во всех странах Дальнего Востока, в Тибете и Центральной Азии, т. е. в зоне китайского культурного влияния, для

письма применялась кисть, хотя тибетцы использовали также калам (80, с. 39). Имеются сведения, что на Западе кисть для письма на папирусе и пергамене применяли греки (26, с. 348).

На Западе кисть, возможно, использовалась для того, чтобы писать золотые буквы в рукописях (23, с. 40—41). Она использовалась при создании миниатюр для нанесения красок. Так, в Эфиопии контуры любого изображения в рукописи обычно прорисовывались черными чернилами при помощи калама и затем наносилась краска кистью. Обычно делали ее из волос ослиной гривы, приклеенных к деревянной палочке соком эфиопского молочая (66, кн. 1, с. 213).

Птичьи перья как орудия письма получили особенно широкое распространение в Западной Европе. Однако на Востоке они также применялись. В Армении они в конечном счете полностью заменили калам. Птичьи перья применяли в мусульманских странах и в Эфиопии. По словам эфиопских книжников, в древности рукописи писались перьями, изготовленными из хвостового оперения кур или крупных хищных птиц (66, кн. 1, с. 118—119, 156, 214; 82, с. 166).

В Западной Европе первое упоминание о птичьем пере находится во втором фрагменте так называемого «Анонима Вalezия», сочинения современника остготского короля Теодориха (493—526). Но уже через сто лет Исидор Севильский признает орудием письма и калам, и перо. По всей видимости, замена камышового пера птичьим совершилась в XI в. С XII в. западные письменные источники говорят только о гусиных, лебединых и павлиньих перьях. Подготовка птичьего пера для письма заключалась в специальной обработке: его выдерживали в песке или золе, соскребали ненужные перепонки, удаляли жир и очиняли. В Византии птичьи перья, по-видимому, не пользовались успехом (14, с. 48; 27, с. 28—29).

На Руси предпочтение отдавалось птичьим перьям, хотя на иконах изображались также каламы (77, с. 33). Использовали перья различных птиц, но в основном гусиные. Чрезвы-

чайно многообразны были способы «очинки» пера. Размеры расщепа определялись в зависимости от того, для какого письма предназначалось перо — для крупного или мелкого скорописного. Все приемы шли от глубокой древности. В сборнике XVI—XVII вв. имелась статья «О пере» (70, с. 20).

На Украине в XVI—XVII вв. пользовались в основном гусиными перьями, а для нотных текстов — орлиными. В сборнике П. Симони имеются сведения о том, как расщеплять, срезать и чинить перья для различных видов письма, которые были общими для украинской и русской письменной культуры. Книгописец-каллиграф рекомендует для каждого случая длину расщепа и среза кончика пера, а также под каким углом и куда должен идти скос — влево или вправо. Там же автор предлагает своего рода авторучку, которую нужно было наполнить сверху чернилами. Их хватало на целую страницу (33, с. 33; 75, с. 37—41). Ранее уже был описан аналогичный случай в Армении XV в.

Стальные перья впервые появились в Англии в конце XVIII в., а распространение получили лишь в XIX в. (26, с. 397). Кроме тех инструментов, которыми собственно писали, для письма использовались также некоторые другие орудия и приспособления. Важнейшими из них были палетки, тушечницы и чернильницы.

В древнем Египте палетки были известны двух типов: более ранние и поздние. Более ранние палетки, изображения которых имеется в иероглифическом знаке для их обозначения, изготовлялись по всей вероятности из дерева и имели две полости для черных и красных чернил. На более поздних палетках, кроме двух углублений, имелась щель для каламов. Палетки с несколькими углублениями предназначались не для писцов, а для художников. Кроме палетки, писец имел небольшой сосуд для воды и краскотерку для чернил из сухой заготовки. Краскотерка состояла из небольшого прямоугольного камня с углублением в середине и небольших каменных пестика или лопаточки, которая могла быть из дерева. Писец также пользовался небольшой тряпочкой, чтобы смывать ошибки (102, с. 12—13; 137, с. 418).

В Китае для растирания туши служила доска-тушечница. Ее делали из камня, керамики, фарфора, из других материалов (кирпич, нефрит, хрусталь, серебро, железо, бронза, раковины, а также бамбук и дерево). В небольшое углубление, высеченное у одного края тушечницы, наливали воду. В нее обмакивали палочку туши, а затем растирали ее на другом, шероховатом или немного углубленном конце доски. Вместо воды в углубление могли наливать уксус или другой растворитель. Эти углубления носили поэтическое название «лужица туши» или «прудок туши». Бывали тушечницы с углублениями для черной и красной туши. На более ранних этапах могли пользоваться просто фарфоровой, керамической или каменной чашкой с шероховатым дном, в которую наливали воду и затем растирали тушь. Тушечницы пользовались таким же пиететом, как и кисти. Их украшали узорами, каллиграфическими надписями, изображениями благожелательных предметов. В китайских музеях хранятся их образцы самых различных форм (прямоугольные, круглые, фигурные) (66, кн. 2, с. 111; 80, с. 38; 158, с. 172—174). Древнейшая тушечница, которая дошла до нашего времени, была найдена в гробнице в 1975 г. Она была сделана из булыжника и не имела правильной формы. Ее длина составляла 6,8—7 см, ширина — 5,3—6 см, толщина — 2 см (159, с. 190).

Чернильницы обычно делали из камня, рога или металла, но также из дерева и обожженной глины. Они были известны с глубокой древности. До нашего времени сохранилось немало древних чернильниц, иногда с остатками высушенных чернил. Среди них имеются роскошные, подобные византийской серебряной чернильнице IX в., украшенной изображениями античных мифологических персонажей и надписью, которая прославляет писца Льва — «чудо среди каллиграфов» (27, с. 30; 90, с. 104—105). В Западной Европе в качестве чернильницы в основном употреблялся рог, вставляемый в отверстие столовой доски. Отсюда одно из названий чернильницы — *cornu*, *corniculum* (лат. «рог», «рожок»). Рог, как особенно часто применявшийся материал, дал в

Париже имя мастерам, которые изготовляли чернильницы. В налоговом списке 1292 г. они называются *cometiers* (23, с. 37). Кроме того, в помощь письму использовались некоторые вспомогательные орудия: линовальные приборы и грифели; ножи для очинки каламов и перьев, а при письме на дереве и бамбуке для исправления ошибок; губки и пемза для смывания и стирания текста; песочницы для присыпания чернил; пеналы и др.

ГЛАВА 5

Надписи и документы

Письмо было прежде всего использовано для создания надписей и документов, т. е. в отличие от книг для сравнительно кратких письменных сообщений. Надписи высекали, вырезали, выцарапывали, выплавляли и писали на поверхности твердых, иногда мягких, носителей информации. Документы наносились на любые носители, но их особенностью было наличие каких-либо реквизитов, позволяющих идентифицировать информацию¹. Соответственно надписи и документы изучают две науки — эпиграфика и дипломатика, а сами артефакты *в основном* разошлись в музеи и архивы.

Надписи и документы появились в самом начале письменной истории. Они были свидетелями перехода от устного способа хранения и передачи информации к письменному. Возникло стремление превратить слово в документ, в том числе на камне, бронзе и других твердых материалах

¹ Эта норма отражена в трех пунктах ГОСТ Р 51141—98. «Делопроектирование и архивное дело. Термины и определения»:

П. 3. Документ; документированная информация — зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

П. 39. Реквизит документа — обязательный элемент оформления официального документа.

на вечные времена. Иов сожалеет, что его стенания — не письменный текст и не мемориальная запись (Книга Иова XIX, 23—24; 2, с. 8—9; 57, с. 591):

О, пусть бы записали мои слова,
пусть бы в книгу их занесли,
железным грифелем, залив свинцом,
в камень врезали на все времена.

С.С. Аверинцев обращает внимание на то, что в благодарственном гимне по случаю спасения Константинополя от осадивших его полчищ аварского хакана в августе 626 г. город обращается к Богородице и заявляет, что во славу ей «записывает» (*anagráphō*) свои «победные благодарения». Глагол «*anagráphō*» обычно употреблялся для обозначения официально значимой «записи» события или имени в документе или в мемориальной надписи на стеле. Таким образом, произошел сдвиг от устного к письменному способу фиксирования информации. В отличие от античных авторов, которые подставляли метафору пения на место образа письма, византийский гимнограф подставил метафору письма на место образа пения (2, с. 8).

Документное применение первой письменности было связано также с тем, что государственное и храмовое хозяйство и управление нуждались в большом числе документов коммерческого и правового характера (14, с. 16; 99, с. 8 и др.). Считается, что основной корпус китайских письменных источников до Конфуция составляли именно официальные документы (159, с. 10). Уйгуры стремились зафиксировать с помощью письма всякое значительное событие в их жизни (66, кн. 2, с. 359). Этот перечень можно продолжить по всем культурам.

Надписи

В древнем Египте надписи I династии (3100—2890 гг. до н. э.) являются свидетелями начала письменной культуры. Надписи делали на камне, каменных и керамических сосу-

дах, слоновой кости, дереве и других твердых материалах. В основном они носили ритуальный характер, в том числе сведения о великих триумфах фараона (37).

Такой же смысл имели многие надписи древней Месопотамии. Кроме победных реляций и вотивных надписей, в Месопотамии на камне размещали своды законов. Из правовых надписей наиболее известны Законы Хаммурапи (вавилонский царь 1792—1750 гг. до н. э.). Они были высечены на базальтовых столбах и воздвигнуты во всех городах государства. Особое значение имели вотивные надписи, которые подобно египетским могли включать реляции о победах. Такие надписи царей Шумера, Вавилонии и Ассирии, а также Персии и греческих правителей вплоть до Антиоха I Сотера, были двух типов: на предметах, посвящаемых царями богам, и на предметах, которые замуровывались в здания храмов или дворцов. Они не предназначались для чтения людьми. Это были послания божествам.

Лишь немногие царские надписи на барельефах, стенах или скалах могли быть хотя бы теоретически доступны людям для чтения. К этой категории относится знаменитая Бехистунская надпись персидского царя Дария I (522—486 гг. до н. э.), которая была высечена на скале Бехистун на высоте 115 м. Вавилонские и ассирийские царские надписи сообщают о победах царя, его благочестии и в ответ требуют благословения божества. Для надписей характерен высокий стиль, часто поэтический и вычурный. А.А. Оппенгейм делает вывод, что дворцовые поэты и барды, по-видимому, переключились от создания гимнов, прославляющих царя, на составление царских надписей (53, с. 148—151).

Надписи на камне могли вырезать только хорошо знавшие клинопись писцы. В отличие от глиняной таблички малейшая неточность при высечении надписи на камне приводила к полной порче текста и большой потере времени и сил. Поэтому в школе, вероятно, был разработан специальный курс обучения по изготовлению монументальных надписей. В одном из школьных текстов «Похвала писцовому искусст-

ву» среди дисциплин, которыми должен овладеть ученик, упомянуто изготовление стелы (52, с. 92). М.А. Дандамаев также считает, что в школах несомненно изучали надписи царей, которые входили в состав библиотек (19, с. 55).

В Китае надписи на костях, панцирях черепах, бронзе, металлах, керамике, камне и нефрите прослеживаются со времени династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.) и вплоть до династии Тан (618—907 гг. н. э.) (158, табл. 4). Особый интерес представляют древнейшие надписи на гадательных костях и панцирях черепах шанского времени и на бронзе времен Шан и Западного Чжоу (1122—771 гг. до н. э.). В настоящее время введено в научный оборот более 100 тыс. фрагментов надписей на шанских костях (бычьих и чаще всего бараньих лопатки) и панцирях черепах.

Гадательные надписи включали различные сведения, относительно которых нужно было знать мнение предков. Вопросы могли задаваться в альтернативной форме, например: «Будет дождь? Не будет дождя?». Иногда на тот же носитель наносились сведения об исполнении предсказания, например: «Да, дождь был тогда-то» (11, с. 13—14). Надписи на костях полностью подтвердили историческую достоверность большинства записей о династии Шан в «Исторических записках» Сыма Цяня (79, т. 1, с. 280). Шанцы относились к обряду с большим уважением и тщательно сохраняли все кости с надписями. Благодаря этому археологам удалось обнаружить их хранилище, которое находилось в доме вана¹ (46, с. 16—17).

Надписи на бронзе — более редки, особенно периода Шан. Для Западного Чжоу они имеют исключительное значение как исторический источник. Х.К. Крил, автор монографии «Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу» использовал в своем труде 184 такие надписи (36, с. 330). Бронзовые надписи являются документами о земельных владениях, дарениях, родовых землях,

¹ Ван — вождь племени в эпоху Шан, который одновременно был верховным жрецом.

принадлежащих тому или иному владетельному клану. Они свидетельствуют о признании владений со стороны центральной западножюуской власти (66, кн. 2, с. 84).

Надписи на бронзовом предмете делали или одновременно с его отливкой, или вырезали после отливки. Если сосуд имел крышку, надписи помещали как на внутренних стенках, так и на внутренней стороне крышки. Бронзовые изделия с надписями включали треножники (ритуальные сосуды и сосуды для варки пищи), чаши, сосуды для хранения вина и проса и др. Есть надписи также на музыкальных инструментах и оружии (46, с. 20).

В Китае эволюция письма на камне началась с надписей при династии Цинь (221—207 г. до н. э.) и в основном завершилась созданием каменных книг (см. «Формы книги»). В настоящей главе рассматриваются только надписи.

Сыма Цянь в «Исторических записках» (гл. 6. Основные записи [о деяниях] Цинь Ши-хуана) сообщает о шести из семи надписей на стелах, которые Ши-хуан повелел высечь на различных горах своих владений, начиная с двадцать восьмого года своего правления (219 г. до н. э.). Во всех надписях прославлялись деяния, заслуги и добродетели императора (80, т. 2, с. 66—74). С того времени мемориальные надписи на камне постепенно и особенно со II—III вв. н. э. вытеснили надписи на бронзе. Это объяснялось тем, что надписи на камне могли сохраняться дольше из-за своей неподвижности, дешевизны и доступности материала для письма. Важно также, что они были более доступны для обозрения, а позднее для снятия копий, чем бронзовые предметы, которые, как правило, скрытно хранились в недоступных семейных и имперских архивах и музеях, а позднее — в собраниях коллекционеров.

Надписи на камне включали надписи на каменных барабанах, памятниках, скалах, стелах и различных камнях (158, с. 64—73). Особое значение имели могильные камни и стелы. Их помещали в конце «дороги духов» перед захоронением (5, с. 66). В целом в Китае, как и во всем мире, в связи с развитием книгопечатания именно могильные кам-

ни в массовом порядке сохранились как источник письменной информации в отличие от других надписей на камне.

Надписи, хотя и небольшие, делали на полудрагоценных камнях: нефрите и жадеите, горном хрустале и агате. Надписи на нефрите известны со времени династии Шан, надписи на хрустале и агате — гораздо более позднего происхождения. Они сравнительно редкие. Это, видимо, объясняется тем, что их не рассматривали как мемориальные и могли заменять другими. А иногда просто отсутствовали мастера, которые могли гравировать надписи на таких материалах (158, с. 83—86). Наконец, для полноты картины необходимо отметить надписи на печатях из различных материалов (металл, нефрит, камень, глина, слоновая кость, рог), на керамических сосудах, кирпичах и черепице (158, с. 54—59).

В Индии различаются протоиндийские и собственно индийские надписи. Древнейшие, так называемые протоиндийские надписи, найденные на территории Северной Индии, относятся к периоду III—II тысячелетий до н. э. Они были созданы народом, который населял эти области до прихода ариев. Наиболее известны раскопки, которые проводились в двух больших городах — Хараппе (Пенджаб) и Мохенджо-Даро (Синд). Древнейшие надписи выполнены на тонких, хорошо обработанных каменных пластинках из стеатита, более поздние — на штампованных керамических пластинках. Среди находок имеются глиняные сосуды и статуэтки с надписями, процарапанными после обжига или оттиснутыми с помощью печатей до обжига. Раскопано и значительное число каменных печатей с вырезанными зеркальными надписями, а также эбонитовые палочки-печати (66, кн. 2, с. 9—10).

После гибели цивилизации Мохенджо-Даро и Хараппы история индийской письменной традиции прервалась почти на 200 лет. Только в III в. до н. э. третий и наиболее знаменитый из династии Маурьев Ашока приказал увековечить свои деяния в надписях на скалах и колоннах на всей территории его владений. В настоящее время почти все надписи,

открытые на территории Индии, Цейлона и отчасти Юго-Восточной Азии, собраны в периодической серии «*Epigraphia Indica*», которую с конца XIX в. издает индийское правительство (66, кн. 2, с. 13, 16).

Другие страны Востока — от Малайи до Эфиопии — тоже знали надписи на камне. Так, в Малайе были найдены надписи на камне правителей и индийских купцов, содержание которых было в основном посвяtitельное, обрядовое или мемориальное о каких-либо значительных исторических событиях (138, с. 244). Первые арабские надписи на каменных стелах относятся к VIII в. до н. э. (14, с. 51).

В Эфиопии в IV—VI вв. н. э. цари Аксума¹ высекали на камне надписи с отчетливо выраженной посвяtitельной функцией. Эти надписи не предназначались для того, чтобы сообщить простым смертным какую-либо информацию, тем более, что большинство из них были неграмотны. Письменности всегда приписывалось божественное происхождение, и надписи посвящались богам и мыслились как символическое преподнесение в дар им результатов того или иного царского похода или завоевания. Царь ставил камень, трон или стелу с надписью около святилища бога. Здесь письменность была средством обмена информацией между обществом в лице царя и богами (66, кн. 1, с. 202—203).

Древнейшие греческие надписи относятся к первой половине VIII в. или даже к концу IX в. до н. э. Эти надписи были открыты на островах Фера (Санторин) и Мелос в южной части Эгейского моря, а также в Афинах, на Итаке и Эгине. Число надписей на греческом языке огромно. Это записи исторических событий, своды законов, постановления, списки граждан, отчеты о денежных суммах, потраченных и полученных храмами, посвящения и надгробные надписи, надписи на вазах, монетах и т. д. (22, с. 536). До наше-

¹ Царство с центром в Аксуме в период расцвета занимало территорию от Нубии на севере до Эфиопского нагорья на юге и от Южной Аравии на востоке до реки Атбара (впадает в Нил на территории современного Судана) на западе.

го времени дошло также около девяти тысяч этрусских надписей. Большая часть их была найдена в самой Этрурии, территория которой примерно соответствует современной Тоскане. Этрусские надписи написаны на свинцовых табличках, золотых пластинках, черепице, зеркалах и предметах домашней утвари, на стенах гробниц, колоннах и статуях. Латинские надписи, начиная с I в. до н. э., чрезвычайно многочисленны и широко распространены по всему миру. Древнейшие из них восходят к VII—IV вв. до н. э. Известны также несколько надписей III—II вв. до н. э. Наиболее знаменитой является надпись с надгробья консула Л. Корнелия Сципиона, 259 г. до н. э. (22, с. 525, 563—566, 608—610; 26, с. 332—333).

Германские народы высекали рунические надписи на металле, камне и дереве. Наиболее интересными являются магические надписи и обращения к языческим богам. Надписи использовались также для мемориальных целей, ворожбы, различных сообщений, а также для начертания имени художника на оружии или украшении. Особый вид надписей — рунические календари. Они представляли собой разновидность «вечного» календаря и употреблялись в некоторых частях Скандинавии еще в XIX в. Эти календари имеют различную форму, чаще всего это палки в форме меча или посоха различной длины, трости, овальные обручи или таблички из дерева или кости (22, с. 580—582).

В средневековой Западной Европе существовали многочисленные надписи на твердых материалах. Их делали на гробницах, домах, щитах, гербах, талисманах, печатях, монетах, медалях, кольцах, коронах, церковных сосудах. К той же категории относятся надписи на фресках, на готических окнах и стеклянной посуде. Свинцовые пластинки с молитвами, псалмами, заклинаниями против злых духов или с именем погребенного клали в гробницы. Некоторые надписи фактически были документами юридического характера и будут рассмотрены ниже в рубрике «Документы» (23, с. 12—14).

Древнейшие надписи славянской письменности были обнаружены на стенах и керамических плитах церкви бол-

гарского царя Симеона (864?—927) в бывшей столице Болгарии Преславле (4, с. 11). На Руси в XI—XV вв. надписи делали на предметах домашнего обихода, межевых камнях, домах, шлемах и мечах. Известны надписи, выбитые на камнях. Так, Тмутараканский князь Глеб зимой 1068 г. измерил по льду расстояние между Тмутараканью и Керчью и повелел высечь об этом надпись на камне. По всей Руси были расставлены указательные кресты на берегах рек с выбитыми на них надписями о мелях, порогах и прочих опасностях. Были снабжены надписями также монеты (14, с. 58).

Документы

Как было отмечено в начале главы, под документом имеется в виду информация на материальном носителе с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, или запись по установленным правилам. Второе условие, более широкое, имеет глубокий смысл в применении к древности, поскольку в этом случае при отсутствии реквизитов документами можно считать частные хозяйственные документы, а также такие материалы, как надписи на бронзовых треножниках о различных владениях и дарениях в древнем Китае. К этим документам, которые затем хранили в имперских и частных архивах как величайшую драгоценность, относились с такой серьезностью, что властители соседних царств и княжеств начинали беспокоиться, если правители южного царства Чу вдруг проявляли интерес к треножникам. В целом государственное управление всегда, вплоть до настоящего времени, было связано с определенными правилами оформления государственной документации, а наличие письменных документов в системе государственной власти рассматривалось в качестве одного из основных элементов существования цивилизованного государства.

С.С. Аверинцев обращает внимание на то, что в уме римского поэта и придворного V в. Клавдиана образ мира представляется как своего рода официальный документ. В по-

эме «О консульстве Стилихона», прославленного полководца, который был ложно обвинен в предательстве и казнен в 408 г., сказано: «Впишется сан Стилихона звездами в небесные фасты». Таким образом, небеса стали «фастами», т. е. официальным документом, а звезды — письменами (2, с. 22).

Одним из наиболее ранних письменных текстов были документы хозяйственного и правового содержания: счета, расписки, перечни продукции, договоры, отчеты и т. п. Древнейшие шумерские учетно-хозяйственные записи включали числа с десятично-шестидесятиричными цифровыми обозначениями и обозначения предмета учета (26, с. 133—134). В старовавилонское время долговые расписки рассматривались как векселя (19, с. 178, прим. 9). В месопотамских дворцах и храмах чиновники регистрировали поступающие налоги, дань и урожай с царских и жреческих владений, изделия, изготовленные в мастерских, а также распределение материалов и продуктов среди ремесленников и работников. Для оперативного учета использовались счета и бирки (53, с. 236—237).

Шумерская бюрократия породила невероятное число документов, которые, благодаря тому, что они писались на глине, во множестве дошли до нашего времени. Только в распоряжении современных музеев имеется свыше ста тысяч табличек: от почти пиктографических до огромных архивов империи III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.) (53, с. 284).

Первые месопотамские документы, которые стали доступны для современной науки (из Урука, Ура и Джемдет-Насра), написаны по-шумерски. В дальнейшем аккадский язык заменил шумерский, но писцы и образованные люди знали оба языка, и вплоть до эпохи Ашшурбанапала царские надписи могли составлять в стиле III династии Ура. Кроме хозяйственного содержания, документы могли включать отчеты, доклады, официальную переписку, договоры, в том числе международные, юридические документы и др. К официальным нужно добавить меньшее, но все-таки значительное число частных документов: на различные сделки

(продажа, аренда, займы, брачные контракты, усыновление, завещание и т. п.), письма, отчеты по деловым операциям, распределению и доставке товаров и др. (53, с. 24—29, 48—50, 286—287). Документы часто заверялись печатью, в том числе печатью писца. Контрагенты могли удостоверять сделки оттисками своих ногтей (19, с. 25—27).

Уже в первой половине III тысячелетия до н. э. возникли древнейшие архивы. В храмовых и дворцовых архивах деловые и административные документы хранились в течение многих столетий в определенном порядке. Частные лица также берегли свои документы (19, с. 43—44). Умению составлять документы обучали в школе (52, с. 82—83).

В Китае наличие документов в системе управления было признаком цивилизованного государства, признаваемого всеми странами Дальнего Востока и Центральной Азии, которые входили в зону китайского культурного влияния. Так, в Японии деревянные таблички моккан широко использовались как товарные бирки при перемещении грузов и людей. На бирках указывался вид продукции, ее количество, отправитель и получатель. Бирки прикреплялись к грузу, отправляемому в вышестоящие инстанции в качестве налога. В книге «История древней Японии» А.Н. Мещерякова и М.В. Грачева дан перечень «сообщений» на моккан:

- 1) Распоряжения вышестоящего ведомства нижестоящему или чиновнику (основной массив — вызов государственным органом чиновника к месту службы, т. е. «повестки»).
- 2) Донесения нижестоящего ведомства (чиновника) вышестоящему.
- 3) Запросы одного ведомства другому о доставке какого-либо товара (груза, продукта).
- 4) Послания, сопровождающие отправку груза в ответ на запрос.
- 5) Послания, удостоверяющие получение груза.
- 6) Разрешения на вывоз груза через ворота столичного дворца или же другого пункта проверки (заставы).

- 7) Удостоверения о прохождении груза через ворота дворца или же другого пункта проверки (заставы).
- 8) Объявления, выставляемые на дорогах (о розыске вора, пропаже ребенка или домашнего скота).

В то время, когда столицей древней Японии была Нара (710—784), между различными ведомствами, центральными и местными органами власти происходил настоящий обмен документами. При этом властная вертикаль была образована строго иерархически, закреплена законодательно, и поэтому ни один орган не обладал свободой в выборе партнеров по коммуникативному процессу. Вышестоящие органы порождали распоряжения, нижестоящие — отчеты и различные донесения. Соответственно документы сверху вниз и снизу вверх, а также сопроводительные документы при общении с учреждениями, которые имели одинаковый статус, носили специальные названия (48, с. 109—110, 324—326).

Документы греко-римского мира также исключительно многообразны. В Греции и Риме, как и в Египте, деревянные таблички использовались в качестве бухгалтерских документов (110, с. 27—28). В Афинах до конца V в. до н. э., когда был организован центральный государственный архив, документы хранились в учреждениях, деятельность которых они отражали, и часть из них записывалась на «побеленных досках». Когда надобность в них отпадала, доски снова белили и использовали для новых записей (19, с. 179, прим. 13). Деловые документы (долговые расписки, завещания и др.) могли писать на вошечных табличках (церах). Роскошные церы делали не из дерева, а из слоновой кости. Их давали римским консулам при вступлении в должность. Этот обычай сохранился в христианской церкви. Такие документы на слоновой кости с именами благодетелей — епископов и аббатов — выставляли на алтарях церквей. Папы дорожили внесением их имен в «слоновые книги» иерусалимской церкви (23, с. 16; 27, с. 7).

В Риме правительственные сообщения помещались прямо на стенах, в местах наибольшего скопления народа.

В результате в 59 г. до н. э. Цезарь осуществил первое римское официальное издание «Сенатская хроника» («Acta senatus»), в котором помещались отрывки из протоколов заседаний сената. Вскоре был предпринят выпуск «Ежедневной римской общественной хроники» («Acta diurna publica populi Romani»), где публиковались сообщения о военных действиях, сенатских заседаниях, судебных процессах, праздниках, пожарах, гладиаторских играх и т. д. (14, с. 34).

Объем папируса, который использовали в канцеляриях, был огромным. Например, имеются сведения о канцеляриях Аполлония, министра в греко-римском Египте. В одной из них за 10 дней использовали 60 свитков, а в некоторых других в 258/257 гг. до н. э. — 434 свитка за 33 дня (102, с. 23).

В средневековой Западной Европе документы были одним из основных средств управления. Для Карла Великого капитулярии и указы различного содержания были необходимы для распространения его власти на все королевство. Одни документы этого рода издавались для отдельных районов, другие были всеобщими, как, например, Геристальский капитулярий о реорганизации государства (779), капитулярий о поместьях, регламентирующий управление королевскими вотчинами, или капитулярий о реформе образования. Документы проникли во все виды деятельности, стали считаться доказательством в суде (44, с. 45—46, 322). В значительной степени их писали на латинском языке. Только с XIV в. для отдельных видов документов начали использовать национальные языки (29, с. 48).

Особым жанром документации стало создание собраний документов. В качестве одного из древнейших примеров можно привести китайскую «Книгу документов» («Шу цзин»). В китайской традиции этот сборник именовался просто «Шу». Х.Г. Крил считает, что лучшим переводом здесь будет просто «Документы» (36, с. 313). Другим классическим примером является «Свод гражданского права» («Corpus iuris civilis») Юстиниана. Своеобразным примером

стали также подборки генеалогических документов украинских дворян и казацкой старшины, которые в XVIII в. иногда формировались в отдельные рукописные книги (3, с. 15).

Документы берегли, но их сохранность в значительной мере зависела от материала, на котором они были написаны. В историческом плане наилучшим носителем оказалась глина. Она сохранила огромное число документов и книг древней Месопотамии и стран, связанных с ней, в том числе на межгосударственном уровне. Документы на папирусе, пергамене, коже, дереве, металле и камне сохранились до нашего времени лишь благодаря воле случая (53, с. 235).

В древнем Китае бамбуковые и деревянные таблички использовались как носители для приказов, официальных документов и сведений о жертвоприношениях. В одном из стихотворений «Книги песен и гимнов» («Ши цзин») воин жалуется на то, что они хотели бы вернуться домой, но боятся приказов на [бамбуковых] табличках. В «Книге документов» («Шу цзин») записано, что через два года после победы династии Чжоу над династией Шан ее первый правитель У-ван заболел. Чжоу-гун вознес молитву за него и повелел записать ее на таблички. Когда Чжоу победила Шан, У-ван сослался на некий прецедент: «Шан имела документы и книги, в которых было описано, как Шан заменила династию Ся», т. е. если эти сведения действительно существовали, документы государственного значения существовали уже в начале династии Шан (158, с. 91).

Папирус первоначально был обязательным материалом для документов. В первые два века хиджры на нем писали документы и письма в мусульманском мире (82, с. 162). В средневековой Европе папирус был обязательным материалом для юридических документов (договоры, контракты) в течение длительного времени. Вплоть до XI в. римская канцелярия пользовалась папирусом для папских булл. На папирусных свитках составляли указы византийские императоры (27, с. 24; 98, с. 11). Пергамен, который заменил папирус, также в течение некоторого времени сохранял свою обязательность для документов. Так, в 1231 г. император

Фридрих II узаконил, что для государственных документов должен использоваться только пергамен в связи с его большей прочностью, чем у бумаги (98, с. 27). То же имело место в других странах. В прочность бумаги долго не верили. Так, в Литве в великокняжеской канцелярии Витовта (1392—1430) документы писали на пергамене, который импортировался (14, с. 80).

Однако уже с XI в. бумага стала заменять пергамен как материал для документов. В этом плане Византия несколько опередила Западную Европу. Уже с середины XI в. византийская императорская канцелярия приступила к изготовлению бумажных грамот. Древнейший уцелевший бумажный документ в виде свитка — «золотопечатное слово» императора Константина IX Мономаха, которое содержит привилегии Афонской лавры св. Афанасия (1052) (27, с. 24).

О.А. Добиаш-Рождественская отмечает, что первые подлинники французские бумажные документы дошли до нашего времени с середины XIII в.: свитки ревизоров эпохи Людовика Святого (1243), регистры счетов его брата Ансельма Пуатевинского (1243—1248), регистры королевских комиссаров в Тулузской области (1272—1274) и марсельских нотариес (1248) (23, с. 33). Первые бумажные документы, изготовленные на территории Германии, относятся к концу XIII в., а на Руси — к середине XIV в. (27, с. 24).

В XVII в. возникла специальная наука о документах — дипломатика. Ее основатель Иоанн (Жан) Мабильон выпустил в 1681 г. в Париже огромный труд «Трактат о дипломатике» («De re diplomatica libri sex»). В этой книге были заложены основания дипломатики, хронологии и палеографии (23, с. 79—87).

Писцы и канцелярии

Прежде всего необходимо отметить различие между словами «писец» и «переписчик». Писец — это составитель первичного текста в отличие от переписчика, который изготов-

лял копии, как документов, так и впоследствии книг. Место труда писцов — канцелярии, переписчиков — в основном скриптории или, как в древнем Риме, издательские фирмы. Особенно на Востоке при наличии множества языков и систем письма в сочетании с неграмотностью населения профессиональный писец вышел на улицу для обслуживания всех желающих написать документ или письмо. Этот обычай дожил до нового времени (см., например, роман «Ким» Р. Киплинга).

В древнем Египте слово со значением «писец» практически было синонимом для обозначения любого чиновника. Он принадлежал к привилегированному социальному слою, имел возможность занять высокие государственные посты, и его профессия считалась выгодной (19, с. 180, прим. 27, 31).

В Месопотамии писцы также гордились своей профессией. Она способствовала продвижению по службе и обогащению, но не была гарантией социального статуса, как в Египте. Большинство писцов служило при дворе царей, в храмах и гораздо реже в хозяйствах богатых людей. Исследования текстов, которые относились к 2164—2003 гг. до н. э., показали, что писцы были заняты во всех сферах общественной жизни и экономики. В области государственного управления они могли занимать должности чиновников высокого ранга, но могли также быть надзирателями, надсмотрщиками, сборщиками податей и даже корабельщиками. Вполне вероятно, что за исключением периода III династии Ура, когда писец мог претендовать на высшие административные посты, он обычно выполнял обязанности секретаря (19, с. 58—60). То же положение было у писцов в древней Греции и Риме. В Греции они были заняты на государственной и частной службе, в храмовом хозяйстве. В Риме писец был частным секретарем, государственным или муниципальным чиновником, и секретарем различных объединений (19, с. 180, прим. 31).

В Европе писцы, которые составляли или оформляли документы, назывались клерками или нотариями (ср. совре-

менное «нотариус»). Они служили в городских, сеньериальных, королевских и императорских канцеляриях. Некоторые частные нотариусы имели небольшие конторки и располагались прямо на городской площади. В итальянских городах нотариусы не исчезали с античных времен. В XIII в. они начали объединяться в цеховые организации (коллегии). Нотариус составлял документ по определенным правилам: предварительно писал черновик, затем переписывал его на лист пергамента, ставил подпись и специальный знак, называемый параф. Если заключалась сделка, то требовалось присутствие свидетелей, которые также ставили в документе свои подписи. После этого документы, как правило, заверяли печатями.

Во всех городах Европы в XII—XV вв. существовала армия нотариусов-писцов, которые работали под наблюдением государственных чиновников. Они работали в муниципалитетах: вели счетные книги, регистры, выдавали копии, участвовали в оформлении дел частных лиц.

Начиная с глубокой древности одним из важнейших элементов государственного управления была канцелярия. В Европе одной из древнейших канцелярий, которая оказывала влияние на весь христианский мир, была папская канцелярия. Грамоты, составленные в ней, служили образцами для многочисленных церковных и даже светских канцелярий. В тесной связи с папской канцелярией находилась имперская канцелярия в Германии, которая вводила обычаи, стиль и формы папской канцелярии. В местных ведомствах императорских земель и во множестве княжеств были свои канцелярии. Они старались имитировать императорскую. Во Франции главную роль играла королевская канцелярия, по ее образцу создавались сеньериальные канцелярии. При составлении документов их нотариусы и клерки подражали королевским актам (29, с. 50—53).

В целом документы как феномен письменной культуры возникли в глубокой древности и сохранили свои формализованные особенности, которые в конечном счете нашли выражение в современных стандартах.

ГЛАВА 6

Книга как феномен информационной деятельности

В современном ГОСТ 7.60—2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» даны следующие определения, которые отражают текущие представления о том, что следует считать книгой:

П. 3.2.6.2. Книжное издание — издание в виде блока скрепленных в корешке листов печатного материала любого формата в обложке или переплете.

П. 3.2.4.7.1. Книга — книжное издание объемом свыше 48 страниц.

На языке эволюции книжных форм можно сказать, что книгой считается кодекс сравнительно большого объема. Однако очевидно, что такое понимание феномена книги является лишь конечным результатом развития. В историческом прошлом находится та эволюция, которая привела к этому результату. Формы книги будут рассмотрены в главе 7. Здесь важно отметить, что характерный для книги значительный объем, по всей вероятности, и есть наследие древности в современном понимании книги.

Из лекции Я. Черни (J. Černý) о книгах в древнем Египте следует, что документ отличается от книги тем, что книга — это свиток (а не лист) папируса с письменным текстом (102, с. 11). Более того, в древней традиции под книгой понимали не столько физическую форму, сколько содержание. Книгой считалось отдельное произведение, т. е. сюжетно цельный текст. Таков, например, смысл ссылки на «Книгу Кемит» в «Поучении Хети»¹. С другой стороны, текст должен был иметь сравнительно большой объем. Однако и в этом вопросе представления древности отличаются от современных.

¹ См. статьи о древнеегипетской библиографии в журналах «Восток» (1994, № 3, с. 110—126) и «Библиография» (1993, № 4, с. 123—131).

В наше время, когда речь идет о большой книге, в воображении возникает толстый том или даже несколько томов большого формата. В древности литературный багаж человечества был еще незначительным, и произведение, которое занимало более одного листа папируса, уже могло признаваться книгой.

Отличием книги от документа было и то, что документы оформлялись по определенным правилам и относились к различным видам делопроизводства. В конечном счете они становились основными объектами хранения в архивах. Книги, напротив, включали литературные произведения (первоначально в самом широком понимании слова «литература») и в ходе эволюции стали основным содержанием библиотек.

Появление книг тесно связано с укреплением письменного способа сохранения и передачи информации. Прозаические произведения, по сравнению с поэтическими, уже не были удобными для устного исполнения. Их легче было переписать и прочитать. Так возникли книги и вместе с ними феномены переписки и чтения. Книга заменила певца. Слушатели стали читателями, а книга — мостом между ними и автором. Еще одной особенностью книги явилось то, что она перестала зависеть от автора и с момента письменного распространения начинала жить своей жизнью, имела собственную судьбу.

Все эти мысли четко выражены в определении М. Н. Куфаева: «*Книга* являет собою прочное *материальное* воплощение мысли и слова, *взятых вместе* и доступных неопределенно *большому числу людей*, в неопределенно *большой период времени*». И далее, «*автор*, отдаляясь от своего творения, когда последнее *материализуется* в книжной форме и становится «*вещью*», *все более и более приближается через это самое к человечеству*» (курсив М. Н. Куфаева) (40, с. 100, 110).

На протяжении пяти тысячелетий письменной культуры книги были одним из краеугольных камней цивилизации. И так же, как отдельные книги, вся книжная культура

каждой цивилизации, вся история создания, распространения, хранения, использования и гибели книг, имели свою судьбу. Развитие книги является одним из важнейших индикаторов цивилизационного уровня общества на всех этапах его эволюции.

В древнем Египте и на Ближнем Востоке в целом к книгам относились как к святыне. Их укладывали в могилы. Они считались необходимой частью загробной жизни. Так, в могилу школьника могли положить его записи. Это было выражением древнейшей традиции, когда школьник переписывал тексты, которые он затем использовал в течение всей своей дальнейшей профессиональной жизни. Такое отношение к книге было характерно для всех «народов Книги»: для иудаизма, христианства и ислама. Как выразился С.С. Аверинцев, их книжная «плоть» могла восприниматься как святыня и как материализация таинственных сил (2, с. 9).

В исламе Коран был первой книгой на арабском языке, Писанием мусульман, Книгой по преимуществу, «матерью книг» (умм ал-китаб), наиболее часто читаемой и переписываемой. С определенным артиклем (ал-китаб) слово «китаб», которое обозначает не только книгу, но и всякий писанный текст, применяется к двум книгам: Корану и фундаментальному труду Сибавайхи по арабской грамматике (82, с. 38, 43). Последний факт также показывает, каким огромным было уважение к языку как средству письменной культуры и к его научному осмыслению.

В христианстве отношение к книге как к святыне сохранялось, но оно, по мнению С.С. Аверинцева, не было столь абсолютным, как в позднем иудаизме и исламе. По христианской доктрине нормой всех норм является сам Христос, его личность как Слово, а где Слово — там в письменную эпоху и Книга. И действительно, она появляется уже в раннехристианских изображениях. На мозаичной композиции в апсиде римской церкви Санта Констанца (первая половина IV в.) Закон, передаваемый Христом Петру, овеществлен в виде свитка. Позднее византийское искусство заме-

няет свиток в руках Христа кодексом, но с тем же символическим значением (2, с. 17—18). Книга стала важным элементом в христианской иконографии. Отцы церкви изображались за чтением и среди книг. Эта символика сохранилась до настоящего времени, когда различные люди, в том числе государственные и общественные деятели, любят фотографироваться на фоне книг (113, с. 12; 122).

В Европе после крушения Рима книга прошла путь от почти полного поглощения религией до десакрализации и секуляризации. В раннее средневековье книга следует за религией. Светская античная литература сохранилась только в монастырских библиотеках. В начале VI в. св. Бенедикт (480—543) основал 14 монастырей, в том числе знаменитый в Монте-Кассино (528). Он составил «Правила для монахов» («Regula Monachorum»), в которых ежедневное чтение было обязательным. В многочисленных монастырях, основанных бенедиктинцами и вышедшими из этого ордена другими орденами по всей Европе, правила чтения и переписки рукописей соблюдались. Все монастыри, если даже в них не было собственной переписки книг, способствовали этому, в том числе для удовлетворения собственных нужд (110, с. 275—276).

Поглощение книжной культуры религией видно на примере четырех великих мужей раннего средневековья: Боэций (ок. 480—524), Кассиодор (ок. 487—ок. 578), Исидор Севильский и Беда Достопочтенный (673—735). Их заслуга была в том, что они спасли основное из античной книжной культуры и придали ему необходимую христианскую форму. При Карле Великом (768—814) деятели так называемого Каролингского Возрождения Алкуин, затем Рабан Мавр и Иоанн Скот Эриугена уже все были монахами. Еще в XIV в. автор первой работы о библиофилии «Филобиблон» Ришар де Бери был английским епископом. Книга и духовное лицо представляли собой естественное единство (98, с. 56).

Однако постепенно начали возникать общественные слои, которые наравне с духовными лицами нуждались в книге. Это были прежде всего светская знать и университе-

ты. Эти круги первоначально были ограниченными, но постепенно они расширились. Поэтому уже в XIII в. начался процесс десаκραлизации книги (44, с. 322—323), которому способствовал рост городов и их книжной культуры в XIV—XV вв. (107, с. 58).

В Византии в связи с ее естественной связью с античной греческой культурой в большей степени, чем на Западе, сохранились античные книжные традиции. Произведения древних языческих авторов переписывали, хотя и приспособляли к христианскому восприятию. Все это способствовало развитию не только религиозной, но и светской книжной культуры.

В Закавказье книги возникли фактически одновременно с письменностью уже в V в. Это объяснялось тем, что в Армении сама письменность возникла из-за с необходимостью перевести Писание на армянский язык и представить его в книжной форме, пригодной для использования в церкви при богослужении. Рукописная книга просуществовала в Армении и в армянской диаспоре вплоть до XVIII в. При этом она имела распространение практически во всех слоях общества. То же самое в Грузии и в грузинских монастырях вне Грузии, в том числе на Синае, Афоне и в Иерусалиме. В грузинских книгах нашли место самые разные виды литературы, как религиозные, так и светские (14, с. 87; 66, кн. 1, с. 150, 180—181).

У южных и западных славян книги появились в результате введения христианства. Первой славянской книгой был выполненный Кириллом перевод с греческого Изборного Евангелия. После его смерти Мефодий и его ученики в Моравии и Паннонии, а затем в Болгарии перевели другие церковные книги (14, с. 48—51).

Первые свидетельства о книгописании на Руси относятся к середине XI в. К этому времени относятся также первые книги, которые дошли до нашего времени. Как отмечает Н.Н. Розов, в то же время возникли и старейшие памятники литературы, что свидетельствует о тесной связи литературы и книги как феномена письменной культуры (59,

с. 17). В целом, по классификации И. В. Левочкина, всю совокупность русской рукописной книжности XI—XVI вв. можно разделить на два типа: служебные и неслужебные книги. Предназначение первых — служить в качестве справочников для официального управления обществом (богослужебные книги, церковные и монастырские уставы, кормчие книги, судебники, разрядные, писцовые, посольские и тому подобные книги). Неслужебные книги — все остальные, в том числе жития святых, прологи, хронографы, различные повести, послания и т. п. (42, с. 21).

Какое число книг было создано в рукописную эпоху? Естественно, что в глубокой древности, когда число литературных произведений было еще не столь большим, соответственно и число книг, т. е. их копий, было не таким огромным, как в дальнейшем при параллельном развитии литературной и книжной культуры. Тем не менее уже в древности возникли крупные библиотеки, такие как библиотека Ашшурбанапала, Александрийская библиотека и библиотека китайских императоров. Этот вопрос будет рассмотрен подробно во втором выпуске. Он будет посвящен эволюции архивов, библиотек и музеев в рукописный период. Здесь можно говорить лишь о примерном числе рукописных книг, которые дошли до нашего времени. Еще раз необходимо подчеркнуть, что в этом вопросе количественные показатели являются приблизительными. Однако они дают общее представление о том, какое число книг курсировало в обществе.

В Европе в XIV в. и особенно в первой половине XV в. изготовлялось очень много книг. Считается, что общее число дошедших до нас рукописей латинского алфавита V—XV вв. приближается к миллиону (29, с. 4). Реакцией Петрарки на «книжный бум» в XIV в. стал его диалог «О множестве книг» трактата «О средствах против превратностей судьбы» (30, с. 24—26). Число сохранившихся греческих рукописных книг, как древних, так и средневековых, исчисляется многими тысячами. Их осталось меньше, чем латинских из-за гибели Византии. Они являются лишь малым числом ру-

кописей, которые существовали в греческом мире, начиная с древности, и которые стали одной из основ современной мировой цивилизации.

Мусульманская культура произвела огромное количество книг. По приблизительным подсчетам А.Б. Халидова, общее число арабских средневековых рукописей, когда-либо подготовленных, приближается к пяти миллионам, а до настоящего времени дошло около 630 тыс. (82, с. 254—255). Общее число дошедших до нас персидских средневековых рукописей составляет не меньше двухсот тысяч. Сводные цифровые данные о количестве тюркских средневековых рукописей отсутствуют, но, несомненно, их число достигает нескольких десятков тысяч (78, с. 3).

На Руси с середины XI в. действовало несколько книгописных мастерских. В дальнейшем их число возрастало. Соответственно увеличивалось количество книг (42, с. 9). Число сохранившихся славяно-русских рукописей до 1240 г. равно 190. Б.В. Сапунов на основании сведений о числе церквей и книг, необходимых для богослужения в них, к которому нужно было добавить также четью, полусветскую и светскую литературу, делает вывод о том, что число книг в домонгольской Руси должно было достигать 130—140 тыс. (69, с. 39—83).

В рукописную эпоху книга была основным хранителем и передатчиком знания. Как говорит один из поздних латинских поэтов (6, с. 12):

Смерть не погубит меня, по себе оставляю я память.
Ты лишь, книга живи; смерть не погубит меня.

Книга аккумулировала духовную жизнь народа, связывала разные эпохи его жизни, выражая интересы и потребности, обеспечивала преемственность культурных ценностей.

Коммуникативная функция информации проявилась в том, что книга стала посредником между автором и обществом, или, как выразился М.Н. Куфаев, хранилищем мыслей автора, средством их передачи и площадкой для обще-

ния автора и общества (40, с. 116, 143). С помощью книг происходила также передача знания из одной страны в другую. Так, одним из каналов проникновения греческого знания и культуры в Рим были греческие книжные коллекции, которые поступали в составе военной добычи.

Уже на раннем этапе книга стала орудием политики и пропаганды, что особенно очевидно на примере имперского Рима, когда из рукописной традиции родилась периодическая печать. В 59 г. Цезарь учредил «Сенатскую хронику», а затем был предпринят выпуск «Ежедневной римской общественной хроники». Это было своего рода ответвление книжной культуры, так как фактически периодическое издание представляет собой регулярно выходящую книгу (книжка, листок) со сходным и злободневным содержанием.

Особенность рукописных книг заключается также в том, что каждая из них неповторима, уникальна и является памятником культуры. Каждая из них — результат индивидуальной творческой или ремесленной деятельности лиц, которые принимали участие в ее изготовлении (38, с. 13). Такое отношение к рукописной книге сохранилось до сих пор, когда она стала объектом хранения и изучения в архивах, музеях и отделах рукописей библиотек.

Книга всегда была ключевым элементом образования в письменную эпоху. Известна средневековая сентенция: «Кто хочет учиться без книги, тот носит воду в сите» («Nautit aquam sibiro qui discere vult sine libro») (165, с. 8). История образования важна для историка книги, так как и образование, и книга были средствами передачи информации, а состояние образования показывало, кто мог читать (113, с. 3).

В этом плане кардинальным было влияние высшего и, в конечном счете, университетского образования. В монастырях книга была сокровищем, которое было доступно для немногих избранных. В университетах она стала инструментом познания. В университетах читали или слушали «книгу», т. е. курс науки (философия, право и т. д.) (44, с. 321; 77, с. 189). В результате произошел упадок монастырского кни-

гописания и возникло резкое увеличение производства книг для нужд школ, университетов, а затем всего образованного общества. Вошла в обиход поговорка: «Легче ориентироваться в лесу, чем в книгах» (28, с. 49; 29, с. 43).

Одним из лозунгов европейского Возрождения была любовь к книгам. Собственно в этом заключался один из элементов самого понятия «возрождение»: возрождение античной любви к книгам. Культурные люди Возрождения обязательно были любителями книги. Образ идеального правителя у Петрарки включал особое качество — заботу о книгах (30, с. 29). Необходимо однако признать, что до начала книгопечатания книга была дорогой и курсировала в сравнительно ограниченном кругу. Собственно повышающийся спрос на книгу и стремление к ее удешевлению были основными причинами возникновения книгопечатания, как на Востоке, так и на Западе.

При оценке роли рукописной книги необходимо иметь в виду, что после возникновения книгопечатания она отнюдь не перестала существовать и тем более оказывать влияние на книжную культуру. Последующее развитие книги подтвердило положение Д.С. Лихачева о единстве рукописного и печатного потоков (45).

Безусловно, что в своем истоке печатная книга многое получила от рукописной: материалы для печати, форму книги и многое другое. В течение определенного времени рукописная книга была образцом для печатной, особенно для первопечатной, и по различным историческим обстоятельствам продолжала сосуществовать с печатной вплоть до XX в. Возможно только электронная книга — своего рода вариант рукописной на новом техническом уровне — сможет ее полностью заменить.

После возникновения книгопечатания рукописная книга продолжала занимать или заполнять те ниши, которые не были заняты печатной книгой. С этой точки зрения, как показано в исследованиях А.С. Мыльникова, европейские страны могут быть разделены на две группы. К одной относятся страны с развитым книгопечатанием: Германия, Ита-

лия, Франция, Англия, Польша и многие другие. Ко второй группе принадлежат страны Балканского полуострова, Словакия, Венгрия и Румыния, где по объективным историческим причинам (военная агрессия, национально-политическое угнетение, социально-экономическое отставание) книгопечатание появилось поздно. Вплоть до XIX в. оно развивалось с перерывами и даже за пределами национальной территории (49, с. 25).

Например, в Сербии, Боснии, Македонии и других южнославянских землях рукописный способ изготовления книг продолжал играть важную роль еще в XVIII в. То же самое имело место в Греции. Греческое книгопечатание, появившееся в XV в., не имело возможности до XIX в. нормально развиваться на национальной территории. Поэтому в пределах самой Греции рукописный способ производства книг оставался единственно возможным. Все греческие издания печатались за рубежом. Болгарское книгопечатание существовало за рубежом до середины XIX в. Из стран Западной Европы аналогичной была судьба книгопечатания в Ирландии, где оно началось в XIX в. (49, с. 25—28).

В странах развитого книгопечатания положение рукописных книг было иным, но и в них они еще занимали определенную нишу. Даже в Италии, которая была второй страной после Германии, где началось книгопечатание, производство рукописных книг не прекращалось до XVIII в. В ряде стран — Италия, Германия, Англия, Голландия, Франция — в XVIII в. получили распространение рукописные газеты и листовки. Рукописными, например, были журнал Д. Дидро «Салоны» и литературные бюллетени Мельхиора Гримма, которые он вел с 1753 по 1790 г. для ряда европейских государей (49, с. 28—31).

Одной из причин возрождения рукописной книги в странах с развитым книгопечатанием была цензурная политика во второй половине XVI — начале XVII в. Запрет на печатание книг без одобрения церкви был введен в 1515 г. на V Латеранском соборе и подтверждался до конца XVI в. Для этого составлялись индексы запрещенных книг. Однако ав-

торы и особенно читатели ответили на это перепиской запрещенных и недопущенных к печати книг (16).

В России происходили аналогичные процессы. Книгопечатание возникло в XVI в. Однако, как отмечает Н. Н. Розов, исторические условия обусловили длительное сосуществование рукописной и печатной книги. В течение полутора веков после появления книгопечатания обслуживало почти исключительно нужды церкви, а со второй половины XVII в. старообрядчество продлило жизнь рукописной книги еще на три столетия (60, с. 5—6).

А. С. Мыльников считает, что после введения книгопечатания русская рукописная книга прошла два этапа развития, рубежом между которыми является конец XVII — начало XVIII в. На первом этапе рукописная книга была каналом распространения художественной и научно-прикладной литературы. Рукописные сборники этого времени содержали литературные, исторические, религиозно-нравоучительные, естественнонаучные и иные тексты. В рукописной форме зародилась периодическая печать.

На втором этапе положение изменилось, и общественная роль рукописной книги стала уменьшаться, но отнюдь не сошла на нет. В середине XVIII в. репертуар русской рукописной книги включал переводные и оригинальные романы, поэзию, труды по истории, географии, праву, техническим и прикладным дисциплинам. В конце XVIII—XIX в. в списках распространялись многие произведения русской литературы, в том числе недозволенные цензурой. Широкое распространение получили рукописные журналы. Однако с середины XVIII в. намечается оттеснение, а затем вытеснение рукописной книги, которое в основном завершилось к концу XIX — началу XX в. (49, с. 22—24).

Однако и в XX в. создавались рукописные книги. И. В. Левочкин приводит примеры таких книг и определяет критерии водораздела между книгами и документами, между единицами хранения в библиотеках и архивах (43). Для истории рукописной книги представляют интерес и материалы так называемого «самиздата» второй по-

ловины XX в. Это все тот же пример книжного противостояния цензуре.

Еще одна особенность книги заключается в том, что она породила новый информационный феномен — чтение. Собственно технически оно возникло вместе с письменностью. Надписи и документы тоже нужно было читать. Однако чтение книг имело иной смысл, который можно сопоставить со слушанием певца в бесписьменную эпоху. Книга стала площадкой взаимодействия автора и читателя. Акт чтения — это одновременно процесс передачи авторского текста читателю и процесс освоения им текста в зависимости от его индивидуальных и общественных характеристик. При чтении читатель производит отбор того, что для него представляет интерес: отбор как мыслей, так и книг. Результат этого имел фундаментальное значение для судьбы книг рукописного периода. Те, которые не вызвали интерес или были отвергнуты читателями, не переписывались, в конечном счете погибали или дошли до нашего времени в виде цитат или упоминаний в более счастливых произведениях. Современный корпус древней литературы — это собрание произведений, отобранных читателями.

До сих пор чтение книг, как и раньше, существует в двух видах: про себя и вслух. Чтение про себя индивидуально. Чтение вслух имеет публичный или, во всяком случае, коллективный характер. В определенной мере чтение вслух является продолжением традиции исполнения и слушания в бесписьменном обществе. Если упор делается на запоминание базового письменного текста и его последующее использование и передачу в устной форме, то чтение превращается в слушание, и восприятие текста возвращается к своей бесписьменной форме. Так было, например, в Эфиопии в связи с исключительной дороговизной книги (66, кн. 1, с. 225—227).

В имперском Риме большое распространение получило публичное чтение. Тексты читали при скоплении народа, в банях и на форумах, где каждый желающий мог их слушать. Модным было также чтение в частных домах для избран-

ных гостей. Ювенал и Петрарка дают описания таких мероприятий. Ф.Г. Кеньон считает, что этот обычай наносил определенный вред литературе, поскольку способствовал сочинению произведений, которые было удобно декламировать (130, с. 85).

В христианской церкви было принято чтение вслух во время литургии, а в монастырях — при трапезе. Ранее уже было упомянуто о правилах в бенедиктинских монастырях, которые делали чтение обязательным для монахов.

В мусульманской среде чтение вслух было принято как в больших собраниях, так и в семейном кругу. В Средней Азии книги часто читались вслух «чтецом рассказов» во время литературных собраний при дворе с участием ханской особы, сановников, придворной интеллигенции и т. д. Литературные маджлисы проводились также при дворах удельных правителей и крупных сановников. Книги читались вслух в семейном, дружеском и ином кругу. В XIX в. у семиреченских таранчей было принято устраивать публичные чтения книг, которые назывались машрабами. Их проводили не только богатые, но и люди с небольшим достатком. Коллективное слушание литературных произведений приобщало к читательской аудитории также неграмотных слушателей (78, с. 204—205).

В Западной Европе постепенно появилась и стала довольно значительной новая читающая публика, кроме священнослужителей и монахов: аристократия, горожане, врачи, купцы и др. Для них книга служила развлечением и источником профессиональной информации. Круг читателей постоянно увеличивался в связи с распространением образования. Возникла страсть к чтению. Петрарка называл себя неутомимым читателем.

В домонгольской Руси сформировалась прослойка образованных, «книжных» по терминологии того времени людей, — основы для возникновения того слоя читающей публики, который был базой всей древнерусской культуры (69, с. 162). Выражением читательских интересов было создание различных сборников, начиная с «Изборника Свя-

тослава» 1073 г. В конце XIV—XVI вв. традиция составления четых сборников получила широкое распространение. В Новгороде Макарий начал осуществлять составление «собрания всех книг, чтых на Руси» — знаменитых «Миней Четых». В основе этого замысла лежала охранительная идея: рекомендовать русскому читателю определенный, строго очерченный и санкционированный церковью круг чтения (62, с. 54). Однако стремление установить монополию не достигла своей цели в полной мере, так как рукописная книга была более свободной, чем печатная. В народе существовала и была популярной внецерковная и даже антицерковная литература (9, с. 83).

ГЛАВА 7

Формы книги

В процессе эволюции книга приобретала различные формы в зависимости от носителя информации, из которого она была изготовлена. Носитель накладывал определенные ограничения как на содержание и его представление, т. е. на внутреннюю (скрытую) форму книги, так и на ее внешнюю (видимую) форму. Это отмечают многие исследователи (47, с. 40; 66, кн. 2, с. 101; 98, с. 3; 119, с. 118). Наиболее известный пример — переход от свитка к кодексу в связи с вытеснением папируса пергаменом. Однако особенно наглядными являются неоднократные изменения формы книги в Китае, т. е. переходы от одной формы книги к другой в пределах одной цивилизации на протяжении тысячелетий.

Для иллюстрации можно привести сведения об эволюции китайской книги из статьи К. В. Васильева в сборнике «Рукописная книга в культуре народов Востока» (66, кн. 2, с. 101). Наиболее ранним зафиксированным книжным термином в Китае является *цэ* — связка бамбуковых планок или гадательных костей, объединявшая тексты документального характера. После появления пространных сочи-

нений, имевших деление на главы, появилась необходимость делить таким же образом и бамбуковые планки, которые в это время были основным материалом для письма. Связки бамбуковых планок одной главы сочинения стали называться *пянь*, и еще долго после изобретения бумаги *пянь* означало главу. Когда носителями информации сделали шелк и затем бумагу, основной формой книги стал свиток—*цзюань*. Как показывают археологические находки, к новой форме были приспособлены также книги на бамбуке. Книга состояла из тонких длинных бамбуковых планок, просверленных насквозь с ребра. В полученные отверстия вставлялись шнуры, скреплявшие планки в длинную полосу, которая благодаря узости планок могла быть свернута свитком.

Далее будут рассмотрены различные формы книги в зависимости от носителей информации: от твердых к мягким.

Глиняные книги

Книги древней Месопотамии в основном состояли из глиняных табличек. Таблички изготовлялись из глины и тщательно обжигались. В библиотеке Ашшурбанапала таблички из глины представляли собой плоские, выпуклые и прямоугольные плитки величиной 32×22 до 2,4×2 см при средней толщине 2,5 см. Размер таблички определяется ее содержанием. Заклинания, грамматические тексты, эпические произведения и справочные пособия написаны на больших плитках в несколько столбцов, а письма, контракты, астрономические отчеты и подобные им материалы — на маленьких подушкообразных табличках, удобных для переноски (19, с. 52). Современным аналогом влияния содержания на размер книги являются толстые тома энциклопедий и справочников и легкие карманные издания для литературных и развлекательных произведений.

Кроме табличек, книги могли иметь форму цилиндров и призм. На полых цилиндрах и призмах с шестью, семью,

восемью и даже десятью боковыми гранями, которые были исписаны мельчайшей клинописью, ассирийские цари запечатлели подробнейшие описания своих походов.

Каменные книги

Каменные книги в отличие от различных надписей на камне возникли сравнительно поздно и были характерны для Китая. Первыми законченными произведениями, которые были целиком высечены на камне и предназначены для всеобщего чтения, были тексты конфуцианских классических произведений. Это событие относится к 175—183 гг. н. э., т. е. ко времени династии Восточная Хань. Тогдашний император Лин-ди приказал некоему Цай Юну переписать заново классические конфуцианские книги, вырезать их тексты на камне и выставить в городе Лоян, чтобы все грамотные могли их читать.

После этого в годы правления императора Мин-ди (династия Вэй, III в. н. э.) в столичной высшей школе в городе Лоян тексты классических конфуцианских книг снова были вырезаны на камне. В следующий раз тексты этих книг вырезали на камне в городе Чанъань в IX в. при танском императоре Вэнь Цзуне. Далее эта процедура повторялась еще четыре раза вплоть до династии Цин в 1791—1794 гг. (46, с. 21—22; 158, с. 73—75).

Каменные книги вырезались на стелах. Технология была следующей. Поверхность каменной плиты хорошо полировали и наклеивали на нее лист бумаги, на котором каллиграф писал текст произведения. Иногда каллиграфы писали непосредственно по камню тушью контрастного с цветом камня тона. Затем гравер высекал иероглифы, углубляя черты на камне, стремясь при этом передать все нюансы работы кисти. Выгравированные знаки прописывались красной или черной краской или же оставлялись незакрашенными (5, с. 67).

Каждый из семи проектов создания копий конфуцианских классических произведений на камне занимал несколь-

ко лет: от 4 до 75. Первый проект был начат в 175 г. и завершен в 183 г. Текст был вырезан на стелах с двух сторон. Затем стелы были воздвигнуты на восточной стороне высшей школы в Лояне. Они располагались рядами в виде вытянутого полукруга. Тексты были расположены таким образом, что передняя сторона каждой следующей стелы продолжала предыдущую. Затем в том же порядке текст продолжался на задней стороне стел. Этот порядок был изменен со времени танского проекта, когда текст передней стороны стелы продолжался на задней, а затем в том же порядке нужно было переходить к следующей стеле.

Стелы были защищены крышами и ограждениями со всех четырех сторон. За порядком наблюдали специальные служители. Это объяснялось огромным числом посетителей. Тысячи экипажей, на которых они приезжали, создавали пробки на улицах города. Известность каменных книг была таковой, что в дальнейшем ученые и учащиеся считали их стандартным текстом для чтения и обучения (158, с. 74—75).

Подобно конфуцианским классическим произведениям на камне высекались также буддийские и даосские канонические тексты. Буддийские сутры высекались на скалах и в пещерах, начиная с середины V в. н. э. Один из самых ранних наскальных буддийских текстов датируется 450 г. Однако наиболее значительным проектом стало вырезание 105 буддийских канонических произведений объемом 4 200 000 слов на 7 137 каменных стелах в пещерах Горы каменных сутр в современной провинции Хубэй. Фактически была создана библиотека стел. Проект был начат в 550 г. и закончен в 1091 г. Стимулом для вырезания буддийских текстов на камне было стремление сохранить их в случае, если буддизм будет подвергаться преследованиям.

Даосские тексты, в основном классическое произведение даосизма «Дао дэ цзин», автором которого считается Лао-цзы, вырезались на камне в VIII—IX вв., но качество работы было гораздо ниже, чем для конфуцианских и буддийских канонов (158, с. 79—83).

Книги на бамбуковых и деревянных пластинках также были характерны в первую очередь для Китая. Однако в отличие от каменных книг они возникли гораздо раньше. Сведения об их изготовлении и сохранении в основном взяты из книги Лю Го-цзюня «Рассказ о китайской книге» (46, с. 24—29).

В соответствии с китайскими источниками книги на бамбуковых и деревянных пластинках уже существовали в начале династии Чжоу, т. е. в XI в. до н. э. В третьей книге конфуцианского «четырехкнижия» «Чжунъюн» («Учение о Срединном пути») имеется сообщение о том, что учение родоначальников династии Чжоу Вэнь-вана и У-вана было записано на «фанцэ» (бамбуковых пластинках). «Чжунъюн» — произведение эпохи «Борющихся царств» (III в. до н. э.), т. е. в III в. до н. э. книги на бамбуковых пластинках существовали, и слово «фанцэ» было равносильно современному слову «книга».

Изготовление бамбуковой книги описано в трактате Ван Чуна (27 — ок. 104 гг. н. э.) «Лунь хэн» («Критические рассуждения»). Бамбуковую палку обрезали так, чтобы получилась круглая трубка. Из этой трубки нарезали много тонких длинных пластинок, на которых затем писали кисточкой иероглифы. Книга получалась, когда много пластинок соединяли в связку, которая называлась «цэ».

Перед использованием бамбуковые пластинки просушивали над огнем. На одной узкой и длинной пластинке умещалось небольшое число иероглифов, и для книги требовалось много пластинок. Для удобства чтения их связывали бечевкой в надлежащей последовательности. При связывании пластинок часто применяли бечевку различных цветов, сплетенную из шелковых нитей, а иногда выделанную кожу. Одна связка могла включать текст раздела («пянь»). Книга могла состоять из нескольких разделов. Расцвет бамбуковых книг начинается в VI в. до н. э. и заканчивается в конце II в. н. э., когда бумага стала вытеснять бамбук. К IV в. книги на бамбуковых пластинках исчезают.

Книги на деревянных пластинках изготавливали следующим образом. Дерево распиливали на куски, а каждый кусок — на тонкие пластинки. Деревянные пластинки имели форму квадрата со стороной, равной 1 чи (1 чи — 32 см). Применение деревянных пластинок было ограниченным. Обычно на них писали небольшие сочинения, а в основном письма. Отсюда китайское выражение «заломить планку», т. е. написать письмо.

Бамбуковые и деревянные книги были неудобными в использовании. Нелегко было также переносить их с собой, но это не останавливало любителей чтения. В одном из текстов периода «Борющихся царств» сказано, что Су Цинь, известный дипломат того времени, был вынужден в начале карьеры носить книги «на плече в коробе». Сохранилось упоминание о том, что философ Мо-цзы, собираясь отправиться в качестве посла в царство Вэй, «сложил в свои повозки весьма много книг». Тем не менее бамбук и дерево были дешевыми материалами, и это способствовало развитию книжного дела. Тот же Мо-цзы писал: «Добрых книг, имеющихся в Поднебесной, не счесть» (66, кн. 2, с. 93).

Основным недостатком бамбуковых и деревянных книг было то, что бечевка, которая связывала пластинки в определенной последовательности, могла истираться и затем рвалась. В результате нарушался порядок следования пластинок, так как на пластинках он не отмечался, а восстанавливать его было крайне трудно. Если пластинки одной книги перемешивались с пластинками другой, то восстановление первоначального текста становилось почти невозможным. Поэтому еще в древности стали проводить работу по выправлению текстов книг, но вплоть до нашего времени многое в древних книгах остается неясным.

Сведения о бамбуковых и деревянных книгах имеются не только в литературных источниках. Некоторое число пластинок дошло до нас в результате грабежа древних могил, а в наше время благодаря археологическим открытиям. Известно, что в 280 г. н. э. в гробнице царства Вэй, относя-

щейся к III в. до н. э., были обнаружены бамбуковые пластинки 16 произведений объемом более 100 тыс. слов в виде 75 связок (158, с. 92—93). В 1957 г. в одной из камер чуской царской гробницы близ г. Синьян (провинция Хэнань) было обнаружено большое число пластинок, содержащих неизвестный ранее этико-политический текст. Эта находка считается первой подлинной бамбуковой книгой периода династии Чжоу, которая была найдена археологами (66, кн. 2, с. 92—93).

Книги-потхи

Санскритское слово *потхи* обозначало любую книгу, но в условиях Индии оно применялось к книгам из пальмовых листьев и бересты. По мнению специалистов, прообразом формы индийской книги, по всей вероятности, послужил пальмовый лист. При этом нужно также иметь в виду, что изготовление книг из пальмовых листьев было характерно для Южной Индии, а из бересты — для Северной.

Технология изготовления книг-потхи из пальмовых листьев следующая. Приготовленные для письма пальмовые листья имеют блекло-желтый цвет, никогда не подкрашиваются и не графятся, прожилки служат направляющими при письме. В центральной части листа, ближе к левому краю обычно остается квадрат без текста, в котором проделывают круглое отверстие для брошюровки. Если листья очень длинные, таких отверстий делают два — с левого и правого края. Согласно предписаниям тантр дырки должны быть пробиты, а не прорезаны ножом или прожжены. В некоторых рукописях квадраты без текста оставлены, а дырки не пробиты. Листы заполняют текстом с двух сторон. На левом поле лицевой стороны имеется пагинация цифрами.

На пальмовых листах текст процарапывался. Краску втирали не сразу, а при чтении, каждый раз подновляя текст. Поправки и дополнения на полях в процарапанных рукописях обычно делали чернилами. Готовая книга зажи-

малась между двух крепких досок, на которых закреплялись шнуры, предназначенные для брошюровки (66, кн. 2, с. 36, 40—41).

Книги из бересты заимствовали определенные элементы технологии изготовления книг из пальмовых листьев. Размеры листов книги могли быть различными и зависели от величины и качества берестяных заготовок. Поскольку для удобства хранения требовалось, чтобы листы в книге были одинакового размера, а береста в силу своих природных качеств материал хрупкий и ломкий, как правило, выбирали не очень большие форматы.

Далее в технологии прослеживается связь с книгами из пальмовых листьев. Текст обычно писался на обеих сторонах листа. На левом поле лицевой стороны ставился его номер, строчки располагались вдоль листа. Законченный лист переворачивался таким образом, что его часть, которая была верхним краем, оказывалась внизу. На оборотной стороне текст продолжался, номер листа не ставился. Книгу листали сверху вниз. Листы складывались стопкой и зажимались между двух дощечек, по размеру равных листу рукописи. В отличие от пальмовых листьев листы из бересты, как правило, не скреплялись. Каждый лист можно было вынуть из пачки. Но и здесь прослеживается связь с книгами из пальмовых листьев. В книгах из бересты не делали отверстие для шнура, но место, где его следовало делать, обводили кружочком и оставляли без текста.

Книга-потхи вместе с буддизмом проникла в различные страны Азии. Так, на о. Бали в Индонезии искусство создания книг из пальмовых листьев в точном соответствии с технологией, описанной выше, сохраняется до настоящего времени (137, с. 245).

Значительным было влияние индийской книжной традиции в северном направлении. В Центральной Азии традиционные потхи представляли собой длинные узкие листы, исписанные по горизонтали параллельно верхнему краю. В тибетских буддийских рукописях потхи размеры книги колеблются от 30—55 см в длину и 9,5—12 см в ширину.

В левой четверти листа, посередине, проделывается небольшое отверстие диаметром 1,5—3 см для брошюровки рукописи. Через него продевается шнурок, который обычно закрепляется на деревянных дощечках, служащих обложкой книги. При чтении листы перекадываются сверху вниз. Пагинация находится на левом поле лицевой стороны (66, кн. 2, с. 336—337). Как следует из описания тибетской книги-потхи технология ее создания полностью соответствует индийской традиции.

Та же традиция сохранялась у западных монголов, калмыков и других народов Центральной Азии. Устойчивость формы потхи объяснялась тем, что согласно буддийской традиции она в наибольшей степени приличествовала буддийским, в первую очередь каноническим произведениям. Не случайно поэтому данная форма книги у монголов обозначается еще термином *судур* (санскр. *сутра*), т. е. сочинение, составленное самим Буддой или с его слов (66, кн. 2, с. 336—337, 362—363, 469).

Книги-гармоники

Книги-гармоники представляют собой длинные листы, сложенные в виде гармоник. В Китае в период, который предшествовал книгопечатанию и когда уже существовала бумага, эта форма была переходной от свитка к кодексу (46, с. 43). Однако история письма и книги показывает, что эта книжная форма возникла раньше и притом независимо в регионах мира, разделенных океанами: в Индии и Мексике.

Исследователи считают оригинальной индийскую рукопись «Дхармапады». Она датируется I—II вв. н. э. Носителем информации в этой рукописи является береста. Общая длина берестяной полосы, на которой была написана рукопись, должна была достигать до 5 м. Если бы она сворачивалась в рулон, то тогда должна была находиться в соответствующем круглом ящике или кожаном футляре. Таких местонахождений археологи не нашли, а сама рукопись распалась на

части, по которым можно предположить разделение на секции высотой около 10 см. Эти секции могли возникнуть только в случае, если при хранении рукопись складывали гармоникой. Пагинация листов в рукописи отсутствует, т. е. текст размещался на одной полосе. Исследователи считают, что форма гармоник является самой старой для рукописей на бересте. Материал для письма подвергался простейшей обработке и был легко доступным. Датировка рукописи I—II вв. н. э. также исключает китайское влияние (66, кн. 2, с. 34—35).

Другой случай относится к Мексике. Древнейшие ацтекские рукописи, которые датируются от начала II тысячелетия н. э. до XVII в., были созданы на оленьей коже или на особом материале, получаемом из растения агавы, внешне напоминающем бумагу. Рукописи складывали по их длине в виде гармоник и покрывали лакированными деревянными дощечками (26, с. 121).

В Китае книга-гармоника появилась в середине IX в. как реакция на неудобства свитка для значительных по объему справочников и словарей. На китайском языке она называлась *чжэбэнь* («складная книга»). В развернутом виде книга представляет собой такую же длинную полосу склеенных по горизонтали листов, что и свиток. Разница состоит в том, что для удобства поиска нужного места рукопись не сворачивается в трубочку, а складывается в виде гармоник в равные по размерам узкие вертикальные листочки, которые в сложенном виде располагаются в виде стопы. Книгу-гармонику в отличие от свитка можно было быстро листать. Нужное место в книге находилось легче, чем в свитке, который приходилось перематывать. Первый и последний листы книги-гармоник оклеивали для прочности материей или плотной цветной бумагой (66, кн. 2, с. 124—125).

Однако книги-гармоник имели одно неудобство. Они могли легко развернуться во всю длину. Для фиксирования книги была изобретена особая брошюровка. Для этого брали большой лист бумаги, складывали пополам и приклеивали одну половину листа к начальному листу гармоник,

а вторую — к последнему листу. В развернутом виде полоса книги стала как бы замкнутым кругом. Такую брошюровку называли «вихревой» (кит. *сюаньфэнчжуан*). Имеется в виду движение по кругу, когда читатель, перелистав все страницы от начала до конца, возвращался опять к первой странице (46, с. 44).

Из Индии и Китая книги-гармоники распространились в Центральной Азии и Японии. Они были популярны в среде уйгуров. Уйгурский каганат распался в середине IX в. Одна ветвь этого народа создала государство Кочо в Турфанском оазисе и оказала значительное влияние на культуру (в том числе книжную) народов Центральной Азии (66, кн. 2, с. 358, 366—367). Широкое распространение эта форма книги имела также в Тибете и Монголии. В дальнейшем книги-гармоники стали издаваться ксилографическим способом. Однако у монголов рукописные гармоники продолжали распространяться в XIX в. и даже в начале XX в. (66, кн. 2, с. 336, 450). В Японии книги-гармоники тоже существовали, но чаще использовалась другая форма брошюровки — в форме тетради.

Книги-тетради

Начиная с X—XI вв. тетради стали наиболее популярной книжной формой в Японии. В определенной степени эта форма, как и гармоника, была переходной к кодексу. Для получения книги-тетради каждый лист складывали вдвое по вертикали. Затем ровную стопку сложенных листов помещали между двумя листами очень плотной цветной бумаги чуть большего формата, служившими в качестве обложек, и в 3—5 мм от края вертикального среза листов делали три прокола. Сквозь полученные отверстия продевали крепкую крученную цветную нить. Концы нити связывали.

В XIV—XV вв. бумага, брошюруемая в форме тетради, как правило, была тонкой, и при записи текста заполнялась с одной стороны. Если бумага была более плотной, то тет-

радь можно было расшить, листы сложить исписанной стороной внутрь и заполнить чистую сторону новым текстом. Серию тетрадей, заключающих многотомное сочинение, иногда помещали в общий картонный футляр, который застегивался при помощи костяных или деревянных заколов, вставлявшихся в специальные петли (66, кн. 2, с. 226—227).

В уйгурскую среду книга-тетрадь была принесена, по видимому, с Запада. Она типична для текстов манихейского и христианского содержания. Некоторой модификацией тетради является форма книги, в основу которой положен принцип сшивания не сложенных пополам листов, а листов одного формата (66, кн. 2, с. 365).

Необходимо также отметить существование книг-листов (чертежи, таблицы). Такие имеются, например, в тангутском фонде Института востоковедения в Санкт-Петербурге (66, кн. 2, с. 393).

Свиток

Две важнейшие формы книги древности и средних веков — свиток и кодекс. Поэтому их целесообразно рассмотреть последовательно, хотя необходимо иметь в виду, что книги-гармоники и тетради в определенной степени вклиниваются между ними как предшественники кодекса.

Начиная с древнего Египта свиток — основная изначальная форма книги для античного мира Средиземноморья. Материалом свитка является какой-либо мягкий носитель информации. Основным материалом был папирус. Для него форма свитка была идеальной и оставалась без изменений более трех тысячелетий, пока новый носитель информации пергамен не привел к замене свитка кодексом.

Свиток был естественной формой для длинной полосы папируса, которая обычно состояла из 20 подклеенных друг к другу листов. Длина одного листа составляла 38—42 см в период Среднего царства и 16—20 см при Новом царстве. Сворачивание в свиток было удобнее, так как при этом луч-

ше сохранялась гибкость папируса, который ломался при складывании в «тетрадь». Египтяне в отличие от римлян не наматывали папирус на палку. Сохранился только один египетский свиток, где на внутреннем (левом) конце папирус был плотно сложен в виде своего рода палки.

В Египте обычно писали на внутренней стороне свитка (*recto*), поскольку в этом случае текст был в наибольшей сохранности. Когда внутренняя сторона свитка была полностью заполнена текстом, писец мог поступать следующим образом: подклеить дополнительные листы и на них закончить текст; закончить текст на внешней стороне свитка (*verso*). Писать на внешней стороне приходилось, если у него не было лишних листов или если папирус был очень дорогим.

Когда написание или чтение книги было завершено, свиток перекручивали обратно, так что конец книги находился внутри свитка, и книга была готова для нового чтения. Поскольку начало свитка было открыто и могло быть повреждено, между краем и первой строкой обычно оставляли пустое место. Часто оно дополнительно проклеивалось полоской папируса 5—9 см шириной. Следовательно, толщина папируса в этой части свитка удваивалась, и опасность его повреждения уменьшалась. Незаполненные текстом места оставляли не только в начале, но и в конце свитка для того, чтобы уберечь текст от повреждений.

Нумерация страниц обычно отсутствовала. Установлены только две рукописи, в которых она имелась. Одна из них относится к позднему периоду, когда у власти уже была македонская династия (102, с. 8—21).

В Грецию свиток пришел из Египта вместе с папирусом примерно с VII в. до н. э., после установления дипломатических и торговых связей. Затем, когда во II в. до н. э. Рим завоевал Грецию, свиток стал основной книжной формой также и в Риме. Древнейший сохранившийся свиток на греческом языке датируется первой половиной IV в. до н. э. (28, с. 32—33).

Как было отмечено выше, египетский свиток идеально соответствовал природе папируса, из которого он был сде-

лан. Поэтому его единственным усовершенствованием сначала в Греции, а затем в Риме было наматывание свитка на специальный деревянный или костяной стержень, называемый греками «пуп» (*омфалос*), а римлянами *umbilicus* с тем же значением. В дорогих книгах пуп был окрашенным и даже позолоченным. Свернутый свиток укладывали в кожаный футляр, или «плащ» (греч. *файно́ла* или *фено́ла*). Из этого слова путем перестановки букв образовалось слово «фелонь», которое затем вошло в русский язык. Чтобы легче было ориентироваться среди книг, убранных в фелони, к верхнему краю свитка прикрепляли кожаный значок (ярлык), на котором было написано заглавие произведения (27, с. 12).

Папирус был не единственным материалом, из которого делали свитки. В принципе для этого подходил любой мягкий материал. Наиболее подходящим была кожа и затем пергамен. Известным примером является использование кожаных свитков евреями для размещения на них священных текстов. Кожаные свитки применялись также в древней Месопотамии (19, с. 17). В Сирии первоначально пергаменные рукописи оформлялись как папирусные свитки. Однако недостаточная эластичность пергамена, который коробился при сворачивании, вынудила перейти к форме кодекса.

В Сирии и некоторых других странах форма свитка сохранялась в сакральных и магических целях, что вполне соответствовало ближневосточной традиции (ср. свитки Горы у евреев). У сирийцев пергаменные и даже бумажные свитки содержали литургические и магические тексты, т. е., с точки зрения переписчика, сакральные. Эта традиция представлена также в византийской и эфиопской культуре и восходит еще ко временам язычества, когда считалось, что свернутый в таком виде текст лучше сохраняет силу священного воздействия. Нужно при этом отметить, что эфиопские «магические свитки» не разворачивали и не читали, а хранили в качестве амулетов и оберегов (66, кн. 1, с. 113, 205—206).

В Китае свиток не был базовой формой книги. Первоначально эту функцию выполняли книги из бамбуковых и

деревянных пластинок, хотя, как было показано ранее, свитки можно было делать и из них. Основными стимулами для возникновения свитков в Китае стало использование для письма шелка, а затем бумаги. Таким образом, в Китае свиток был переходной формой от бамбуковых книг к кодексу. Необходимо иметь в виду, что шелк можно было не только сворачивать в виде свитка, но и складывать, т. е. для шелка свиток не был единственной формой книги. Тем не менее в I в. н. э. шелковый свиток был распространенной книжной формой. В библиографической секции «Истории Старшей династии Хань», которая отражает состав императорской библиотеки этого времени, четверть всех книг были представлены на шелковых свитках (158, с. 128).

Во II в. н. э. в Китае стали изготавливать бумажные свитки. Об этом известно из письменных источников, но до сих пор бумажные книги в виде свитков, которые относятся к II—IV вв., не обнаружены. Бумажные книги-свитки, начиная с V в. и особенно в VII—IX вв., были найдены в пещерах «Тысячи Будд» близ Дуньхуана в провинции Ганьсу. В Японии также сохранилось несколько китайских бумажных свитков (46, с. 38). Свиток оставался абсолютно господствующей формой книги до конца I тысячелетия (66, кн. 2, с. 123).

Интересно отметить, что и в Китае оформление книги в виде свитка было подобно тому, которое было на Западе в Средиземноморье. Свитки крепили на лакированной палочке из дерева, а в роскошных книгах — из других материалов: стекла, слоновой кости, черепахи, кораллов, сандалового дерева, золота и яшмы. Правый край, оставляемый снаружи, обклеивали специальным материалом для укрепления чаще всего бумагой и шелком. Кроме того, к правому краю прикрепляли цветную шелковую тесьму. Первые две строки книги оставляли незаполненными текстом. Если в книге было несколько свитков, их заключали в специальную «обложку», которую изготавливали из шелковой ткани или холста, а иногда из тонких бамбуковых пластинок, переплетенных различными цветными нитями. На «обложке» имелись ремешки для ее завязывания. На конце свитка подве-

шивалась табличка, на которой писали название книги, номер свитка или другое обозначение (46, с. 38—40).

С XIV в. в связи с развитием ксилографии свиток как форма книги уступает место кодексу (28, с. 53). Недостатки свитка как формы книги были следующие:

- обе руки заняты в разворачивании и сворачивании свитка. Поэтому трудно было делать какие-либо выписки (95, с. 6);
- трудно искать нужное место в книге;
- свиток нужно было перекручивать в обратном направлении после окончания чтения;
- ограниченность объема текста на свитке;
- на свитках невозможно издать собрание сочинений одного автора. Из-за этого многие произведения были утрачены (130, с. 64—65);
- на свитке больше искажений текста, чем в кодексе, и их трудно исправлять.

Сакральность свитка в определенной степени сохранилась также в гражданской сфере. В форме свитков оформляют различные юбилейные и почетные документы. Выражение «свод законов» напоминает о древней форме законодательных текстов. О свитке напоминает также слово «контроль». Так, в немецком языке слово «Kontrolle» на самом деле значит «Kontra-Rolle», т. е. «контр-свиток». Это был дублетный свиток с записями о налогах, который составляли в налоговых учреждениях, чтобы обеспечить сохранность и проверку основного экземпляра (107, с. 21).

Кодекс

Латинское слово *caudex* значит «колода», «бревно», «навошенные таблички для письма», т. е. античный кодекс со всей очевидностью восходит к древним записным книжкам из восковых табличек. В Китае форма кодекса возникла при переходе к книгопечатанию на основе книг-гармоник с их вихревым вариантом (46, с. 44; 66, кн. 1, с. 40).

Увеличение роли кодекса связано с появлением пергамена, т. е. форма книги, как и в других случаях, определялась носителем информации, из которого ее изготовляли. Кодекс заменял свиток постепенно. Так, среди языческих литературных текстов, найденных в Египте, кодексы по отношению к свиткам составляли 2,31% во II в. н. э., 16,8% в III в. и 73,95% в IV в. Под влиянием пергаменной книги папирусная к IV—V вв. также приобрела форму кодекса. Начиная с V в. или несколько ранее стали появляться изображения писцов, сидящих за столом. Эти изображения становятся нормой в VIII—IX вв. (27, с. 20—21).

При изготовлении кодекса листы писчего материала накладывали один на другой, пачку сгибали пополам и прошивали в месте сгиба. Если листов было много, то в месте сгиба возникало сильное напряжение, книга плохо держалась в согнутом состоянии и могла раскрываться. Поэтому обычно кодексы составляли из тетрадей — четырех сложенных пополам листов (греч. *тетрадион*, от *тетра* «четыре», лат. «кватернион»). Тетради могли также иметь меньшее или большее число листов (из сложенных вдвое двух листов — *бинион*, трех — *тернион*, пяти — *квинтернион*, шести — *секстернион*). Чаще всего такие тетради возникали в конце кодекса, когда текст не умещался в последней тетради из четырех листов. Однотетрадная форма кодекса — это фактически книга-тетрадь, но впоследствии она была полностью вытеснена многотетрадной.

Некоторые цивилизации из-за более позднего возникновения миновали фазу свитка и приняли кодекс. Так, в Армении рукописная книга сразу приняла форму кодекса в соответствии с греческой и сирийской христианской традицией. Это было связано также с тем, что в Армении папирус не применялся, и пергамен был первоначальным писчим материалом. То же самое, по-видимому, имело место в Эфиопии. Свитки существовали только как амулеты (66, кн. 1, с. 151, 205—206). Арабы приняли кодекс уже на раннем этапе развития. Так, в соответствии с традицией при жизни пророка Мухаммада текст Корана хранили на лис-

тах, помещенных между двумя деревянными досками. Позднее, в конце VII в. он был переписан в виде книги-кодекса (135, с. 5). Вероятно, с этой формой книги арабы познакомились в завоеванных районах Византии, Сирии и Египта.

Кодекс как форма книги был распространен не только в Старом, но и в Новом свете. До нашего времени дошло три кодекса цивилизации майя и около 50 — цивилизации ацтеков, которая началась позднее и закончилась с появлением испанцев. По мнению некоторых историков, одна из библиотек этой цивилизации насчитывала 100 тыс. кодексов (150, с. 14—15).

Форма кодекса имела два принципиальных преимущества перед свитком, которые в конечном счете привели к его полной победе. Во-первых, один кодекс может вмещать гораздо больше текста. Марциал писал, что в его библиотеке весь Тат Ливий умещался на маленьких пергаменных листах, в то время как для этого было нужно 150 папирусных свитков. Во-вторых, и это в наибольшей степени привело к вытеснению свитка, кодекс был более удобен в пользовании. Его легко было перелистывать, находить нужные места, делать закладки. Его также можно было положить на какую-либо поверхность и освободить руки.

Для первоначально бедных христианских общин большое значение имела и сравнительная дешевизна пергамена по сравнению с папирусом, а также его удобство при богослужении. Форма кодекса представляла интерес для христиан, поскольку они широко использовали цитирование при обосновании своих взглядов. В результате пергаменный кодекс стал основной формой книги в христианском мире.

В значительной степени кодекс облегчил научную работу с источниками. Как было показано ранее, руки исследователя были освобождены от необходимости сворачивать и разворачивать свиток. Несколько кодексов можно было разложить и работать с ними одновременно. Не менее важным было удобство кодекса для школы.

Наконец, он был удобнее для переписки и книгоиздания. В форме кодекса книга и произведение стали единым

целым. Большое значение имело также удобство кодекса для последующего хранения, в том числе в библиотеках.

После распространения бумаги книга-кодекс принципиально сохранила свою форму, в том числе и после изобретения книгопечатания. К этому моменту форма рукописного кодекса существовала уже несколько столетий.

ГЛАВА 8

Переписка книг

Глава включает четыре раздела, которые имеют отношение к переписке книг: собственно переписка, переписчики, мастерские и центры переписки, выходные сведения.

Переписка

В древнем мире и средние века переписка была началом книги как средства передачи информации в обществе. Авторский протограф ценился исключительно высоко, но это был всего лишь один экземпляр. Для передачи информации необходимо было много экземпляров, что достигалось путем переписывания, т. е. копирования.

Пока не существовала книжная торговля, каждый обеспечивал себя нужными текстами. Так, в древней Месопотамии переписывали тексты в процессе обучения и затем сохраняли для будущей профессиональной деятельности (71, с. 81, 82). Ученики переписывали тексты также для своих учителей, некоторым из которых удавалось таким образом создавать личные собрания (53, с. 250). Когда книжная торговля возникла, для себя переписывали те, кто не мог купить книгу, и те, кто хотел изготовить надежную копию. Например, Петрарка получал книги на время, сам делал с них копии для пополнения своей библиотеки (55а, с. 311). Переписка в личных целях сохранилась даже в полиграфи-

ческий период. Так, в XVIII в. на Украине представители низов или средних слоев населения переписывали в сборники заинтересовавшие их произведения из печатных изданий и рукописных книг (3, с. 35).

В исламском мире переписка книг по личному побуждению, из необходимости или из любительского интереса была важным элементом письменной культуры. Большое число текстов переписывали учащиеся в процессе обучения (ср. древнюю месопотамскую традицию), а затем все добросовестные ученые и любители изящной литературы. Это было для них естественным продолжением практики ученических лет и неизбежной частью их работы. Широко была распространена также любительская переписка Корана. Переписать его один раз в жизни считалось богоугодным делом и даже обязанностью грамотного мусульманина. С довольно раннего времени возник также обычай дарить в мечеть своего города или квартала список Корана, выполненный собственноручно дарителем (82, с. 122—123).

Переписка была необходима для сохранения древних текстов. Эта традиция возникла уже в древней Месопотамии. Месопотамские писцы копировали надписи на статуях и вотивных предметах, а также различные исторические материалы. Благодаря этому сохранились, например, сведения о древнеаккадском периоде и правлении царей III династии Ура. Писцы также переписывали подлинные и вымышленные послания выдающихся царей, попавших в необычайные положения. Тексты копировали без изменений. Лакуны не восстанавливались, а лишь отмечались пометкой «отломано». Часто писцы депонировали свои копии в святилищах и храмах (19, с. 46—47; 53, с. 152—153).

Традиция переписки, даже частой, имела особое значение для античной цивилизации, в которой основным носителем информации был папирус. Папирус — хрупкий материал. Поэтому основным средством сохранения книг и произведений древних авторов была их постоянная переписка. То, что переписывалось, могло сохраниться вплоть до настоящего времени. Остальное погибало.

В странах с папирусной цивилизацией технология переписки сохранялась со времен древнего Египта. На свитке египтяне всегда писали, сидя на скрещенных ногах, или на земле с ногами, скрещенными спереди. Набедренная повязка при этом была туго натянута и образовывала поверхность, на которой лежал папирус. Писец держал свиток в левой руке и разворачивал его так, что на повязке находилась та часть рукописи, на которой нужно было писать. Когда часть рукописи на коленях заполнялась текстом, свиток разворачивался далее, а исписанный правый конец спускался с колен на землю. Палетка находилась на земле перед писцом. Перья обычно помещали за правым ухом. Египтяне никогда не использовали при переписке каких-либо столов (102, с. 13—14).

Египетская технология в дальнейшем сохранялась у многих народов даже в пергаменную эпоху. По старорусскому выражению она называлась «коленным писанием». Вариантом было положение, когда переписчик писал, сидя прямо на земле или на низком сиденье, держа пергамен, положенный на другую переплетенную книгу, на правом согнутом колене. Такая позиция переписчика была принята и сохранилась до настоящего времени, например, в Эфиопии. Она считается удобнее всего, поскольку при любом размере листа можно без труда сохранить постоянное расстояние от головы и от локтя правой руки до выписываемой строки, вытягивая согнутую правую ногу по мере того, как исписывается страница. Рукопись, с которой писец переписывает текст, помещается слева от него на какой-либо подставке. Писец пишет медленно и внимательно. Буквы ложатся на пергамен ровно и единообразно. Торопливость считается неуместной, так как с точки зрения эфиопов переписка и даже процесс письма сами по себе являются священнодействием (66, кн. 1, с. 214).

В Греции, Риме и затем в Европе переписчики первоначально также писали на коленях. Лишь позднее в Европе появились изображения писцов, которые работали за пюпитром или столом (145, с. 56).

В Древней Руси и других славянских странах лист пергамента тоже помещали на коленях, придерживая левой рукой. На столике, который стоял рядом, располагались чернильница, перья и другие предметы, нужные для работы. Оригинал находился на пюпитре. Таким образом, «коленная» технология сохранялась длительное время.

Переписка также осуществлялась под диктовку. Дело в том, что в отличие от древневосточной традиции в античное время переписка считалась работой, недостойной свободного человека. Даже автор диктовал вслух грамотному рабу. В Риме переписка под диктовку широко использовалась при книгоиздании. Она применялась также в монастырских скрипториях Европы.

Однако в монастырях отношение к переписке постепенно изменилось. Она оставалась тяжелой работой, но переписывание церковных книг стало приравниваться к апостольскому подвигу. Уже Кассиодор (ок. 487 — ок. 578 г.) считал переписывание книг самым полезным занятием для монаха. Затем обязанность переписывать книги вошла в монастырские правила.

Дальнейшему закреплению переписывания книг в монастырях способствовала деятельность бенедиктинского ордена, родоначальником которого был св. Бенедикт (480—543). Он основал 14 монастырей, в том числе знаменитый в Монте-Кассино (528 г.), и в «Правилах для монахов» установил, что они должны читать и переписывать книги. Бенедиктинцы и вышедшие из этого ордена другие ордена основали много монастырей по всей Европе, в которых правила чтения и переписки рукописей соблюдались. В целом в европейских монастырях было принято переписывать книги, или, во всяком случае, они способствовали этому процессу (110, с. 275—276).

Обязанность переписывать книги была характерна также для византийских монастырей. Так, само возникновение одного из самых знаменитых греческих монастырей — Студитского монастыря в Константинополе — было связано с тем, что в 491 г. был основан религиозный орден, глав-

ной целью которого была переписка книг. Знаменитый аббат этого монастыря Федор Студит (759—826) сохранил это правило, превратил переписку книг в обязательную часть монастырской жизни. Он также включил в монастырские правила перечень наказаний за недобросовестные поступки и нарушения при переписке. В качестве примера можно привести следующее:

- если кто-то доверяет своей памяти при переписке текста книги, то он подлежит заключению на три дня;
- если кто-то при переписке включает отрывки, которые отсутствуют в переписываемой книге, то его следует посадить на рацион сухой пищи;
- если кто-то допускает небрежность и на копии или на книге, с которой снимается копия, появляются пятна, а также если он не убирает их на место вовремя, если не оставляет установленные расстояния между словами, не ставит знаки ударения и препинания, то в качестве эпитимьи должен выполнить 130 простраций (119, с. 116—117).

Переписка книг существовала и в русских монастырях. Как правило, книги переписывали для себя. Так, в Троице-Сергиевом монастыре активная переписка началась уже при преемнике Сергия Никоне, который управлял монастырем в 1395—1427 гг. (60, с. 109). В целом книгописание в русских монастырях включало снятие копий с оригиналов, принадлежавших другим монастырям или отдельным владельцам, активную переписку богослужебных книг и переводы богословских текстов, получаемых в результате книгообмена с другими монастырями (38, с. 126).

Во многих странах возникали определенные стандарты переписки. Это было видно, например, по студитским правилам. Однако традиция возникла в глубокой древности и по сути дела существовала повсеместно. Например, для библиотеки Ашшурбанапала многие тексты копировались по определенному стандарту с научной аккуратностью (53, с. 251). Это было проявлением общей тенденции к стандартизации текстов, которая помогает ассириологам по облом-

ках табличек восстанавливать первоначальный текст (53, с. 19, 20). На Руси в Новгородско-Софийской библиотеке собирали образцовые исправные списки книг, предназначенные для снятия с них копий (61, с. 155).

При необходимости носитель информации подготавливали для письма. При письме на папирусном свитке в этом не было необходимости. Волокна папируса были своего рода линейками. Поэтому на внутренней стороне свитка писали в горизонтальном направлении (по отношению к свитку) и соответственно на наружной стороне — в вертикальном. Пергамен и бумагу готовили к переписке. Основным этапом подготовки была разлиновка. Для этого использовались циркуль, линейка и грифель или транспарант. Транспарант широко применялся в исламских странах. Он состоял из листа картона или сшитых вместе листов плотной бумаги, на нем натягивались шелковые нити, которые шли рядами на определенных равных расстояниях друг от друга. Переписчик подкладывал транспарант под бумагу и нажимал на него. Нити отпечатывались в виде линеек. По ним писались строки текста (78, с. 184).

На Руси для разлиновки, кроме линейки и шильца, использовали металлическую рамку (транспортер, карамсу). Она так сильно вдавливалась в первый лист тетради, что линии проступали и на последнем листе. Роль карамсы на Руси играла также деревянная дощечка с туго натянутыми по ней нитями. Карандаш стали использовать для линования только в конце XVII в. (14, с. 69). На Украине в XVIII в. также использовали особую дощечку — тераксу (3, с. 34).

Специального рода подготовка требовалась, когда для переписки нужно было стереть с носителя ранее написанный текст. В результате возникали книги, в которых под новым текстом может проступать старый. Они называются палимпсесты (от греческих слов *πάλιν* — «вновь» и *πέσο* — «счищаю»). Обычай был достаточно древним. Так, в древнем Египте писец мог смыть ранее написанный текст, чтобы написать новый. Однако египетские чернила не вступали в химическую реакцию с папирусом. Поэтому после про-

мывки на нем оставались лишь незначительные следы (102, с. 23). Иное дело пергамен. Чернила въедаются в него, и первоначальный текст можно выявить химическим или фотографическим методом. Таким образом под богослужбными книгами удавалось прочесть тексты античных авторов.

Когда носитель был приготовлен для письма, к делу приступал переписчик — каллиграф. Искусство письма — каллиграфия — всегда и везде высоко ценилось в рукописную эпоху. Само слово первоначально означало не изящество письма, а изящество слога. Привычное для нас значение слово получило к концу III в. н. э., в канун ранневизантийского времени. Каллиграфом называли писца особой квалификации. Слово могло войти даже в законы. Каллиграфия получила фиксированный социальный статус (2, с. 16). Античные книги написаны прекрасным шрифтом. В византийской книге шрифт под пером мастера приобретал декоративный характер. В Европе также возникли различные шрифты, например такие, как каролингский минускул и готический. Искусству каллиграфии специально обучали. В XIV в. этому были посвящены трактаты, в которых давались рекомендации о правильном написании форм букв, их положении на строке, связи букв друг с другом. Ученики и последователи Петрарки создали школы каллиграфии, в которых обучали письму, получившему название гуманистического (29, с. 49).

В Китае каллиграфия стала едва ли не культовым явлением. Знаменитые каллиграфы были известны поименно. Каллиграфия была характерна для всех носителей, в том числе для камня. Из Китая культ каллиграфии перешел в Японию, где концепции всех каллиграфических стилей строились на представлении о том, что каллиграфия должна доставлять эстетическое наслаждение, а также способствовать смысловому восприятию текста (66, кн. 2, с. 236).

В арабской рукописной книге письмо также считалось главным украшением. Его качеству придавали большое значение. Возникло исключительное многообразие книжных шрифтов и почерков. Известны имена выдающихся каллиг-

рафов, которых считали изобретателями отдельных почерков. Арабские рукописи радуют глаз, производят впечатление не только аккуратным и тщательным исполнением, но и особой гармонией линий, симметрией всех элементов письма (82, с. 168—174). С хорошего почерка в юности начиналась карьера у ряда известных лиц, по нему судили о профессиональной пригодности при поступлении на самые различные чиновничьи должности (там же, с. 129).

В Персии существовали школы, в которых обучали каллиграфическому письму. Обучение начиналось с ранних лет, и обычно будущие светила каллиграфии уже к 10—11 годам могли прилично переписать полную рукопись. Мастера и теоретики каллиграфии писали также трактаты. В них отмечалась необходимость сочетания достижений старых мастеров и творческой индивидуальности. Этот метод получил теоретическое обоснование в термине *машк-и хийали* («творческое упражнение») (66, кн. 1, с. 380).

Для качественной переписки были необходимы хорошие чернила. Существовал упомянутый ранее принцип: «Хорошие книги аннулируются худым чернилом». При переписке, начиная с древности, использовали чернила разных цветов. Этот вопрос был рассмотрен ранее в разделе, посвященном чернилам.

Качественная переписка предполагала наличие точного текста в оригинале. Работа над выработкой эталонного текста началась уже в древности. Ранее, как пример, была приведена стандартизация текстов в древней Месопотамии, в том числе при переписке для библиотеки Ашшурбанапала. В эллинистический период эту работу приняли на себя ученые Александрийской библиотеки. В ней постоянно работали филологи, которые производили сверку различных списков одного и того же текста и выбирали наиболее правильную редакцию. В этой редакции рукопись окончательно переписывалась, сдавалась на хранение в библиотеку и затем стала считаться первоисточником (28, с. 34).

В Виварии Кассиодора вариант текста, выбранный для переписки, тщательно выверялся, ошибки исправлялись

(29, с. 34). Алкуин также наставлял средневековых переписчиков:

...Верную рукопись пусть поищут себе
поприлежней,
Где по неложной тропе шло неизменно
перо (2, с. 20).

Начиная с XIV в. требования к точности текста еще больше возросли, в том числе в связи с развитием систем образования, особенно университетского. Для учебного процесса было необходимо, чтобы и оригинал, и копия не содержали каких-либо ошибок (98, с. 58). Если ее обнаруживал сам переписчик, он исправлял ее. В древнем Египте писец смывал тряпкой или слизывал языком неправильные знаки и вместо них писал правильный текст. Пропущенные слова писали над строкой, если для этого было достаточно места, или на месте пропуска ставили крест и делали вставки над или под страницей на свободном листе. Интересно отметить, что в «Книге мертвых», которую укладывали в могилу, могли не делать каких-либо исправлений. Поэтому для современных филологов установление ее точного текста и его понимание является исключительно сложной задачей (102, с. 24—25).

В Месопотамии сведения о сверке отмечались в колофонах. Если писец находил лакуну в оригинале, он ее не восстанавливал, т. е. ничего не писал от себя. В разрушенном месте ставилась пометка «отломано» (19, с. 46—47). В римском книгоиздании написанный текст проверял корректор. Это повышало расходы на издание и цену книги (153, с. 158—159).

В тангутских буддийских книгах отметки о проверке написанного текста присутствуют в подавляющем большинстве рукописей. Редко, но указывается и имя сверщика текста. Для обеспечения точности переписки канонического произведения сверка могла производиться неоднократно (66, кн. 2, с. 405—406).

В Индии при письме на бумаге в тексте ничего не зачеркивали. Неправильно написанные слова замазывались осо-

бым составом с основой из растительной смолы, бумага подсушивалась и по загрунтованной поверхности писали вновь. Пропущенные слова и слоги обычно выносили на поля. На месте пропуска под строкой ставился крест. Такой же крест ставился под словом или слогом, повторенным по ошибке (66, кн. 2, с. 47).

В Сирии при обнаружении ошибки переписчик не топился зачеркивать, стирать или замазывать написанное, а применял специальные корректорские знаки. Так, при перестановке слов во фразе над ними или под ними ставили три точки, а иногда размечали правильный порядок слов сирийскими буквами в алфавитной последовательности (ср. аналогичный метод в современной корректуре рукописи). Точками часто пользовались и при перестановке букв в слове. Пропуск слова обычно фиксировался маленькой вертикальной чертой, и пропущенное слово добавлялось под этой маргинальной пометкой на полях (66, кн. 1, с. 137).

Для оценки переписки нужно также отметить, что иногда переписчики сознательно вносили в текст изменения и переделки. Этот подход мог объясняться различными соображениями, в том числе идеологическими. Результатом такой деятельности переписчиков являются сокращение или пропуск отдельных частей и даже слов сочинения, дополнение его интерполяциями и пояснениями. Маргиналии и вставки могли отмечаться различными знаками. Есть случаи преднамеренной порчи текста рукописи переписчиком. Это проявлялось, например, во вражде суннитов и шиитов в исламе. В качестве примера приводится шиитская рукопись XIX в., в которой выражение «эти два вождя» в применении к Абу Бакру и Умару заменены выражением «эти две свиньи» (78, с. 192—193).

Подсчет строк при переписке литературных произведений был принят уже в древней Греции. Это было необходимо для предотвращения неправильной переписки, интерполяций и сокращений. В Александрийской библиотеке этот способ определения объема рукописи применялся в каталогизации и библиографировании. Начиная с римского пери-

ода тот же метод стали использовать в книгоиздании для подсчета размера оплаты для переписчика (117, с. 46).

Византийские переписчики заботились о своих читателях. Они снабжали книгу оглавлением (*пύναкс*), перед отдельными произведениями помещали леммы с внешней характеристикой произведения (например, указания на то, кому адресовано послание или по какому поводу была произнесена речь), а в схолиях комментировали трудные места текста или увязывали события прошлого с современностью (27, с. 38).

Отличительной чертой арабо-мусульманской книжной культуры является указание в рукописях сведений о цепочке лиц, которые осуществляли передачу определенного знания. Комплекс этих сведений позволяет проследить связи и отношения многих поколений учителей и учеников, выделить научные, литературные и богословские школы, узнать историю копирования отдельных сочинений на протяжении ряда столетий, а иногда и установить генеалогию конкретных рукописей (82, с. 120—121).

Переписчики

Имеется определенное различие между писцами, т. е. изготовителями первичных документов, и переписчиками книг. Первые, безусловно, более древние, но в ходе истории обе функции нередко объединялись в одном лице. Поэтому обе категории следует рассмотреть вместе.

В Египте первые сведения о писцах восходят к глубокой древности. Древнейшая статуя писца дошла до нашего времени от эпохи Раннего царства (3150—2686 гг. до н. э.). Она изображает человека, сидящего на полу со скрещенными ногами и развернутым на коленях папирусом, т. е. в профессиональной позе, в которой египетские скульпторы изображали писцов на протяжении последующих веков (35, с. 6, 8). Несомненно, что затем во времена Древнего царства вельможи и сановники были писцами и часто занима-

ли ответственные посты в государственной иерархии. Среди богов писцов представлял бог Тот, решения которого сопровождалась канцелярской фразой: «Ра изрек, и Тот записал». В основном писцы были заняты административно-хозяйственной деятельностью. Вначале о переписке книг нет речи, да и книг еще мало. Единственный литературный жанр — это поучения. Они объявляются главным наследием писцов (57, с. 102).

В Египте после 2000 г. до н. э. на государственной службе было занято огромное число писцов (124, с. 19). То же наблюдалось в других странах и в более позднее время. При этом все большая часть деятельности писцов заключалась в переписке, в том числе в размножении различных документов. Так, в придворном штате японского императорского двора в VIII в. находилось 152 переписчика, а к X в. их число увеличилось до 390 (48, с. 337). В исламском средневековом мире, по данным источников, имеются сведения о множестве людей, носивших прозвище ал-Варрак и занимавшихся перепиской книг (82, с. 136). В 1300 г. только в Милане было около 50 лиц, которые зарабатывали на жизнь перепиской (144, с. 53).

Выделение профессии писцов произошло на раннем этапе развития цивилизации, в Месопотамии, например — в XXVII в. до н. э. Храмовый архив Шуруппака свидетельствует о достаточно развитой системе обучения писцов и их специализации (55, с. 9). Во все периоды древней истории Месопотамии храмовые, царские и частные писцы занимались перепиской более ранних текстов для различных целей (учебные, научные, для посвящения в храм и др.). Писцы заверяли документы и письма своими печатями (19, с. 25—26, 46).

В Китае профессиональные переписчики книг, в том числе для продажи, появились в VII—VIII вв. н. э. Однако специалисты по переписке на каменных стелах были уже в конце I тыс. до н. э. Их важным доходом было также письмо на могильных камнях (5, с. 67; 46, с. 41). В Центральной Азии перепиской книг занимались профессионалы

(катибы) и частные, просто грамотные люди. Среди профессионалов выделялись мастера-каллиграфы. Частные переписчики брались за калам по заказу или просьбе какого-либо лица, ради собственных нужд или с целью дополнительного заработка. Иногда в роли переписчика выступали сами авторы литературных произведений (66, кн. 1, с. 488—490). У монгольских народов основными переписчиками были монастырские ламы, но помимо них и так называемые «степные ламы», т. е. ламы, не приписанные к какому-либо монастырю и бродившие по кочевьям. В этом процессе принимали участие также грамотные миряне (66, кн. 2, с. 436—437).

В исламских странах были две основные группы переписчиков: профессионалы и те, кто переписывал книги по личному побуждению, необходимости или из любительского интереса (82, с. 122). Поскольку ислам длительное время запрещал книгопечатание, переписка сохранялась в мусульманских странах в течение длительного времени, как правило, на местном уровне. Например, местные переписчики удовлетворяли спрос на литературу в Дагестане в XVI—XIX вв. Как и везде, определенная часть грамотных лиц в дагестанских аулах специализировалась на переписке арабских рукописей, учебных пособий и литературных произведений дагестанских и недагестанских авторов (1, с. 20).

В древней Греции профессиональные переписчики книг появились в V—IV вв. до н. э. Их называли словом «библиограф», которое уже в XVIII—XIX вв. в Европе приобрело современное значение (73, с. 18). В римском издательском деле переписчиками были грамотные рабы. Они занимались своим ремеслом за лавкой, где продавались книги. Помимо того переписчики принимали участие в правительственной и частной информационной деятельности. Рабы переписывали «Ежедневную римскую общественную хронику», которую составляли в Риме вскоре после Цезаря, и разносили ее римской знати. Кроме того, представители знати, отбывая в провинцию, оставляли в Риме писцов-информаторов,

чтобы те собирали, записывали для них и отправляли с оказией все городские новости (14, с. 34).

В христианской среде ремесло переписчика перешло к монахам, основным переписчикам раннего средневековья. Они взяли на себя труд, который с античных времен считался рабским. Блаженный Иероним (ум. 420 г.) приказывал монахам переписывать книги, и сам их переписывал. Кассиодор возносил хвалу переписчику. В результате с VI в. статус переписчика изменился, и это занятие стало почетным.

В городах средневековой Европы переписчики стали ремесленниками с цеховой организацией. Возникла конкуренция между ними и монастырскими переписчиками. В 1383 г. в Голландии был основан орден «Братья общей жизни» (*Fratres de vita communa*). Они жили совместно по монастырскому правилу, но не были подобны монахам-переписчикам, так как в основном ставили перед собой образовательные цели и переписывали учебную литературу и молитвенники (128, с. 17).

Университеты способствовали развитию переписки. В университетах было три вида переписчиков: преподаватели, студенты и профессионалы-переписчики. Преподаватели в основном переписывали для себя. Что же касается студентов, то они все были грамотные и многие нуждались в заработке. Оттого часто занимались перепиской. Профессиональные писцы составляли корпорацию, в которую входили также пергаменщики, иллюминаторы и переплетчики (29, с. 45, 143, 156).

На Руси перепиской книг в основном занимались священники, дьяконы, монахи, иногда князья (например один из них в 1288 г. переписал Апостол и Евангелие) (70, с. 21). Однако еще до XV в. существовали ремесленники-книгописцы. Они подвергались преследованиям со стороны духовенства (61, с. 160). В XVII в. много профессиональных переписчиков книг было в Москве и Новгороде. В некоторых случаях состоятельные любители чтения заводили писцов среди своей дворни (50, с. 40).

На Украине в XVIII в. профессиональные писцы были основными переписчиками книг. Это прежде всего канцеляристы, т. е. мелкие служащие канцелярий, хотя на Украине слово «писарь» обозначало высокие звания и должности в казацко-старшинской иерархии: генеральный писарь, полковой писарь и т. д. Основными переписчиками являлись естественно мелкие канцеляристы, для которых это было источником заработка. Изредка перепиской занимались представители белого и черного духовенства, а также бродячие учителя — «мандрованные дяки» (3, с. 22, 23, 28—30).

Труд переписчика всегда считался тяжелым. Поэтому, собственно, в античные времена он был участью рабов. С другой стороны, в христианской Европе переписка стала почетным занятием. Вот как сам переписчик восьмого века оценивает свой труд:

«О счастливый читатель! Вымой руки прежде, чем прикоснуться к книге, аккуратно переворачивай страницы, удерживай свои пальцы подальше от букв. Тот, кто не умеет писать, не может поверить в то, что это работа. О как тяжело писать! Это помрачает зрение, ущемляет нервы, приносит боль во все члены. Три пальца пишут, все тело страдает» (146, с. 5).

Усердие писца покрывало все совершенные им в жизни прегрешения. Так, известно предание об одном монахе, за которым числилось много грехов, но он был писцом и при жизни переписал огромный том. После его смерти на суде Всевышнего стали подсчитывать число букв в томе и число грехов. Букв оказалось на одну больше, и грешный монах был прощен и допущен в рай (29, с. 40).

В исламской традиции труд переписчика тоже считался крайне тяжелым. Литератор Абу Хаййан ат-Тавхиди (ум. в 1023 г.) называет ремесло переписчика злосчастливым. Абу Бакр Мухаммад б. ад-Даккак (ум. в 1096 г.), который должен был содержать перепиской мать, жену и дочь, рассказывал, что однажды ему приснился сон, будто он получил отпущение грехов во время Страшного суда, и «когда я прошел врата рая и оказался внутри, я бросился на землю, рас-

тянулся на спине, закинул ногу на ногу и вскричал: «Ах! вот теперь-то, клянусь Аллахом, я избавился от переписывания!» (82, с. 125—126).

Постепенно при переписке возникла определенная специализация. Так, известны еврейские средневековые рукописи, в создании которых принимали участие двое и более писцов, а переписка Библии часто осуществлялась двумя мастерами — писцом (библейский текст) и масоретом, который проставлял гласные и другие знаки и писал текст масоры¹ (89, с. 40). В Европе обыкновенный переписчик писал только черный текст книги. Для всех красных мест он оставлял пустоты, заполняемые специалистом по красным чернилам, а выписывание фигурных, разноцветных инициалов предоставлялось третьему мастеру. Еще один мастер мог отвечать за миниатюры. На Руси специализация тоже была принята. Так, в изготовлении Сийского Евангелия, московского памятника первой половины XIV в., приняли участие два писца, третий мастер рисовал заставку и инициалы, а четвертому принадлежали миниатюры (14, с. 67; 23, с. 39).

Известны имена отдельных писцов. Переписчики нередко указывали свои имена и приводили сведения о себе в колофонах рукописных книг. Эта традиция существовала с глубокой древности. В Китае существовал культ каллиграфии, и наиболее знаменитые каллиграфы известны поименно. Например, каллиграф Янь Чжэнь-цин (709—785), которому принадлежит прославленный памятник наскальной каллиграфии на скале у берегов реки Сян в современной провинции Хунань, считается гениальным (5, с. 67, 70).

В заключение необходимо отметить, что переписчик книги был также ее читателем, а свое впечатление от прочитанного мог выразить в переписке и донести его до других читателей. Таким образом, переписчик наряду с други-

¹ Масора — комментарий о подлинности текста, который часто писали на полях рукописи.

ми «делателями» книги, по выражению М.Н. Куфаева (40, с. 111—112, 120, 154), в том числе и с автором произведения, входит в авторский коллектив книги.

Мастерские и центры переписки книг

Различие между мастерской по переписке книг («скрипторием», от лат. *scriptor* — писец) и канцелярией — то же, что между переписчиком и писцом: канцелярия создает первичные документы, в скрипториях делаются копии. Исконно переписка была индивидуальной. Существовали народы и страны, у которых эта традиция доминировала. Так, особенностью еврейской традиции является полное отсутствие специальных мастерских (89, с. 40). Вполне вероятно, что это объясняется особенностями трудного существования евреев и их культуры в условиях рассеяния. С другой стороны, до средневековых монастырских скрипториев переписка была в основном индивидуальной. Это объясняет основную особенность и отличие рукописной книги от полиграфической.

Наибольшее приближение к скрипториям в древности — это царские библиотеки (Ашшурбанапала, Александрийская и Пергамская). В библиотеке Ашшурбанапала возникли стандартизированные тексты произведений в развитие существовавшей ранее месопотамской традиции. В Александрийской и Пергамской библиотеках также осуществлялась своего рода централизованная переписка, но определенной стандартизации в стиле, характерном для библиотеки Ашшурбанапала и затем для монастырских скрипториев, она не достигла. В основном переписка оставалась индивидуальной (130, с. 70—71). Эта ситуация в значительной мере сложилась на Востоке. В средневековом Иране профессиональный переписчик работал в одиночку (66, кн. 1, с. 372). Традиция сохранялась вплоть до XX в. Так, в Дагестане на переписке арабских рукописей специализировались некоторые грамотные люди (1, с. 20—21).

Еще одним приближением к будущим скрипториям были мастерские по производству книг в издательском деле

древнего Рима. В этих мастерских писцы-рабы размножали тексты литературных произведений для продажи.

Регулярные скриптории возникли в монастырях. Расцвет монастырских скрипториев в Западной Европе приходится на 550—1350 гг., т. е. эта эпоха продолжалась 800 лет (114, с. 35). Создание первого европейского скриптория в монастыре связано с именем Кассиодора. Он создал свой монастырь Виварий (лат. *vivarium* — заповедник для дичи, садок) в 540 г. До этого Бенедикт Нурсийский (480—543) основал монашеский орден и в 529 г. Монтекассинский монастырь близ Неаполя, в которых чтение книг было вменено в обязанность. Однако Бенедикт не давал специальных указаний ни о скриптории, ни о том, как переписывать книги. В этом отношении Кассиодор был первопроходцем.

В Виварии была создана мастерская, в которой монахи переписывали книги. Перед монахами была поставлена задача, и о ней всегда помнили в течение средних веков, — переписка древних рукописей. Благодаря этому монастырские скриптории сохранили для человечества много древних текстов. Важно также, что в Виварии, подобно Александрийской библиотеке, которая была для Кассиодора недостижимым идеалом, вариант текста, выбираемый для переписки, тщательно выверялся, ошибки исправлялись. Текст писали красивым каллиграфическим письмом того времени. Заготовки и пометы делали миниюм, т. е. красным цветом. Написанные книги переплетались.

После смерти Кассиодора мастерская в Виварии постепенно пришла в упадок, но развитие скрипториев продолжалось. В конце VI — начале VII в. в Европе одна за другой создаются мастерские для письма. Папа Григорий Великий основал новый «Виварий», а св. Мавр, ученик св. Бенедикта, создал скрипторий в монастыре Сен-Мор-сюр-Луар.

Огромная роль в организации монастырей и скрипториев принадлежит ирландцам, которые переселялись на континент с целью распространения христианства. Среди них особое место занимает монах Бангорского монастыря Колумбан (550—615). Он основал Луксейский монастырь,

затем в 613 г. построил знаменитый монастырь Боббио, где была создана мастерская для переписки книг. Ученик Колумбана Галл основал Санкт-Галленский монастырь на берегу Боденского озера в Швейцарии, где имелся собственный скрипторий. К VII в. относится основание монастыря Корби близ Амьена, скрипторий которого достиг высшего расцвета в VIII в.

Англо-саксонский миссионер Бонифаций, прозванный «апостолом Германии», в 744 г. основал в долине р. Фульды Фульдский монастырь с прекрасным скрипторием, где при аббате Рабане Мавре (IX в.) работали 40 писцов. При Карле Великом наибольшей славой пользовался скрипторий Турского монастыря, аббатом которого была Алкуин. Наконец, в XI в. главную роль стал играть бенедиктинский монастырь Ключи (Бургундия), основанный в 910 г. В этом монастыре, как и в других многочисленных бенедиктинских монастырях, возникали прекрасные скриптории (29, с. 31—37). В результате уже на территории империи Карла Великого возникло около 200 центров переписки книг (93, карта на с. XVI—XVII), а бенедиктинских монастырей с традициями скрипториев в XII в. насчитывалось уже более 2000 (29, с. 38).

Постепенно, в связи с увеличивающимся спросом на книги мастерские по переписке стали появляться и вне стен монастырей. Этому способствовало, в том числе, возникновение университетов. Появляются мастерские, в которых изготовлялись книги для частных лиц на заказ. К XV в. мастерские по переписке книг существовали даже в небольших городах. В отличие от монастырских они работали исключительно по заказам или на продажу (29, с. 46—50; 128, с. 21).

Для собственных нужд скриптории создавали различные знатные лица, особенно в эпоху Возрождения. Так, на известного библиофила урбинского герцога Федерико де Монтефельтро в Урбине, Флоренции и других местах постоянно работали 30—40 писцов. Результатом стала одна из самых знаменитых библиотек итальянского Ренессанса (30, с. 153). У кардинала Виссариона, из круга которого вышла

Софья Палеолог, также была мастерская для обеспечения собственной библиотеки (115, с. 46). В Чехии один из приближенных Карла IV епископ Ян из Стржеда, который увлекался гуманистическими идеями, в середине XIV в. сохранил у себя в замках штат наемных переписчиков книг (51, с. 13).

Скриптории возникали также в школах. В школе крупнейшего гуманистического педагога итальянского Возрождения Витторино де Фельтре действовал настоящий скрипторий для ее нужд и для библиотеки (30, с. 133). Ученики и последователи Петрарки создали школы каллиграфии, где были скриптории, основная задача которых сводилась к переписке произведений античных авторов (29, с. 49).

Существовали скриптории и в других христианских странах. С середины IV в. византийским императором Константином II в столице был организован государственный скрипторий под руководством специального чиновника-архонта. В нем работало большое число переписчиков. Подобные скриптории создавали и некоторые другие императоры (14, с. 46). У коптов центрами книжного производства были монастыри. Наибольший его расцвет приходится на конец I — начало II тысячелетия.

Книги в монастырях переписывались в библиотеках, в отличие от специальных скрипториев в Западной Европе. В колофоне одной рукописи библиотека монастыря именуется «библиотекой писания» (употреблено коптское слово, которое обозначает процесс писания), что в данном случае указывает на библиотеку как на скрипторий. В другой рукописи в колофоне указывается, что книга была переписана в «доме каллиграфов» монастыря (66, кн. 1, с. 24, 60). В Сирии рукописные книги изготовлялись в монастырских скрипториях (66, кн. 2, с. 140). В Грузии и Армении центрами переписки также были скриптории в монастырях. В Армении возникли целые школы каллиграфического искусства. В Грузии видную роль в переписке книг сыграл монастырь в Тао-Кларджети (IX—X вв.) и монастырь Шато-Берди с его прославленным скрипторием. В первой половине

XII в. в книжной культуре главенствовал скрипторий Гелатского монастыря, построенный в 1106—1125 гг. близ Кутиси царем Давидом Строителем (14, с. 82—83).

На Руси скриптории первоначально появились не при монастырях, а при княжеских дворах. Об организации, например, одной мастерской по переписке книг Ярославом Мудрым свидетельствуют летописи (61, с. 159). Однако в основном, как и во всем христианском мире, скриптории возникали именно при монастырях. В Соловецком монастыре скрипторий именовался «книжная палата». Это название затем охотно применялось в русском книжном деле, вплоть до современной Российской книжной палаты.

Летописные и другие источники свидетельствуют, что уже в середине XI в. на Руси действовало несколько книгописных мастерских (43, с. 9). В дальнейшем скриптории в основном возникали при монастырях и соборных церквях. В то же время за XI—XIII вв. сведений о них мало (76, с. 19). Л.В. Столярова выделяет в древнерусском книгописании два периода: церковный (XI — конец XIV в.) и церковно-монастырский (конец XIV — вторая половина XVI в.). В течение первого периода переписка сосредоточивалась в соборах, ктиторских монастырях и церквях. Во второй период, со второй половины XIV в. скриптории появились в крупных пригородных монастырях (76, с. 67). В XV в. переписка книг осуществлялась в Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Соловецком, Валаамском и других монастырях (60, с. 108—109, 112, 120—122). С другой стороны, исследователь книгописного дела на Руси в XVI в. М.В. Кукушкина отмечает, что в это время в монастырях отсутствовали постоянные мастерские типа скриптория (38, с. 127).

В сфере буддийской культуры центрами переписки тоже были монастыри. Таким было положение в Индии, когда их посещали китайские путешественники и паломники в V—VII вв. Как и в христианской среде, монахи рассматривали копирование священных книг в качестве своего религиозного долга, средства приобретения заслуг для избавления от перерождений. В Центральной Азии при монастырях также

действовали скриптории, в задачу которых входила не только переписка, но и перевод канонических книг (66, кн. 2, с. 52, 343—344).

В Западной Европе монастыри стали утрачивать монополию на переписку книг с XIII в. Переписка стала сосредотачиваться при университетах, дворах вельмож и в первую очередь в городских мастерских, которые стали организовываться в цеха, поскольку в Париже, например, уже насчитывалось несколько тысяч переписчиков (28, с. 48—51). В России монастырское книгописание сошло на нет в XVIII—XIX вв. (50, с. 43).

Выходные сведения

Выходные сведения и в рукописной, и в полиграфической книге включают различную информацию о данной книге как материальном объекте и о произведении, которое составляет ее содержание. Затем эти данные в определенном порядке переносятся в библиографическую запись. Таким образом, выходные сведения в книге являются источником библиографической информации о ней. Именно поэтому библиографы проявляют постоянную профессиональную заинтересованность в приведении и оформлении выходных сведений, и до сих пор в России головной организацией по разработке государственного стандарта на выходные сведения в изданиях является Российская книжная палата, т. е. центр государственной библиографии.

В рукописный период выходные сведения размещались в основном в колофонах после всего текста книги. Это объяснялось особенностями рукописной книги, в первую очередь свитка. Только в середине XVI в. н. э., примерно через 100 лет после начала книгопечатания в Европе, колофон был заменен титульным листом (73, с. 23). Таким образом, основные выходные сведения переместились с конца текста в его начало, а в конце книги остались технические выпускные данные.

Тем не менее и в рукописный период некоторые выходные сведения размещались перед текстом произведения. Это прежде всего касалось древневосточного жанра поучений. Библиографические введения в поучениях включали название произведения (фактически наименование жанра), имя лица, которому данное поучение приписывалось по традиции (авторство не всегда было достаточно достоверным) и читательское назначение. Этот обычай наблюдался в Египте и Месопотамии и затем перешел к хеттам и евреям. В качестве примера можно привести библиографические введения к «Поучениям» Птахотепа и Шуруппака:

«Начало поучения, которое сделал родовитый князь, благородный... визирь Птахотеп ... Он говорит своему сыну Птахотепу младшему» (71а, с. 113).

«Шуруппак, сын Убартуту, сделал (дал) поучение своему сыну Зиусудре» (71, с. 84).

Из египетских поучений традиция библиографических введений отразилась в древнееврейских «Писаниях» и затем в Библии:

«Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израильского ... Слушай, сын мой, наставления отца своего...» (текст по Синодальному изданию).

В основном же в рукописных книгах выходные сведения помещались в колофоне, который был своего рода паспортом книги (66, кн. 1, с. 318). Частично эту функцию в конце современного издания выполняют выпускные данные.

В Месопотамии колофон писали на оборотной стороне глиняной таблички. Когда таблички складывали, их помещали лицевой стороной вниз. Поэтому именно оборотная сторона с началом текста была обращена к читателю. В колофонах могли содержаться следующие основные сведения о: тексте произведения, серии и эксцерпта; размещении текста на табличках и его сохранности; количественной характеристике; информации о содержании (для серий), различных редакциях, переписке и сверке, секретности текста или необходимости его пропаганды; датах; авторах, переписчи-

ках, заказчиках и владельцах; порядке выдачи и хранения табличек.

Иначе располагались выходные сведения на навоощенных деревянных досках или пластинках из слоновой кости, которые скреплялись и в результате образовывали книгу — предтечу кодекса из пергамена и бумаги. В этой форме книги выходные сведения размещались в виде инскрипции на первой доске или пластинке (71, с. 86—90).

В еврейской книге вплоть до конца XV в. н. э. традиция колофонов сохранялась, но какие-либо единые правила или канон их написания не были выработаны. По мнению исследователя еврейской книги X—XV вв. С.М. Якерсона, содержание колофонов можно разделить на две группы: чисто информационно-книговедческую и расширенную. Информационные части содержат источниковедческие данные, т. е. фактически выходные сведения, а расширенные включают различные дополнительные сведения, нередко филологические и исторические, которые представляли интерес для изготовителей или потребителей книги (эвлогии, «заклинательные» формулы, извинения, тематические цитаты, описание частных и исторических событий) (89, с. 17—20).

Традиция приведения только основных выходных сведений в колофоне сохранялась и в буддийских рукописях Центральной Азии. Так, в Тибете название сочинения обычно содержалось в колофоне его первого раздела, а имя автора указывалось лишь в заключительном колофоне (66, кн. 2, с. 338—339). В тангутских рукописных книгах колофоны включали ограниченную информацию — имена автора, переводчика, заказчика, переписчика и даты. Изредка имеются различные пояснения или сентенции (66, кн. 2, с. 399—401).

В мусульманской книге Центральной Азии в колофонах приводят различные книговедческие сведения, в том числе такие, как имя переписчика, место и дата переписки, сведения об этапах написания книги, имя и титулы заказчика, обстоятельства заказа. Некоторые колофоны включают число листов списка, который был оригиналом для переписки,

и его дату. Есть колофоны, где сказано, что данный список сличен с автографом и авторские пометки на полях включены в основной текст (78, с. 194).

В бамбуковых книгах Китая название раздела сочинения писали на первой пластинке связки. Название всей книги повторялось после названия каждого раздела. Название раздела называли «малым заголовком», а всей книги — «главным заголовком». Если раскрыть любую древнюю китайскую книгу, то прежде всего можно увидеть малый заголовок, а за ним главный заголовок книги (46, с. 27).

На свитке (*цзюани*) переписчик нередко на оставшемся в конце пробеле слева от текста приписывал свое имя, реже — имя сверщика и еще реже — имена других лиц, причастных к изготовлению рукописи. Изредка встречаются подробные приписки, кто заказал рукопись, по какому случаю, где и когда она была переписана и другие сведения. Название сочинения и номер *цзюани* (при наличии в книге нескольких свитков) писали в начале и конце свитка. Они назывались «начальный титр» (*шоути*) и «конечный титр» (*вэйти*). При свернутом состоянии свитка эти титры не были видны. Поэтому на обложке-обертке по внешнему краю название сочинения и номер *цзюани* повторялись. Эти сведения назывались «внешний титр» (*вайти*).

Если сочинение состояло из многих свитков, то обычно они соединялись по десяткам в связки (*чжи*, *чжицзы*) и под внешним титром указывался номер связки и номер свитка в связке. Кроме того, в многотомных («многосвязочных») сочинениях нередко ставился еще один знак — своего рода библиотечный шифр. Знак брали из книги «Тысяча слов» (*Цянь цзы вэнь*), в которой ни один из тысячи иероглифов не повторялся. С помощью иероглифов, взятых по порядку, можно было перешифровать тысячу единиц. Поскольку учебную книгу учили наизусть при начальном обучении, любой грамотный человек мог установить порядок свитков, помеченных иероглифами этого текста.

Существовали другие способы нецифровой маркировки сочинений, состоящих из двух и более свитков. На фут-

лярах, в которые помещали связки из десяти рукописей, писали название сочинения и номер связки. При укладке на полку к связкам привешивались продолговатые бирки (цянь), на которых повторялись выходные сведения, написанные на футляре (66, кн. 2, с. 120—122).

В Японии переписчики не только снабжали тексты колофонами, но и сохраняли все колофоны протографа, т. е. рукописи, с которой делался список. В колофонах указывались место и время переписки, фамилия, имя, прозвище или звание переписчика, инициатор копирования памятника, протограф. Колофоны встречаются краткие (только дата переписки) и пространные. Последние имеют большую книговедческую и историческую ценность (66, кн. 2, с. 260—262).

Традиционная корейская рукописная книга — это тетрадь (блок), переплетенная или помещенная в футляр. Название сочинения и для многотомных произведений его частей (книг) писали крупными иероглифами на обложке (переплете), титульном листе, перед текстом и после него, а также нередко на верхнем и особенно на нижнем обрезах. Непременно указывался порядковый номер книги — тома. На обложке и нижнем обрезе каждого тома многотомного сочинения указывалось общее число томов (66, кн. 2, с. 302—303).

В тибетских книгах-потхи название сочинения писали лишь в колофоне первого раздела. При хранении рукописи в библиотеке название выносили на ярлык, который был частью «приклада» (платок для заворачивания рукописи, доски-обложки). В более поздних тибетских рукописях появляется титульный лист с заглавием. Имя автора указывалось только в заключительном колофоне (66, кн. 2, с. 338—339).

В древней Греции название произведения обычно писали в конце текста. Так как в свернутом свитке прочитать его было невозможно, название писали на оборотной стороне папируса в вертикальном положении. Если сочинение состояло из нескольких свитков, имя автора и название приходилось повторять в начале и в конце свитка. Этот обычай затем перешел в кодекс и в инкунабулы. Кроме того, к свиткам прикреплялись ярлыки с названием сочинения. Они

были необходимы при хранении. Как показывает опыт книг Востока, этот обычай был повсеместным (117, с. 44—46). Особенностью книг в Риме было выделение названий сочинения и разделов красными чернилами (148, с. 14).

Традиция выходных сведений на свитке в определенной степени была заимствована при переходе на кодекс. Титульные листы не существовали. Первыми словами в книгах были *Incipit liber...* (начинается книга... — далее следует ее название), а последние слова — *Explicitus (est) liber...* (кончается книга...) (29, с. 48—49). В конце книги могли также приводиться сведения о переписчиках, времени и месте переписки. Название книги тоже оттискивали на переплете или помещали на полоске пергамента, прикрепленной к передней крышке. Иногда на крышке посредством тиснения воспроизводили имя автора, переплетчика, дату переплетения книги.

В армянских рукописных книгах колофоны подчинялись определенным канонам. В установленной последовательности сообщается, что книга переписана рукой такого-то (с уничижительным эпитетом) во спасение души такого-то (с восхваляющим эпитетом), указываются время и место переписки, нередко в различных летоисчислениях, с упоминанием современных правителей и патриархов; приводится более или менее пространственный список поминаемых лиц с благопожеланиями. Колофон заканчивается просьбой не забыть в молитвах переписчика, банальной сентенцией, иногда с угрозой проклятия тем, кто осмелится повредить книгу и т. п. (66, кн. 1, с. 169).

В арабских рукописных книгах имя автора и название сочинения входили в состав *'унвана* («заставки»), который помещали перед текстом на отдельной странице или развернутом листе, а также в середине рукописи в начале глав, отдельных произведений в сборнике и в начале каждого тома большого сочинения. Иногда владелец книги или библиотекарь писали только название (изредка имя автора) на переплете и обрезе книги (82, с. 174). Свое имя, прозвище или псевдоним авторы указывали также в предисловии, в отдельных местах сочинения и колофоне (78, с. 59).

На Руси для выделения заглавия книги или ее раздела применяли вязь, написанную киноварью, реже золотом или синей краской. Вязь возникла в XI в. в Византии и в конце XIV в. пришла на Русь, где к концу XV в. стала популярной каллиграфической манерой книжного оформления. В XVI в. заглавие книги стало также частью фронтисписа, который до этого выполнял чисто декоративные функции (14, с. 71—72).

Необходимо отметить, что в первопечатных книгах выходные сведения приводились, как в рукописных. Это проявилось, например, в отсутствии титульного листа и в послесловиях типографа, подобных колофонам переписчиков. Однако затем, как отмечает А.С. Мыльников, рукописная книга сама подпадает под влияние печатной. В рукописных книгах появляется титульный лист и другие элементы печатной книги. Для рукописных журналов воспринимается форма периодических изданий с соответствующим оформлением выходных сведений (49, с. 51—52). Так, в рукописной книге «Псалтирь с творческими песнями» Василия Тредиаковского, написанной в 1753 г. в Петербурге, имеется титульный лист, который ранее в рукописных книгах отсутствовал (33, с. 202). То же явление наблюдалось в истории еврейских рукописных книг. В XVI—XIX вв. они иногда оформляются по образцу печатных: появляется титульный лист с четко выделенным заглавием, именем автора и выходными данными (66, кн. 1, с. 302).

ГЛАВА 9

Украшение и переплет книги

Украшение книги, иллюминирование, иллюстрирование

Книгу как информационный продукт создает коллектив. Автор произведения является одним, часто заочным, членом этого коллектива. Работу над текстом осуществляют его ис-

следователи, комментаторы, редакторы, корректоры, наборщики и др. Однако в рукописный период, когда каждая книга была индивидуальна, ее информационная ценность зависела в значительной степени от того, какое визуальное впечатление производила как книга в целом, так и ее текст. Книга была синтезом словесного и изобразительного искусства. Художественное оформление способствовало углубленному и всестороннему пониманию текста. Необходимо также иметь в виду, что изоинформация возникла раньше письменной в эпоху, когда письмо еще не существовало и люди передавали информацию друг другу и от поколения к поколению в виде различных изображений (72, с. 51—57; 91, с. 6). Книги-картинки, особенно для маленьких детей, существуют до настоящего времени, а в некоторых районах мира при наличии неграмотного населения они имели достаточно широкое распространение. Например, на о. Ява в середине XV в. книги-картинки превалировали над текстовыми (137, с. 245).

В применении к книгам необходимо разделить украшение текста книг (иллюминирование) и иллюстрирование (миниатюры). Разница между ними заключается в том, что иллюминирование имеет целью украсить объект поклонения, скорее чем прояснить его содержание. Последнее является задачей иллюстрирования, которое в книге имеет индивидуальную направленность, предназначено лично для того, кто ее читает или рассматривает. В этом плане книжная миниатюра отличается от станковой и особенно стеновой живописи, которые предназначены для обозрения многими людьми и даже толпами (111, с. 21—25).

Иллюстрирование книг возникло в глубокой древности. Древнейшими иллюстрированными книгами являются египетские Книги мертвых (II тыс. до н. э.) (95, с. 6; 115, с. 53). На стенах, статуях, стелах наряду с текстами появляются различные изображения. Это является предтечей книжного иллюстрирования, т. е. сочетания изображения и текста для более полного раскрытия содержания информационного сообщения.

Античное иллюстрирование началось с VI в. до н. э., а иллюминирование — со времени эллинизма. Иллюстрации возникли в книгах по естественным наукам (ботаника, зоология, астрономия) и медицине. Затем их копировали в научных и учебных целях вместе с текстом на протяжении столетий (91, с. 59). Пергаменный кодекс перенял иллюминирование и иллюстрирование от папирусного свитка и довел эту систему украшения книг до книгопечатания.

В Европе развитие миниатюры можно разделить на два основных периода, которые связаны с общим развитием рукописной книги в средние века: монастырский (VII—XIII вв.) и светский (XIII—XVI вв.) (142, с. 47). Высший расцвет иллюминирования и миниатюры приходится на XIV—XV вв. Он пережил книгопечатание на столетие благодаря изданию религиозных книг, предназначенных для малограмотного населения (111, с. 22).

В европейских монастырях в отличие от античности, когда основной смысл книги заключался в передаче текста, при переписке книг произошел сплав текста и картинки. Письмо и изображения (например, инициалы) стали передавать послание автора совместно. Украшение текста усиливало и раскрывало его содержание (109, с. 271).

Усиление изобразительной функции привело к разделению труда в работе над книгой и увеличению коллектива ее создателей. Переписчик только писал текст. Работу по оформлению осуществляли другие специалисты. Миниатюры или миниатюристы (лат. *minium* — «сурик», «красная краска») рисовали инициалы, цветные иллюстрации, миниатюры. Рубрикаторы (лат. *ruber* — «красный») раскрашивали заголовки и отдельные строки («рубрики») в красный цвет.

Средневековая культура придавала украшению книги все большее значение. Инициалы стали своего рода миниатюрами, а миниатюры иногда занимали в книге не меньше места, чем текст. Например, экземпляр Библии, созданный во Франции в XII в., был снабжен пятью с лишним тысячами миниатюр. Художники начали заполнять украшениями

не только текст, но и все свободное пространство. Поля книги использовали для создания орнамента или другого декоративного обрамления текста. Мастера использовали золотые, серебряные и другие краски исключительно высокого качества, которые сохраняют свою свежесть вплоть до настоящего времени (14, с. 40, 42; 107, с. 42).

Европейское Возрождение усилило стремление к украшению книг. Миниатюры и декоративные элементы были проникнуты античными мотивами и изображениями (107, с. 65—66). Петрарка не только сам переписывал тексты, но и украшал книги миниатюрами и красивой оправой. Часто рисовал сам. Для него было важно, чтобы красота и содержательность текста находили достойное выражение в виде каллиграфии, хорошего материала, чернил и художественного оформления (30, с. 28).

Украшения и миниатюры в средневековых книгах Западной Европы послужили источником для европейской живописи и других изобразительных искусств. Миниатюры были источником информации о сражениях и осадах, мирных занятиях крестьян и горожан, церковных службах, быте феодальной знати, одежде, моде и других элементах материальной культуры (29, с. 4). Вопрос об исторической информационной ценности произведений изобразительного искусства может быть объектом отдельного исследования.

В Византии украшение текста книг началось в VI в., предположительно даже в IV в., и продолжалось вплоть до падения Константинополя в 1453 г., за исключением периода иконоборства в VII—IX вв. (45a., с. 9; 115, с. 56). Первоначально иллюстрации и орнаменты византийских книг копировали образцы эллинистической эпохи, но затем по мере развития живописного искусства в византийских кодексах появился собственный художественный стиль со значительными восточными мотивами (14, с. 48). Это было вполне естественно в связи с географическим положением и государственными интересами Византии на Востоке.

При создании книги, как и на Западе, происходило разделение труда — писец, рубрикатор, изограф-художник (ср.

на Западе «миниатор») и хрисограф («златописец»). Иногда над рукописью трудились несколько художников. Так, в изготовлении минология (сборника житийных рассказов, рассмотренных по месяцам в соответствии с празднованием дней святых), выполненного по заказу императора Василия II (Ватиканская рукопись 1613), где имеется не менее 430 миниатюр, принимали участие по меньшей мере восемь художников, которые оставили свои имена под некоторыми рисунками (27, с. 39—40).

Д.М. Горецки выделяет три вида книг в зависимости от их украшений. Первый вид — рукописные кодексы для самых богатых заказчиков, типа минология, описанного выше. Такие книги создавались в первую очередь как произведения искусства. Текст имел в них вторичное значение. Во второй категории первичным был текст, а декор и иллюстрации имели вторичный, достаточно случайный характер. Такие книги предназначались для образованных людей, заинтересованных прежде всего в тексте. Третий тип, подобно современному комиксу, включал в основном иллюстрации с минимальным текстом и был рассчитан на малообразованную публику, которая предпочитала изоинформацию письменной (119, с. 120).

Вместе с христианством византийские изобразительные стили в книгах перешли в славянские страны и на Русь. В Болгарии с конца XII в. возникли две школы художественного оформления книг. В книгах провинциального направления декор более скромный и в основном ограничивается заставками и инициалами в скромной красочной гамме. В столице Тырнове возникла Тырновская книгописная школа, которая достигла расцвета в XIV в. Для этой школы характерны роскошные книги первого византийского типа с большим числом миниатюр (14, с. 51).

Аналогично развивалось художественное оформление книги на Руси. Подобно византийской, древнерусская книга представляет собой гармоничное сочетание различных художественных элементов: орнаментация инициалов, декор заставок и полей, миниатюры. В коллектив создателей книги

входило несколько специалистов, в основном по византийской традиции: переписчик, художник (изограф) и хрисограф (70, с. 22—23, 27). В различных культурных центрах раздробленной Руси сформировались школы искусства миниатюры. Выдающимися художниками-миниатюристами были Феофан Грек и дьякон Зиновий, чья стилистическая манера связана с художественной школой А. Рублева (14, с. 72).

В Китае для иллюстраций использовался шелк. Очевидно, что узкие бамбуковые пластины — неподходящий материал для рисунка, а шелк дает в этом отношении неограниченные возможности. Иллюстрации на шелке служили своего рода приложением к бамбуковым книгам. Иногда это приложение занимало несколько свитков. На шелке рисовали также карты. Известна знаменитая карта Китая на восьми свитках, которую во время империи Тан считали большой редкостью (158, с. 128—129).

Среди буддийских рукописей Дуньхуанской библиотеки встречаются, хотя и достаточно редко, иллюстрированные. Иллюстрации были трех родов. Первый из них — фронтисписы, нарисованные красками от руки с изображениями того или иного Будды и иногда реальных деятелей буддизма. Так, на одном из фронтисписов изображен знаменитый путешественник и переводчик буддийского канона Сюань-цзан (600—664). Второй способ — рисование изображений Будд, перечисляемых в тексте. Третий способ (вариант второго) — оттиски печатей с изображениями Будд под именами Будд. При этом по всей рукописи применялась только одна печать, которая бывала тонкой и искусной работы.

Иллюстрации в дуньхуанских рукописях безусловно являются рецепцией индийской традиции. Как отмечает М. И. Воробьева-Десятовская в статье об индийской рукописной книге, различные школы книжной миниатюры стали складываться в Индии уже в первые века нашей эры. Они были связаны с различными культурными регионами страны. До 1440 г. ранняя западная школа специализировалась

на книжных миниатюрах, вырезанных на пальмовых листьях. После 1400 г. миниатюристы стали работать на бумаге.

С середины XVI в. широкое распространение получила монгольская миниатюра, которую принято считать синтезом иранской, европейской и индийской традиций. Первоначально школа была придворной, и в ней создавались миниатюры для рукописей, переписанных для монгольских правителей, но затем она утратила связь с рукописями и превратилась в самобытный жанр живописи с портретным направлением.

Среди других многочисленных школ книжной живописи, которые работали на разных материалах (пальмовые листья, дерево, кора дерева алоэ, бумага), нужно отметить иллюстрирование литературных и научных произведений. Например, рукопись на бумаге с поэмой о любви «Мригавати» (XVIII в.) имеет 250 иллюстраций, каждая из них занимает всю оборотную сторону листа рукописи. Иллюстрации в Ведах показывают приемы и ритуалы жертвоприношений. В трактатах о слонах и лошадях (XIX в.) даются рисунки с натуры. В трактате о слонах «Гаджашастра» изображены слоны различных темпераментов, сцены их отлова, дрессировки, обучения военному делу и т. д. В трактате о лошадях «Ашвашастра» имеется 275 иллюстраций, показывающих использование лошадей в хозяйственной деятельности (66, кн. 2, с. 47—52).

В еврейской и исламской традициях книги украшались в основном различными формами орнамента. Главным украшением считалось письмо. Со временем в библейских рукописях еврейского происхождения стали появляться изображения реальных и мифических зверей, а иногда изображения людей и миниатюры. Расцвет еврейской рукописной миниатюры в Европе относится к XV в. В это же время (возможно ранее в XIII в.) португальский еврей Аврахам б. Хайим написал специальный трактат о миниатюрной живописи (66, кн. 1, с. 313—315).

В арабской рукописи большое художественное значение имеет унван. Унван выполняется в начале рукописи в крас-

ках в половину, треть или четверть страницы. Цвета — в основном синий, красный, золотой и зеленый. Форма — в виде купола, овального или полукруглого, либо прямоугольника. Изредка унван делается в развернутый лист или повторяется над первой и второй страницами. Порой его помещают в середине рукописи в начале глав, различных произведений сборника и отдельных томов большого сочинения. В роскошных заказных экземплярах мог появиться своего рода экслибрис — первая страница, украшенная миниатюрой, цветными рамками и орнаментом с именем заказчика и владельца, иногда также переписчика с добавлением благожеланий, названия сочинения и имени автора.

Поскольку в арабо-мусульманском мире эффективно действовал запрет на изображение живых существ, иллюстрациями снабжался крайне ограниченный круг сочинений. Запрет не распространялся на чертежи, схемы, карты и таблицы, которые считались абстрактными изображениями. Поэтому в научных книгах они встречаются довольно регулярно, хотя в богословских кругах их избегали, осуждали и всячески препятствовали их распространению. Звездные карты ал-Баттани и Абдаррахмана ас-Суфи весьма обстоятельны и точны, а схематические изображения знаков зодиака примитивны. Геометрические чертежи делались искусно, но даже не все математические труды иллюстрировались ими достаточно полно, математические расчеты многих архитектурных и инженерных сооружений никогда не попадали на страницы книг (82, с. 174—175).

Переплет

Переплет получил особое развитие в книжном деле после перехода на кодекс. Папирусный свиток хранился в футляре, а пергаменную книгу после окончания переписки снабжали переплетом. Византийский переплет своим великолепием дополнял художественное оформление рукописной книги. Для его украшения применяли слоновую кость,

золото, эмаль и драгоценные камни. Такое великолепие, например, литургических книг, вызывало осуждение у аскетически настроенных церковных деятелей. Византийские переплеты имели такую высокую ценность, что их отдавали в приданое принцессам, которые отправлялись в другие европейские страны. После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. роскошно переплетенные книги направляли в Западную Европу как военные трофеи (14, с. 48).

Обычная процедура изготовления византийского переплета заключалась в следующем. Отдельные тетради не подшивались к корешку, а сшивались с соседними. Затем к тыльной стороне тетрадей подклеивался кусок ткани, достаточно длинный, чтобы его концы могли быть закреплены снаружи в специальных желобках переплетной доски. Деревянные доски переплета стягивались кожаными завязками или металлическими застежками, чтобы помешать пергамену коробиться. Доски переплета обтягивали кожей или тканью, а затем украшали драгоценными металлами и камнями, фигурами и надписями (27, с. 22).

Византийская традиция переплета оказала влияние на коптский, сирийский и закавказский переплет. Именно коптские переплеты конца III — начала IV в. являются самими древними из дошедших до нашего времени. Переплеты более ранних кодексов не сохранились. Коптские переплеты делятся на два основных типа: деревянные и кожаные. Деревянные могли быть полностью или частично покрыты кожей. Кожаные переплеты могли быть чисто кожными или кожными на картонажной (папирусной) основе. Прототипом деревянного переплета были воощенные дощечки, которые скрепляли металлическими кольцами или нитями.

Деревянные переплеты прошли три этапа развития: чисто деревянные, частично покрытые кожей (полупереплеты) и покрытые кожей полностью. Деревянные переплеты вышли из употребления с первой половины VII в. Они употреблялись только для многотетрадных кодексов. Переплеты однететрадных кодексов всегда были кожными. Это

объяснялось тем, что однетрадные кодексы представляли собой согнутую пополам пачку листов (максимум 50) и имели тенденцию раскрываться. Плотно охватить закругленный корешок кодекса мог только гибкий кожаный переплет.

Кожаный переплет изготовлялся следующим образом. Кодексы прошивались по сгибу двумя ремешками через четыре отверстия (два вверху и два внизу). Изнутри в месте сшива подкладывался кусочек кожи, а снаружи сгиб покрывался кожаной полоской. Концы ремешков завязывались снаружи, и полоса приклеивалась к корешку, так что концы ремешков оказывались скрытыми внутри между этой полосой и корешком. К переплетам прикреплялись завязки. Верхняя крышка могла иметь треугольный или прямоугольный язык, который заворачивался вокруг обреза на заднюю крышку, и пришитый к ней ремешок два-три раза обертывался вокруг книги. Кроме того, к каждой крышке пришивалось по четыре коротких ремешка, которые завязывались: два — у головной и нижней части переплета, два — у передней. У некоторых переплетов были еще верхние и нижние отвороты, загибавшиеся внутрь, как у современных папок для бумаг.

Переплеты украшались узорами. Узоры деревянных переплетов несложны, и часто даже их рисунок неправилен. Начиная с VI—VII вв. узоры усложняются, делаются богатыми. В конце I тысячелетия появляются переплеты из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями, а также драгоценные ларцы для хранения таких книг. В целом коптское переплетное искусство оказало большое влияние на переплетное дело в Европе и на Востоке (66, кн. 1, с. 52—59).

В Сирии переплеты, как правило, представляли собой две деревянные доски, обтянутые кожей. Их внутренняя сторона иногда покрывалась полотном или шелком. Тиснение обычно отсутствовало, но иногда наносился скромный декор в форме креста, кружков, квадратиков и маленьких звездочек. Часто для защиты кожаного переплета его обшивали сверху бархатом или полотном. Для богослужебных книг, которые постоянно находились в употреблении и ле-

жали на престоле, сирийцы делали оклады из меди или серебра. На пластинах металла гравировали евангельские сцены или изображения святых (66, кн. 1, с. 124).

В Армении, как и в Сирии, переплеты представляли собой деревянные створки толщиной в несколько миллиметров, обтянутые кожей, а позднее тканью. Переплет надевался на стопку прошитых и сшитых вместе тетрадей. Продольный срез рукописи был защищен клапаном. Створки застегивались с помощью одного-трех поясков. Как правило, на коже оттискивали орнамент: по влажной коже с помощью штампа. Количество штампов с течением времени возрастало. Иногда на переплете вытиснялась надпись. Он украшался металлическими накладками, крестом, драгоценными и полудрагоценными камнями. Встречаются и металлические переплеты из массивных листов или проволочного плетения. Серебряные и тем более золотые оклады редки. В переплете имелись и так называемые защитные листы (пергаменные или бумажные). Они вшивались в начале и конце рукописи. Поскольку эти листы брали из более древних рукописей, на них сохранились многие важнейшие тексты и миниатюры (66, кн. 1, с. 152).

В европейских монастырях один из монахов (*ligator*) изготовлял переплет книг (107, с. 51). Сохранилось изображение монаха (XI в.), сшивающего пергаменные листы тремя шнурами, которые выступают на корешке книги. К концам шнуров на верхней и нижней тетради прикрепляли переплетные крышки (14, с. 42). Переплеты украшали металлическими угольниками, средником и застежками. В дальнейшем они стали роскошными, украшенными слоновой костью, золотом, серебром и драгоценными камнями. Это особо касалось книг, которые использовались при богослужении и лежали на алтаре. Такие переплеты называли «алтарными» (107, с. 51, 54).

Иногда на переплете оттискивали название книги, имя автора, переплетчика и дату переплетения. Чаще однако эти сведения помещали на полоске пергамена, прикрепленной к передней крышке (28, с. 47).

Есть основания полагать, что начало переплетного дела в монастырях также связано с именем Кассиодора. В своем «Наставлении» он указывает, что в библиотеке монастыря имеется кодекс с образцами рисунков для переплетов, из которых можно выбрать любой, чтобы «облечь красоту содержания в изящную внешность». Л.И. Киселева отмечает, что это позволяет предполагать существование в Виварии переплетной мастерской, куда привлекались «знающие мастера переплетного дела» (29, с. 34).

В XIV—XV вв. переплетное дело отделилось от монастырей и стало процветать в городах. Нечто подобное произошло и с изготовителями пергамена, которые создавали в городах свои цеха (117, с. 58). Привилегированные переплетчики выполняли работы для университетов (117, с. 57). Роскошными были переплеты, заказываемые библиофилами эпохи Возрождения, например, такими, как папа Николай V (107, с. 70). В Чехии с 1388 г. (раньше, чем в других странах) переплетчики были отнесены к цеху художников (51, с. 14).

На Руси техника переплетения и внешний вид переплетов мало отличались от европейской и восточной (византийской) традиций. Ремесло переплетчика рано выделилось в самостоятельное. От XVI—XVII вв. сохранились «Правила и устав» переплетения книг, в которых отразились традиции и накопленный опыт. В истории русского переплета выделяются два этапа: до XIV в., когда украшения прикрепляли к его доскам, и XV в. — 70-е гг. XVI в., когда стали широко использовать тисненый орнамент. С середины XVI в. тисненый орнамент усложнился, появились суперэкслибрисы и др. Наиболее роскошно, как и в других христианских странах, украшались переплеты литургических книг. Искусство переплетчика при этом играло второстепенную роль. Главную работу выполняли ювелиры (14, с. 72).

Для античной книги-свитка роль переплета играла обертка из пергамена или кожи. Аналогично в Китае обертки защищали свитки одной книги, если она состояла из нескольких свитков. В такую «обложку» обычно заключали 5—

10 свитков. Чаше «обложку» изготавливали из шелковой ткани или холста, а иногда из тонких бамбуковых пластинок, переплетенных разноцветными шелковыми нитями. На «обложке» имелись ремешки для ее завязывания (46, с. 40). Особого рода «переплет» применялся в каменных книгах. Фрагменты древних стел заново обрамлялись камнем для их лучшего сохранения (5, с. 66).

В Индии значительные по размеру книги на пальмовых листьях хранили в обертках из пестрых тканей, иногда — в специально расшитых тканях. Книги маленького формата увязывали по несколько штук в один кусок ткани или платок. Джайны иногда помещали свои рукописи в мешочки из белой хлопчатобумажной ткани и затем клали в небольшие металлические и деревянные ящички (66, кн. 2, с. 41).

Книга-потхи в Центральной Азии, в том числе в Тибете, обязательно имела «приклад»: платок для заворачивания, доски-обложки и ярлык, обычно из материи с выходными сведениями сочинения (название, иногда имя автора). Ярлык мог состоять из нескольких слоев ткани, скрепленных в виде небольшого блокнота. Верхний и нижний листки такого ярлыка делались из шелковых тканей, парчи и т. п., как правило, яркого цвета. В середину вставлялся лоскут белой хлопчатобумажной ткани, на котором чернилами писали название сочинения. Помещенный между двумя досками том заворачивали в платок, завязывали шнурком, прикрепляли ярлык и клали на полку хранилища (66, кн. 2, с. 338).

Тангутские книги-кодексы лишь изредка имели кожаные переплеты. Обычно вместо них делали обложки, иногда бумажные, склеенные из нескольких слоев тонкой бумаги. Верхний лист был чистым, порой из окрашенной бумаги или ткани, наклеенной на многослойную бумагу. Ткань могла быть одноцветной или с узором в виде кружков, ромбов, цветов и листьев. Элементом украшения кодекса служила также цветная нитка, которой сшивалась книга, не имевшая обложки (66, кн. 2, с. 392—393).

В арабо-мусульманской культуре искусство переплета достигло значительного развития. В XI в. технология пере-

плетения книг была включена в специальную работу, посвященную письму, материалам для письма и переплету. Этот труд приписывается зиридскому султану ал-Му'иззу б. Бадису (правил в 1016—1061 гг.) или его сыну Тамиму (ум. в 1108 г.) (Северная Африка). Позднее этому вопросу были посвящены еще два трактата (82, с. 164, 179; 135, с. 6).

Опыт переплетения книг арабы могли заимствовать в Абиссинии у коптов, с которыми ранняя исламская община близко контактировала. Переплет назывался *джилд* (букв. «кожа»), переплетная работа — *таджлид* («обтягивание кожей») и «переплетенная книга» — *муджаллад*. Слова *джилд* и *муджаллад* приобрели значение «том».

Отличительная особенность мусульманского переплета — клапан (подобный языку в коптских кодексах), который был продолжением верхней крышки, входил под заднюю и таким образом защищал обрез книги от повреждений. По материалу и декору клапаны почти полностью совпадали с крышками переплета. Внешний вид переплета зависел от качества кожи, ее окраски и орнамента (82, с. 178—180).

Среднеазиатские переплеты разнообразны по типу, форме и материалу: кожаные и картонные, из папье-маше, разного дерева (чинара), литого серебра и т. д. Преобладают кожаные и полукожаные переплеты. Полный кожаный переплет представляет собой цельный кусок кожи, который обертывает картонные крышки. В полукожаном переплете из кожи изготовляли только корешок. Его делали из особо обработанной шкуры осла. Вверху и внизу корешки заканчивались небольшими лоскутками кожи, взявшись за которые можно было легко снять книгу с полки (78, с. 185—186).

Искусство художественного переплета было также развито в Турции. Так, в Стамбуле в XVII в. было десять переплетных мастерских, в которых работали 300 переплетчиков. Чаще переплеты делались из картона, обтянутого кожей, или целиком из кожи. Для тиснения кожаных переплетов обычно использовали растительные мотивы. Тиснение делалось углубленным, чтобы дольше не стира-

лось от горизонтального хранения. В более поздних переплетах из кожи делали только корешки. Крышки изготовляли из картона, обклеенного «мраморной» или «облачковой» (рисунок в виде облачков) бумагой (66, кн. 1, с. 469).

Нужно отметить, что в рукописную эпоху переплет имел ограниченную информационную ценность, если не считать тех сведений, которые он давал о книге как предмете материальной культуры. Однако иногда на нем можно было найти надписи, в том числе некоторые выходные сведения. Впоследствии в ходе развития книгопечатания это привело к полноценному включению обложки и переплета в информационное поле книги и других видов изданий.

ГЛАВА 10

Распространение книг.

Издательская деятельность и книжная торговля

Распространение книг — это процесс передачи информации, мост между автором и читателем, собственно начало книги как социального явления. Как выразился М. Н. Куфеев, через распространение «книга становится столько же принадлежащей автору, сколько и читателю, и читателю не только настоящего, но и отдаленного будущего» (40, с. 116). Постепенно между автором и читателями возникли посредники — издатели и торговцы. Для них распространение книг стало специализированной профессиональной деятельностью.

Издательское дело

До возникновения издательского дела, которое является первым этапом массового распространения книги, переписка книг была индивидуальной: для себя, для учителя, для друзей, по распоряжению правителя, вельможи, жреца, которых писец обслуживал, позднее для своего монастыря и

т. д. Главное, что это не была предпринимательская деятельность за специальную плату. Писцы, выполнявшие переписку за плату, появились позднее — самое раннее в I тысячелетии до н. э. (14, с. 20).

В античную эпоху профессиональные переписчики, которые работали на рынок, появились в V—IV вв. до н. э. Однако издательское дело возникло не ранее эллинистического периода, когда Александрийская библиотека стала центром по переписыванию и размножению книг на основе своих эталонных, научно верифицированных экземпляров. Все же деятельность Александрийской и других библиотек древности безусловно не была подлинно издательской. Они лишь создавали для этого основу. Подлинно издательская деятельность, связанная с книжной торговлей, возникла в Риме.

В Риме впервые появились лица, которые профессионально занимались размножением книг для продажи и получения прибыли. Возникли мастерские по производству книг, где грамотные рабы переписывали книги, чаще под диктовку. Такая техника обеспечивала значительный тираж, но требовала корректуры. Иногда корректором был сам автор. Нередко он не привлекался и даже не мог быть привлечен. В этом случае роль издательского корректора была необходима для создания копии, которая точно соответствовала оригиналу. Иногда автору удавалось внести правку в часть тиража, а другая часть распространялась без его корректуры, и до нашего времени, случалось, доходили оба варианта (152, с. 23).

Авторы не получали от издателей гонорара. Поэтому Гораций нуждался в Мecenате, чтобы выпустить свою книгу в свет (97, с. 31). Цицерон в подробных письмах Аттику — другу и издателю — нигде не упоминает о каких-либо доходах от издания своих произведений. Автор получал от издания произведений славу и известность не только в Риме, но и в провинциях. Издателю доставался от этого доход. Римское право охватывало детально все сферы жизни, но не знало копирайта (148, с. 38). Иногда, правда, частные лица по-

купали сочинение прямо у автора за значительные суммы. Так, Плиний Старший получил за рукопись своей «Естественной истории» 400 тыс. сестерциев. Такие авторские экземпляры особенно высоко ценились (128, с. 9).

Раннее средневековье вновь вернуло книгу в доиздательское состояние. Монастыри переписывали для себя. Только с IX в. в них стали производить книги для обмена и продажи (28, с. 42; 107, с. 50). В некоторых монастырях на скриптории стали смотреть как на источник дохода. Постепенно однако издательская инициатива переместилась в города. Возник спрос на светскую литературу. Когда на рынке появилась бумага, которую можно было использовать вместо дорогого пергамента, возросла потребность в дешевых книгах с правильным, выверенным текстом (98, с. 56—58).

В этом плане особо сильное влияние оказало на издательскую деятельность возникновение и развитие университетов. Как выразился Ж. Ле Гофф, книга из объекта почитания превратилась в инструмент познания, и как всякий инструментарий стала предметом массового производства и торговли (44, с. 80). Для учебного процесса в университетах были необходимы тщательно выверенные и отредактированные учебники, научные трактаты и другие пособия. Поэтому там сложилась система издания и распространения книг. Уставы, регулирующие этот процесс, были приняты уже первыми университетами: Болонским (1259—1289, 1334) и Парижским (1275, 1316). Согласно уставам, подготовка, размножение и распространение рукописных книг были поручены университетским чиновникам — стационариям. Термин происходит от латинского слова *statio* («место — расположение»), которое обозначало место, где находилась мастерская переписчика и нотариуса (128, с. 13). Деятельность стационариев жестко ограничивалась статутами и имела узкую университетскую направленность на обеспечение учебного процесса.

В период европейского Возрождения переписку книг осуществляли крупные мастерские, деятельность которых имела коммерческий характер. Так, Веспасиано да Бистиччи (1421—

1498) содержал мастерскую, в которой работали 45 переписчиков. Он снабжал книгами не только итальянских заказчиков, но также из Англии и Венгрии. Для Козимо Медичи он изготовил 200 книг за 22 месяца (115, с. 46; 117, с. 551).

На Руси к концу XV в., по мнению некоторых историков, переписывание книг превратилось в настоящее мануфактурное производство, выполняемое «корпорациями». Л. И. Владимиров считает это утверждение несколько преувеличенным, так как мастерские по переписке книг, которые находились вне монастырей, оставались в руках церковных властей, а частных светских предприятий коммерческого типа еще не было (14, с. 67).

Во второй половине XVII в. значительным внецерковным издательским центром, который создавал рукописные книги, стал Посольский приказ, т. е. министерство иностранных дел того времени, возглавляемый боярином Артемоном Сергеевичем Матвеевым. Некоторые рукописные книги, которые были изготовлены в Приказе, «тиражировали», как, например, «Корень государей», или Титулярник — собрание изображений русских великих князей, царей и патриархов, а также царствовавших в то время европейских и восточных монархов с их титулами (отсюда второе название книги) (62, с. 72—77).

Особый характер имела старообрядческая рукописная книга. Для старообрядцев возвращение к рукописному «тиражированию» книги в эпоху сравнительно развитого книгопечатания было вынужденной мерой в условиях, когда старообрядческие руководители оказались в заключении, а для тех, кто находился на свободе, устная проповедь стала фактически невозможной. Старообрядческая деятельность по копированию книг привела к продлению русской рукописной традиции на три века (65, с. 84—85).

В мусульманском мире, как и в древнем Риме, мастерские по переписке книг находились при книжных лавках. Торговца рукописями и материалами для письма называли *варраком*. В основном деятельность варраков относится к книжной торговле (82, с. 130).

Книжная торговля в отличие от библиотек обеспечивает только распространение, но не хранение книг; передачу информации без ее сохранения. С другой стороны, то, что книжная торговля позволила широко распространять книги в географическом плане, т. е. рассредоточить их территориально, способствовало сохранению произведений в условиях войн, цензуры и гонений. В этом историко-литературная заслуга книжной торговли.

В древних ближневосточных обществах книжная торговля отсутствовала. Каждый переписывал для себя; цари, вельможи, жрецы, чиновники — с помощью своих писцов (14, с. 63; 71, с. 81). В древней Греции начало книжной торговли датируется V в. до н. э. Тогда возникли термины «библиопола» (книгопродавец) и «библиотека» (первоначально так назывались книжные лавки). Часть рынка на агоре в Афинах занимали книжные лавки. Аристофан в комедии «Птицы» показывает, что афиняне сразу после завтрака бегут в книжные лавки, чтобы познакомиться с новыми книгами и обсудить их. Купцы развозили книги по стране и в числе прочих товаров брали с собой в другие страны (14, с. 28; 151, с. 2; 153, с. 150).

При создании Александрийской и Пергамской библиотек, безусловно, обращались к услугам книжной торговли. Скупка книг для этих и других библиотек была массовой. Эмиссары библиотек действовали во всех известных центрах книжной торговли, а также везде, где можно было купить книги в странах Средиземноморья (14, с. 31—32; 130, с. 28; 164, с. 3—4). Александрия еще долго оставалась центром книжной торговли, в том числе в римский период, со специализацией на греческих книгах (124, с. 129).

Особенно значительным был рост книжной торговли в Риме. Об этом свидетельствуют многочисленные литературные источники. О книжных лавках, книгопродавцах и ценах на книги можно найти упоминания в произведениях Горация, Марциала, Овидия и других авторов (28, с. 35; 164,

с. 6). В самом Риме и провинциях возникла определенная специализация в торговле: учебная, научная и развлекательная литература (142, с. 43—44). Появились также «букинисты». Так именовались торговцы, которые продавали свой товар по дешевке. Особую отрасль составляла торговля старыми редкими книгами. В этой сфере стали применять мошеннические приемы: новые книги хранили вместе с зерном, чтобы придать им оттенок желтизны, затем выдать их за старые книги и продать подороже (148, с. 48). Возможно, что проводились аукционы, на которых продавались книги, но неизвестно, были ли это специальные книжные аукционы или книги продавались наряду с другими предметами (132).

Тиражи не указывались, но спрос на книги был настолько большим, что торговля вряд ли могла быть удовлетворена небольшими тиражами. С другой стороны, могли быть небольшие пробные тиражи для произведений неизвестных авторов (148, с. 34).

В Риме, как раньше в Греции, было принято выставлять в книжных лавках новые поступления. Посетители могли с ними знакомиться. Это приводило к тому, что книжные лавки превращались в своего рода клубы, в которых встречались любители чтения, а также авторы, их ценители и рецензенты (128, с. 9). Сходные явления наблюдались во всем мире, в том числе в дальнейшем в мусульманских странах.

В средневековой Европе монастыри первоначально не нуждались в книжной торговле. Лишь крайне редко аббат или епископ могли позволить себе покупку какого-либо роскошного издания, которое становилось частью церковной казны (128, с. 10). Позднее, когда производство книг и книжная торговля перешли в основном в руки городских ремесленников и купцов, возник более устойчивый книжный рынок. Однако его развитие сдерживалось дороговизной книг. Отношение к книжной торговле стало меняться, когда с XIII в. возник гуманистический светский интерес к античной литературе, и книга перестала выполнять только церковные функции. Возник спрос на литературу разнооб-

разного содержания. Появились крупные центры книжной торговли — Венеция, Милан и Флоренция (98, с. 62—64). Книги доставлялись любителям из разных стран. Так, Ричард де Бери пишет в «Филобиблоне», что торговцы привозили ему книги из Франции, Италии и других стран (164, с. 9).

В XV в. европейская книжная торговля получила большой размах в таких городах, как Париж, Брюгге, Генуя, Антверпен, Кёльн, Вена и др. Книжная торговля появилась даже в небольших городах. Например, в небольшом городе Хагенау в Эльзасе возникло собственное производство и продажа рукописных книг церковного и светского содержания (107, с. 62; 128, с. 21). Приобретение книг стало считаться надежным вложением капитала, способным принести хорошую прибыль (30, с. 27), и даже могло рассматриваться как предмет спекуляции (55а, с. 313). На развитие книжной торговли и социальное положение книгопродавцев оказало влияние также появление университетов. Книгопродавцы считались «членами и подданными университета» наряду с другими профессиями, которые его обслуживали и наравне с преподавателями и студентами имели привилегии особой подсудности (77, с. 83).

С появлением книгопечатания позиции рукописной книги начали постепенно ослабляться. К первой половине XVI в. она исчезла из массового книготоргового оборота, оставив за собой положение книжной рукописной редкости (64, с. 116).

В средние века европейская книжная торговля была ограниченной, в том числе из-за чрезвычайно высоких цен на книги. Примеры стоимости книг достаточно хорошо известны. Так, в XV в. графиня Анжуйская приобрела сборник проповедей за двести овец, три бочки зерна и несколько куньих шкурок. В Испании за один манускрипт отдавали несколько домов с виноградниками (14, с. 39). В XIV в. принц Орлеанский заплатил за двухтомный молитвенник 200 золотых франков (107, с. 58). В 1470 г. за рукопись «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха уплатили 800 золотых

гульденов (128, с. 24). Это явление было повсеместным. Так, в Грузии в XI в. переписка книги средней величины стоила 15 золотых дукатов. В Житии Иованэ и Эптвимэ Святогорцев сообщается, что монах Теофанэ переписал книги общей стоимостью 1500 серебряных драхм. При этом из текста того же памятника следует, что за 340 драхм можно было купить небольшой монастырь (66, кн. 1, с. 195).

О состоянии книжной торговли на Руси в XI—XV вв. мнения историков книги расходятся, но, как отмечает Л.И. Владимиров, развитая торговля до XV в. отсутствовала. С XV в. в Москве на «Торжище» возле Красной площади книги уже продаются в различных рядах. Специальные книжные ряды в Москве возникли только в XVII в. (14, с. 73). Далее вплоть до XIX в. рукописными книгами торговали на ярмарках (50, с. 46; 70, с. 16).

В Китае только в VII—VIII вв. появились люди, которые специально занимались перепиской или продажей уже переписанных книг. В это же время появились книжные лавки. Благодаря этому распространение книг расширилось, и они стали более доступными (46, с. 41). Экспорт книг вне страны ограничивался во время империи Тан. Только во второй половине VIII в. запреты на вывоз различных товаров, в том числе книг, были смягчены или попросту перестали выполняться. Это вызвало рост международной торговли, в том числе книгами. В результате, несмотря на нежелание японского императорского двора, корейские, а с IX в. китайские купцы начали привозить в Японию китайские книги. Кроме того, книги из Китая привозили дипломатические миссии. По специальному разрешению им позволяли вывоз книг, которые представителям «варварских» государств приобретать запрещалось (48, с. 371—373).

В исламском мире в период расцвета были переписаны и находились в обращении миллионы книг (135, с. 6). Книжная торговля была необходимой частью этой культуры, хотя первоначально в исламской общине возникал вопрос о допустимости и законности продажи книг. Вероятно, имелись

в виду священные тексты — списки Корана. Однако с увеличением числа книг торговля вошла в практику и получила одобрение правоведов, хотя еще в VIII—IX вв. правоверные богословы и правоведы предпочитали переписывать тексты собственноручно (82, с. 180).

Торговца рукописями и писчими материалами называли *варрак*. Как следует из этимологии слова, первичной в профессии варрака была торговля бумагой. Варрак сочетал переписку и торговлю книгами. Лавки варраков составляли целый торговый ряд на базарах Багдада, Дамаска, Каира и других крупных городов. В IX в. в Багдаде было больше 100 лавок варраков. В X в. знаменитым был книжный базар в Кордове. Лавки варраков нередко превращались в своего рода клуб, где встречались представители образованной элиты.

Варраки вели также посредническую торговлю, но для обозначения посредников — коммивояжеров существовали другие термины. Особенно употребительным было слово *даллал*. Книжный даллал обычно путешествовал со своим товаром и предлагал рукописи царствующим особам и другим богатым людям. Последние сами искали посредников, которым поручали купить для них нужные книги или собрания. Однако на перепродажу книг все же смотрели с подозрением, осуждали, но услугами посредников пользовались.

Книги были товаром и могли многократно поступать на рынок, особенно после смерти владельца или по воле владельца для покрытия каких-либо расходов. Книжный рынок служил важным источником пополнения многих частных собраний и библиотек (82, с. 130—136).

Цены на книги были достаточно высокими. Однако все попытки их определения носят приблизительный оценочный характер. Цена рядовой книги составляла в среднем от четверти до одного золотого динара, более тщательно выполненной — около пяти динаров. Удорожание происходило за счет высокого качества материалов, мастерства или репутации писца, редкости сочинения, знаменитости авто-

ра и др. Цена на книги падала в условиях войны, социального бедствия, необходимости экстренной распродажи (82, с. 136—140).

ГЛАВА 11

Библиофилия

Библиофилия, как видно из самого слова, обозначает любовь к книгам. Термин «библиофил» — слово, составленное из греческих корней, но не греческое. Греки соединяли эти корни в обратном порядке — «филобибл» (2, с. 15). Это нашло отражение в названии книги Ричарда де Бери «Филобиблон».

Потребность в слове «библиофилия» возникла в эпоху эллинизма, но само явление старше. Знаменитым библиофилом был ассирийский царь Ашшурбанапал, который использовал для создания своей библиотеки всю мощь государства. С возникновением книжной торговли библиофилы стали ее постоянными клиентами. Их первоначальной целью было создание частных коллекций, но иногда частные библиотеки перерастали в публичные и становились источником для библиографических трудов. При собирании книг из-за их материальной или художественной ценности коллекция получала функции музея. Поэтому библиофилию можно определить как деятельность отдельных лиц по собиранию и сохранению книг на грани книжной торговли, библиотечного дела, библиографии и музейного дела.

Античные библиофилы собирали только национальную литературу (греко-латинскую). О литературах других народов они не беспокоились. В средние века европейские библиофилы сосредоточились на собирании латинских текстов (97, с. 32—33). Осмысленная библиофилия рукописной эпохи, если она не вырождалась в библиоманию, ставила перед собой две основные задачи: получение точного авторского текста и возможно большей полноты собирания сочинений каждого автора. Образцом для этой деятельности в запад-

ном мире всегда была Александрийская библиотека с ее научным персоналом и материальными возможностями. К таким целям стремились все библиотеки и библиофилы. Например, Федерико да Монтефельтро, герцог Урбинский (1422—1482) собрал библиотеку, особенностью которой было то, что все писатели были представлены в ней полностью (6, с. 163).

Первые библиофилы были царями. Их методы собирания книг были внеторговыми. В Греции в V в. до н. э. книжная торговля делает возможным появление частных библиотек. Во времена Перикла уже многие афинские граждане составляли собственные книжные собрания. Известны библиотеки Еврипида, Платона и Аристотеля, особенно последняя, судьбу которой можно проследить вплоть до того времени, когда она была доставлена в Рим в качестве военного трофея.

Для Рима грабеж во время войн и был одной из причин возникновения некоторых частных библиотек, особенно полководцев и их наследников. Это касалось в основном греческих книг. Среди наиболее знаменитых римских библиофилов был Цицерон, который имел несколько библиотек в самом Риме и в загородных имениях. Такое размещение книжных коллекций стало настолько модным, что Витрувий в своем труде по архитектуре дал подробные указания об их строительстве. Нередко библиофилия превращалась в библиоманию, объект насмешек у римских авторов (131).

В христианстве любители книги подхватили эстафету античного мира. Одним из первых христианских библиофилов был Памфил (III в.), учеником которого был Евсевий Кесарийский — первый крупный историк церкви. Памфил основал в Кесарии богословскую школу и в ней библиотеку, которая насчитывала около 30 тысяч томов. Библиофилами были Иероним Стридонский (блаженный Иероним, 340(?)—420) и Геннадий, пресвитер из Массилии (Марселя) (вторая половина V в.). Обоих это привело к созданию, библиографических трудов. Таким образом, видно, что библиофилия ведет к развитию интереса к истории

и библиографии. Это в полной мере сознавали последующие книжники. Севильский епископ Исидор (ок. 560—636) писал об этом в своих «Этимологиях или началах», ему же принадлежит также библиографическая работа, продолжающая труды Иеронима и Геннадия. И вновь, когда речь идет о книжности в начале европейского средневековья, нельзя обойти молчанием Кассиодора, который прославился своей страстью собирать книги.

В Византии библиофилия процветала. Кроме царских библиотек, известны сведения о собраниях частных лиц. Так, Лев Математик, профессор Магнаврской школы и архиепископ солунский был обладателем значительной библиотеки, в которой в соответствии с его научными интересами были произведения Птолемея, Архимеда и Евклида. Безусловным библиофилом был Фотий — автор первого в мире реферативного сборника «Мириобиблион» («Тысячечнижие»). Библиотека (в основном из книг светского содержания) принадлежала Арефе, ученику Фотия и архиепископу Кесарии Каппадокийской. Любовь к книге и тяга к их собиранию была у многих других византийских интеллектуалов, и после гибели Византии перешла в западноевропейское книжное пространство в лице, например, такого библиофила, как кардинал Виссарион (27, с. 138—141).

Библиофилия в Западной Европе первоначально была уделом духовных лиц или королей, но затем вышла за эти рамки, и собирание книг стало излюбленным занятием многих интеллектуалов. Истории библиофилии в Европе посвящен ряд фундаментальных работ, из которых можно выделить монографию Г.А.Е. Богенга «Великие библиофилы: история собирателей книг и их собраний» в трех томах (96) и книгу Ф.С. Мерривезера «Библиомания в Средние века: очерки о книжных червях, собирателях, исследователях Библии, переписчиках и иллюминаторах англосаксонского и норманнского времени до появления книгопечатания в Англии» (144).

С XII—XIII вв. библиофилия стала модной в аристократической среде. Собирателями были короли и папы, баро-

ны и рыцари, ученые, преподаватели и юристы. Самым знаменитым из них был Ричард де Бери (1281—1345) — канцлер, королевский казначей и с 1333 г. — епископ. Последние годы жизни он целиком отдал своей страсти к книгам и написал трактат о них под названием «Филобиблон». Библиотека Ричарда де Бери насчитывала 1500 томов и была завещана Оксфордскому университету, в котором он в свое время учился.

Особого расцвета библиофилия достигла в период Возрождения. Она стала формой самовыражения, частью личности. В особенности это проявилось в Италии, и первым среди итальянских библиофилов и гуманистов считается Петрарка. Во время путешествий по Европе он покупал и копировал тексты античных авторов, которые собирал в своей библиотеке в Воклюзе близ Авиньона.

Ради приобретения книг совершались путешествия. Например, Поджо Браччолини (1380—1459), будучи папским секретарем, во время собора в Констанце путешествовал по Европе в поисках рукописей. Поскольку для него были доступны монастырские библиотеки, ему удалось сделать много открытий. В том числе в Санкт-Галленском монастыре он нашел рукописи с текстами Цицерона, Квинтилиана и Валерия Флакка. В Грецию, Константинополь и Малую Азию отправлялись экспедиции в поисках книг. Так, в 1490 г. Иоанн Ласкарис вернулся с 200 греческими рукописями, некоторые из которых содержали неизвестные тексты. Торговый дом Медичи поручал своим представителям на Востоке заниматься поиском книг.

Во Флоренции известный гуманист и библиофил Никколо Никколини обладал библиотекой в 800 рукописных кодексов, среди которых были рукописи, переписанные рукой Петрарки. После смерти Никколо его книги попали к Козимо Медичи, который половину оставил себе, а другую передал в библиотеку монастыря св. Марка, где в 1441 г. была организована публичная библиотека. Там же Веспасиано да Бистиччи владел большой библиотекой рукописных книг, он использовал ее для переписки по заказам. Известным

собирателем был венгерский король Матиаш Корвин (1458—1490), который содержал постоянно четырех переписчиков во Флоренции и покупал много рукописей у Бистиччи. В Буде на короля работали 30 писцов. Его библиотека насчитывала 5000 томов.

Знаменитым библиофилом был и Томмазо Парентучелли, в дальнейшем папа Николай V. Еще до своего избрания он составил каталог библиотеки монастыря св. Марка, а став папой, поместил часть своей библиотеки в Ватиканскую, которая к 1450 г. насчитывала 1100 рукописных книг (29, с. 124—126). Знаменитой была также библиотека, которую собрал урбинский герцог Федерико да Монтефельтро. Ее особенностью, как было отмечено выше, была полнота представленных произведений различных авторов. В дальнейшем европейская библиофилия получила широкое развитие во всех странах.

На Руси библиофилия начинается с Ярослава Мудрого, который «любил книги и, много их переписав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам» (62, с. 11). Сын Ярослава Святослав Ярославич также был библиофилом. По его поручению «из многих книг княжьих» был составлен «Изборник» 1076 г. В XV в. среди библиофилов появляются боярские и купеческие имена (14, с. 75). Игумен Досифей, основатель библиотеки Соловецкого монастыря, ввел для книг библиотеки книжный знак — предшественник экслибриса. Эта традиция продержалась в монастыре до XVII в. (60, с. 120—121; 62, с. 46—47). В дальнейшем в России, как и во всем мире, собирание рукописных книг стало особой отраслью библиофилии, которая с введением книгопечатания в основном сосредоточилась на печатной книге.

Библиофилия во всех культурных странах Востока имела те же особенности, что и европейская. Культ книги в Китае и его культурном ареале на Дальнем Востоке и Центральной Азии, арабо-мусульманском мире и в других письменных цивилизациях был проявлением любви к знанию и просвещению.

В рукописный период каждая книга создавалась индивидуально и была уникальной. Поэтому ее утрата была окончательной, любое повторение становилось другой книгой. Кроме того, особенность периода, когда тексты размножались путем индивидуального переписывания, заключалась в том, что рукопись, утраченная по тем или иным обстоятельствам, могла содержать единственный, нигде более не переписанный экземпляр текста какого-либо произведения. С утратой этого экземпляра произведение исчезало. Потеря была совершенно невозможной, разве что по отрывкам и цитатам в других сочинениях. Можно сказать, что утрата рукописных книг могла вести к разрыву информационной цепочки в передаче письменного знания, к гибели информации. Поэтому вопрос о судьбе книг, их гибели и выживании необходимо рассмотреть как составную часть эволюции информационной деятельности.

Оценки объема утраченных текстов достаточно хорошо известны. Так, до нашего времени дошли названия трех тысяч греческих комедий и трагедий, а полноценных текстов сохранено только 44 (14, с. 34). Из 70 произведений Эсхила выжили только 7, Софокла — 7 из 113, Эврипида — 18 из 92 и Аристофана — 11 из 43. И это все, что сохранилось из наследия греческих писателей комедий и трагедий (130, с. 29). В целом можно установить несколько основных причин гибели книг.

Естественные причины. Книги погибали естественным образом из-за непрочности носителя информации. В первую очередь это относится к самому популярному древнему материалу для письма — папирусу. Древние папирусы выживали только в условиях сухого климата Египта. В Индии влажный и жаркий климат действовал губительно на берес-

ту, пальмовые листья и бумагу. Главным бичом рукописей была плесень (66, кн. 2, с. 57). Еще одним бедствием для книг были насекомые, черви, термиты и пр., которые поедали книги в значительных количествах (66, кн. 2, с. 57).

Пожары. Они были бичом деревянных городов, и в них погибало большое число книг. Примеры этому бесчисленны. Художественное воплощение пожара в бесценной библиотеке дано в романе Умберто Эко «Видение розы».

Войны и завоевания. Они неоднократно приводили к гибели большого количества рукописных книг. Известно, что Александр Македонский уничтожил священные книги персов после взятия Персеполя. Основной фонд Александрийской библиотеки стал жертвой войны между египтянами и Юлием Цезарем. Варварские армии, которые захватили Рим, уничтожили античную культуру, в том числе и книги. В Китае огромные императорские библиотеки гибли в ходе династических войн. Их собирали вновь, и они вновь гибли в пожаре новых войн (46, с. 42; 158, с. 15—16). В Индии во время войн, особенно при мусульманском завоевании, были уничтожены библиотеки, образовательные и культурные центры. Много книг было спрятано во время войн, но прятавшие их люди погибли, и тайники остались замурованными навсегда (66, кн. 2, с. 57—58).

В мусульманском мире войны и мятежи неоднократно приводили к гибели библиотек. Библиотеку Фатимидов в Каире разрушали неоднократно арабы и крестоносцы. Наиболее основательно она была разграблена в 1068 г. Библиотеку в Триполи сожгли крестоносцы, библиотеку Аббасидов в Багдаде — монголы. Библиотека ассасинов в Аламуте сгорела в 1237 г. во время штурма этой крепости и как результат уничтожения ордена ассасинов (135, с. 6). Для книжных собраний Средней Азии губительными были монгольские завоевания в XIII в.

Разгром Византии в 1453 г. сопровождался разрушением, сожжением и рассредоточением книжных собраний всех уровней. Частные книжные фонды в основном погибли. Кое-что сохранилось в монастырях. Погибли десятки ты-

сяч книг. Остальные рассеялись по всему миру (27, с. 142—143).

На Руси огромное число книг погибло при пожарах и разорениях во время вражеских нашествий и междоусобных войн XI—XV вв. Об этом свидетельствуют летописцы. Это в первую очередь касалось частных домов, почти сплошь деревянных (62, с. 9).

Сознательное уничтожение, цензура. Этот гибельный путь исчезновения письменного знания известен с глубокой древности. Костры из книг устраивали вплоть до XX в. н. э. В 411 г. до н. э. книги философа Протагора были публично сожжены в Афинах, так как их содержание вызвало неудовольствие у власть имущих того времени (148, с. 28—29).

В Китае не исключена возможность, что победившая династия Чжоу, несмотря на все свое уважение к истории, а может быть именно поэтому, способствовала исчезновению литературы, предшествовавшей шанской династии (36, с. 376, прим. 3). Знаменитым является цензурное уничтожение книг при циньском императоре Ши-хуане в 213 г. до н. э. Эта история достаточно подробно рассмотрена в «Исторических записках» Сыма Цяня (79, т. 2, гл. 6, с. 76—78; прим. 138 на с. 359—360). Противостояние возникло из-за конфликта между двумя философскими школами, определяющими основы государственного управления: конфуцианством (опора на традицию) и легизмом (опора на законы). Первый советник Ши-хуана легист Ли Сы предложил уничтожить все летописные записи, кроме циньских, книги конфуцианского канона и различных философских школ. Разрешалось сохранять только книги по медицине, фармакологии, гадательные книги и по сельскому хозяйству. Эта мера также не касалась сочинений по различным отраслям знаний, например юриспруденции, т. е. речь шла об идеологической литературе, «которая с помощью древности отрицает современность», в основном о поэзии, истории и философии (103).

Аналогичные меры были приняты Александром Македонским, когда он завоевал персидскую империю Ахемени-

дов. Дабы отнять память о предшествующей династии и ее культуре были уничтожены царские летописи и тексты Авесты (87, с. 24—25, 37, 87). Так же английский король Эдуард I после того, как он нанес поражение шотландцам в 1298 г., сжег библиотеку в приории Рестеннет с тем, чтобы отнять у шотландцев память о деяниях их предков (103, с. 108, прим. 9).

Во время реконкисты в Испании в XV в. уничтожались все книги на арабском языке. В 1535 г. при разграблении Туниса по приказу императора Карла V также были сожжены все книги на арабском языке. В результате в Испании, которая на весь мусульманский мир прославилась своей книжной культурой и библиотеками, не нашлось ни одной арабской рукописной книги для библиотеки Эскориала во второй половине XVI в. (87, с. 188, сноска 1). Столь же безжалостно расправились испанцы с книгами завоеванных ими народов Мексики. Сохранилось только три доиспанских кодекса (150, с. 14).

В Византии книги становились жертвами религиозного фанатизма в период иконоборства. В 726 г. император-иконоборец Лев III сжег библиотеку в Константинополе (14, с. 46). Церковная цензура с ее списками запрещенных книг способствовала уничтожению «вредных книг», иногда вместе с их авторами, переписчиками, распространителями и владельцами (14, с. 36).

В мусульманском мире рукописи иногда подвергались сознательной порче по религиозным соображениям. Обычно это связано с враждой между суннитами и шиитами. Рукопись, написанная и переписанная шиитом и содержащая благожелательные формулы в адрес халифа Али и Алидов, почти всегда портилась ее владельцем — суннитом, который вымарывал или вычеркивал эти места, а также вносил в текст свои поправки. Если же рукопись суннитского толка попала в руки шиита, то в ней вычеркивались благожелательные формулы после имен трех первых халифов и делались приписки, содержащие критику текста с шиитских позиций. В Средней Азии подобные случаи порчи рукописей на ре-

лигиозной почве участились после того, как в начале XVI в. произошел разрыв политических связей между суннитской Средней Азией и шиитским Ираном (66, кн. 1, с. 499—500; 78, с. 200).

Недостаточная и неквалифицированная переписка. Она является одной из основных причин утраты многих древних сочинений. В Европе период с 550 по 750 г. является самым беспросветным в этом плане. Тогда произведения классической литературы на латинском языке фактически перестали переписывать. От VI в. сохранились два обрывка рукописей с текстами Ювенала, один — Плиния Старшего и два — Плиния Младшего. От VII в. имеется фрагмент рукописи с текстом Лукана, а от VIII в. ничего не осталось (152, с. 73). Иногда вплоть до XVI в. сохранялась всего одна копия какого-либо классического произведения. Так, в монастыре Лорш до XVI в. в одном экземпляре сохранилась рукопись V в., которая содержала текст пятой декады Ливия. Ее никогда не переписывали. Если бы за несколько веков с рукописью V в. что-нибудь случилось, текст был бы утрачен навсегда (152, с. 86—87). В 1345 г. Петрарка нашел в церковной библиотеке Вероны свиток, который содержал собрание писем Цицерона к Аттику, а также к брату Квинту и Бруту, но некоторых сочинений Цицерона он так и не смог найти, несмотря на длительные поиски (30, с. 32).

В Средней Азии и Иране арабский язык и ислам стали могильщиками среднеперсидской (зороастрийской) литературы. С X в. уже никто не пытался создать какое-либо произведение на среднеперсидском языке. Стало «некому», да и «незачем» переписывать рукописи. Зороастрийские рукописи, уцелевшие от рук мусульман, со временем гибли и без переписки исчезали древние тексты (87, с. 188—189).

Текстам угрожала не только недостаточная, но и неквалифицированная переписка. Так, Аппеликонт, в руки которого попала библиотека Аристотеля и Феофраста, пытается восстановить изъеденные червями места, неправильно

дополнял тексты и выпустил в свет книги, полные ошибок (6, с. 25—26). Петрарка жаловался, что многие тексты древних авторов дошли до его дней искаженными и обезображенными (30, с. 29).

Деформирование текстов в процессе переписывания и передачи было характерно для многих культур. Так, в Китае Сыма Цянь при работе над «Историческими записками» мог пользоваться чжоускими текстами в иной форме, чем та, которая дошла до нашего времени в более позднем и нередко деформированном варианте. Аутентичность каждого из этих текстов составляет предмет особого изучения (79, т. 1, с. 90).

Соскабливание текста. В средние века в связи с постоянной нехваткой дорогого пергамента первоначальный текст стали соскабливать, и широкое распространение получили так называемые палимпсесты. Особенно от этого пострадали античные тексты, которые заменялись религиозными. Обратная тенденция возникла лишь в XIII—XVI вв., когда, например, монахи Гротафератского монастыря поверх послания апостола Павла к коринфянам переписали «Илиаду», а поверх Библии — трагедии Софокла (14, с. 39). Особого расцвета изготовление палимпсестов достигло в VII—VIII вв. В это время было таким образом утрачено значительное число произведений классической литературы. Некоторые палимпсесты сохранились, однако старые тексты под новыми, поскольку чернила въедались в пергамен и соскобленный текст не удавалось уничтожить полностью. Благодаря этому некоторые античные тексты все-таки сохранились.

Невежество. Оно также было одной из причин гибели книг. В настоящее время каждый египетский крестьянин знает, что стоимость древнего папируса достигает сотен и даже тысяч фунтов стерлингов. Однако в 1778 г. около Гизы было найдено 40 или 50 греческих папирусов, но спасти удалось только один. Остальные были сожжены только потому, что горящий папирус имеет приятный запах (102, с. 31).

В России в 1788 г., когда митрополию переводили из Ростова в Ярославль, в башнях и на переходах архиерейского дома, по воспоминаниям одного ростовского гражданина, валялись вороха свитков и рукописей. Мальчики вырезали из рукописей заставки и картинки, а из свитков золотые буквы и виньетки, и затем наклеивали их на бумажные змеи (70, с. 14).

Небрежное и варварское обращение с книгами. Оно вело к их утрате или обезображиванию. Ричард де Бери дает в «Филлобиблоне» уничтожающее описание того, как обращались с книгами в монастырских школах (107, с. 64). Бокаччо при посещении бенедиктинского монастыря в Монте-Кассино, этом древнейшем центре переписки, обнаружил в библиотеке изуродованные кодексы, в которых отсутствовали целые тетради. На вопрос, почему с книгами обращались так плохо, сопровождающий монах возразил, что из вырезанного пергамена делали молитвенники, их продавали женщинам и детям. Нужно же было монахам на чем-то заработать (128, с. 27).

Зачитывание книг. Сохранение книг могло объясняться степенью их использования. Так, богослужебные книги сохранились лучше, поскольку они не так интенсивно использовались. В то же время наиболее популярные книги, которые постоянно, каждодневно были в руках, зачитывались до дыр и требовали постоянной переписки или обновления текстов (62, с. 9).

Кражи. Кражи из библиотек были повсеместным явлением. Для России классическим примером является поведение профессора Маттеи, который работал с греческими рукописями Московской синодальной библиотеки в свою бытность профессором Московского университета. Он не только похищал рукописи, но и вырывал отдельные страницы и подменял одни книги другими. Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал, что в Дрездене в библиотеке ему показали древний список одной трагедии Еврипида, купленной у Маттеи вместе с другими греческими рукописями за 1500 руб. (70, с. 13—14).

Выживанию книг в неблагоприятных обстоятельствах способствовало несколько причин, которые рассматриваются ниже.

Запрет на уничтожение текстов. Он был и остается характерным явлением еврейской рукописной традиции. Основанием для запрета является то, что любая рукопись могла содержать имя бога, а повреждение этого имени считалось тяжелейшим грехом. Рукописи, негодные к употреблению в силу их ветхости, ошибок в переписке текста или «еретического» содержания, закапывали в землю, а чаще складывали в специальные хранилища — *генизы* (от глагола *ганаз* — «хоронить») — на чердаках или в подвалах синагог. Благодаря генизам до наших дней сохранились многие памятники еврейской письменности (66, кн. 1, с. 303).

Восстановление текстов после уничтожения. Классическим примером является восстановление конфуцианского канона после книжного погрома, который учинили легисты при Цинь Ши-хуанди. Эта работа началась с самого начала эпохи Хань и продолжалась несколько веков. Активную роль в ней сыграли отец и сын Лю (Лю Сян и Лю Синь), они жили на рубеже нашей эры и были составителями первой китайской национальной библиографии «Чжи люэ» («Семь резюме») (12, с. 185—186). В процессе восстановления канона разыскивались случайно уцелевшие копии, сличались варианты, со слов стариков записывались отдельные сочинения, которые они выучили в детстве наизусть. Тексты комментировались, дополнялись и перегруппировывались, пока в эпоху Сун (X—XIII вв.) они не приняли устойчивый состав и текст (12, с. 185—186).

Переселение. При спасении от репрессий, в том числе религиозных, оно способствовало спасению книг. Например, когда в X в. хорасанские зороастрийцы оставили родные места и переселились в Индию, они взяли с собой свои

священные книги, что в конечном счете привело к сохранению той части книг, которая известна в настоящее время (87, с. 191—192).

Переписка с более хрупкого носителя информации на более прочный. Значительная часть античного литературного наследия сохранилась благодаря тому, что пергамен заменил папирус и затем в ходе переписки тексты перешли с папируса на пергамен. В Европе этот естественный процесс замены носителя происходил в VIII—IX вв. (29, с. 4).

Переводы на различные языки. В VIII в. на арабский язык были переведены труды греческих философов Платона, Аристотеля, медиков Гиппократ и Галена, математиков Евклида, Архимеда и Птолея. В переводе эти труды сохранились и дошли до нас, в то время как оригиналы были утрачены (14, с. 51—52).

Сухой климат. В Египте и Восточном Туркестане он способствовал сохранению книг, которые были написаны даже на таком хрупком материале, как папирус. Они сохранялись в гробницах и могилах, но одним из наиболее знаменитых примеров является библиотека в центральном азиатском городе Дунь-хуане, замурованная в древности в одном из буддийских пещерных комплексов и открытая уже в новое время.

Спасение книг во время войн. Характерной является судьба армянской рукописи 1204 г. Она — крупнейшая по размеру в Матенадаране: вес 32 кг и размер 70—51 см. При геноциде армянского народа в годы Первой мировой войны книга пропала, но затем выяснилось, что она была спасена. Две армянки-беженки, уходя от турок, спрятались в церкви и там увидели гигантскую книгу. Они поняли ее национальную ценность и решили спасти. Однако для этого из-за размера книги им пришлось разделить ее на две части. Одну половину они взяли с собой, другую, завернув ее в одежду, спрятали у дороги. Добравшись до Тифлиса, они передали спасенную часть книги в армянское этнографическое общество, а через два года нашлась и вторая часть (14, с. 87).

ГЛАВА 13

Образование

Образование как форма передачи информации от поколения к поколению является наследием обучения молодежи старшим поколением, которое было принято еще в бесписьменном обществе (72, гл. 11, с. 122—130). Образование — это мост из личного мира в мир общечеловеческого сознания, и каждый человек проходит по нему в согласии с обычаями и обстоятельствами своего времени и своей страны.

Как отмечено в монографии «Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья», письменность привела к возникновению внешнего по отношению к человеку письменного знания, что обусловило создание школы, т. е. организацию процесса передачи знаний не только через опыт старших, но также через тексты, их изучение и комментирование. Таким образом, школа была следствием появления письменности (52, с. 6—7). В школе преодолевалась первобытность и насаждался цивилизованный тип культуры, формировался тот тип личности, который был необходим обществу. Образование обеспечивало развитие человека на основе передачи знаний, стало частью его эволюции (34, с. 8).

Как и в случае письменности, появление школы в значительной мере объяснялось возникновением государства и его потребностями в подготовке своих функционеров. Можно сказать, что школа возникла одновременно с государством. Об этом свидетельствует история всех древних цивилизаций: от Ближнего до Дальнего Востока. Так, китайская традиция относит появление школы к III тысячелетию до н. э., когда возникли первые формы государственности. В Японии государство сразу после появления стало создавать школы чиновников, и в столице, и в провинции (48, с. 324).

Естественно, что образование зависело от принятой системы информационной деятельности: языки, носитель информации, средства копирования и размножения тек-

стов, способы распространения и принятая государственная доктрина управления и образования. Обучение труднейшим древним системам письма было настолько сложным, что грамотность становилась синонимом образованности. Современность является свидетелем обратного явления: грамотность и образованность разошлись. Грамотный человек вполне может быть необразованным, т. е. неспособным к самостоятельному мышлению вне стандартного школьного знания. Если в древности ограниченной была грамотность, то в настоящее время — образованность (22, с. 31—32).

Образование тесно связано с книгой. Средневековая сентенция гласит: «Кто пытается учиться без книги, тот носит воду в сите» (*Naurit aquam cribro qui discere vult sine libro*) (165, с. 8). Система образования влияет на развитие книги и ее распространение, и наоборот. Так, потребности школы ускорили распространение прочного и удобного пергаменного кодекса по сравнению с папирусным свитком (14, с. 27), а затем бумага способствовала развитию образования вне контроля монастырей и церкви (124, с. 165—166). Уровень образования имеет прямое отношение к состоянию книжной культуры. Особенно ярко это проявилось в эпоху европейского Возрождения.

Особенностью образования в рукописный период была постоянная зубрежка. Необходимый текст учили наизусть по нескольким причинам. Книга была дорогой и редкой, и не всякий мог иметь под рукой нужный текст, в том числе в будущей профессиональной деятельности. Кроме того, во многих странах текст считался священным и не подлежащим критике или изменению. Поэтому его учили до полного запоминания. В Талмуде приводится случай, когда учитель повторял урок до 400 раз, пока ученик не запомнил его наизусть (19, с. 180, прим. 23). Иными словами, письменный текст осваивался как устный. Письменное знание было основой для обучения, но конечной целью было устное знание. В этом проявлялась наследственная связь письменной традиции с бесписьменной.

Как институт передачи информации новому поколению школа всегда была одним из наиболее стабильных общественных учреждений. Античная школа оставалась в Европе даже в самые темные времена после крушения Римской империи в VI—VIII вв. и была одним из каналов передачи классического знания. На Востоке школа тысячелетиями выполняла традиционные задачи в соответствии с обычаями и потребностями общества данной страны и народа. В Месопотамии и Египте готовили писцов, в Китае — чиновников, в Индии школа готовила к практической жизни, у евреев, особенно в условиях рассеяния, она обеспечивала передачу и сохранение религиозно-культурной традиции иудаизма (34, с. 64).

Первые школы возникли в древнейших государствах Ближнего Востока — в Месопотамии и Египте. Для них были характерны многие общие черты, связанные с назначением школы и необходимостью изучать сложную письменность.

В Месопотамии школы появились не позднее III тысячелетия до н. э., первоначально при храмах. Однако основной их целью была подготовка писцов для хозяйственных и административных нужд, прежде всего для государственного и храмового аппарата. Поэтому программа обучения была светской. В аккадской школе, кроме аккадского, обязательно изучались также шумерский язык и литература. В зависимости от специализации помимо обучения письму будущие писцы получали грамматические, математические, астрономические, правовые и медицинские знания. Обучение начиналось рано, примерно в 5—7 лет, и продолжалось до 20—25 лет. Учащиеся жили дома и посещали школу ежедневно от восхода солнца до заката. Экзамены не упоминаются. Для последующей успешной карьеры и благополучной жизни обучение и грамотность были абсолютно необходимыми. Возникла сентенция: «Тот, кто отличается в учебе, воссияет, как солнце» (19, с. 54—57; 55).

В древнем Египте многое в школьном обучении было подобно Месопотамии, но имелись и некоторые различия. Известно, что даже ранние фараоны, начиная с Древнего

царства, были грамотными, но в то же время все источники того времени показывают, что школы еще не существовали, а знания передавались разными лицами непосредственно их личным ученикам, которых называли «сыновьями». Об этом свидетельствуют, например, библиографические введения в поучениях (см. «Почтение Птахотепа» — 71а, с. 113). В период Среднего царства школа уже существовала при царской резиденции. О ней идет речь в «Почтении Хети». О других школах Среднего царства ничего не известно. Начиная с Нового царства до римского времени школы уже упоминаются в текстах.

О существовании школ свидетельствует также тот факт, что в местах их нахождения археологи находили груды остраконов, исписанных учениками. Видимо, существовали особые школы художников. Об этом говорят многочисленные остраконы с ученическими рисунками. Наряду со школами обучение осуществлялось в различных канцеляриях. Основное внимание, как и в Месопотамии, уделялось обучению письму и чтению (35, с. 25—31).

Палестина и Сирия были мостом между двумя древнейшими цивилизациями Египта и Месопотамии. Теперь известно, что во II тысячелетии до н. э. население древней Финикии (современный Ливан) имело высокоразвитую культуру и хорошо организованные храмовые школы. Это послужило одной из основ для создания алфавитной письменности (22, с. 258).

Для иудаизма первоначально было характерно семейно-родовое обучение, так как отец был обязан обучать детей чтению священных текстов (155, с. 111). Иерусалимский и Вавилонский Талмуды расходятся во мнениях о том, когда были открыты регулярные школы: от конца II в. до н. э. до I в. н. э. Большинство современных исследователей считает, что это произошло в I в. н. э., и в дальнейшем школа приобрела статус общественного учреждения, которое содержала местная община или поселение. В результате образовалась школьная сеть нескольких уровней от начального образования в бет-сефер («дом книги»), где учились читать,

а в дальнейшем и писать, до высшего образовательного уровня в бет-мидраш («дом исследования»), бет-ваад («место собрания ученых») и йешивах, где происходила передача наиболее сложных и трудно систематизируемых знаний (52, с. 317—320).

В Китае до Конфуция обучение в основном было аристократическим, военным, но оно также включало изучение древней литературы. Конфуций первый стал обучать группу учеников независимо от их происхождения (158, с. 7—9). По мере превращения конфуцианства в государственную доктрину в Китае возник культ образования со специальной экзаменационной системой, которая имела целью отбор и пополнение чиновничьего штата и которая просуществовала до XX в. н. э. Обучение начиналось в семье. В возрасте 7—8 лет мальчики поступали в платные казенные или частные школы. Основой образования было заучивание наизусть конфуцианских канонических книг, а также изучение комментариев к ним, правил стихосложения, отдельных исторических и литературных сочинений. Экзамены имели три ступени: на уровне уезда, провинции и столицы. Сдавшие экзамены двух высших ступеней получали право на занятие чиновничьей должности (52, с. 57—64, 128—130).

В древней Греции образование получило широкое распространение. В V в. до н. э. афиняне в большинстве были грамотными. Этому даже не придавали особого значения (2, с. 23). В IV в. до н. э. образование в Афинах включало пять этапов: домашнее образование, начальная школа (7—14 лет), грамматическая школа (14—18 лет), служба эфебам (2 года) и высшее образование (от 20 лет и далее в зависимости от желания и материальных возможностей). Эта система существовала затем в эллинистическую эпоху и была положена с определенными изменениями в основу римского и раннего христианского образования. Значительное влияние на образование оказали высшие школы, созданные в Афинах Платоном (Академия) и Аристотелем (Ликей) (34, с. 87—97; 99, с. 152—158). Аристотелю также принадлежит мысль о необходимости библиотеки для обучения и об-

разования. Эта идея послужила основой для создания Александрийской библиотеки как части научного и учебного института.

В Риме становление школьной культуры произошло в III—II вв. до н. э. в русле проникновения эллинистической культуры. Элементарное обучение существовало и ранее, но оно носило чисто практический характер. С III—II вв. до н. э. в Риме появляются грамматические школы, в них наряду с латинским изучались греческий язык и литература. В I в. н. э. Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 — ок. 96 гг. н. э.) — основатель школы, взятой на государственное содержание, и автор труда «Об образовании оратора» — уже отдавал предпочтение школьному обучению по сравнению с домашним. В целом в это время римская школьная система приобрела законченный вид, который она сохранила вплоть до падения Западной Римской империи и гибели античного общества (34, с. 101—104; 99, с. 170—171).

В Византии система обучения являлась прямым преемником эллинистических начал. Образование в IV—VI вв. почти не отличалось от образования II в. По уровню образованности Византия многие столетия опережала Западную Европу (39, с. 5, 480). Три ступени византийского образования составляли элементарная (начальная), средняя и высшая школы. В школах грамоты, которые посещали дети с 5—7 лет в течение 2—3 лет, обучали чтению, письму и счету. Коренной особенностью византийской элементарной школы было отсутствие у церкви монополии на образование. На следующей ступени в частных, церковных и государственных грамматических школах давали общее образование (грамматика, риторика, диалектика, поэтика, а также арифметика, геометрия, музыка и астрономия). В 425 г. в Константинополе по указу императора Феодосия II был создан Аудиториум (от лат. *audire* — слушать) — высшее учебное заведение, где читали лекции и комментировали античные и христианские тексты.

С IX в. высшая школа стала именоваться Магнаврой (Золотая палата) по названию одного из помещений дворца

императора. Византийская высшая школа отличалась от западноевропейских университетов тем, что была создана императором и регламентировалась императорской властью, в то время как европейские университеты были самоуправляемыми корпорациями профессоров и студентов. Высшее богословское образование давали монастырские школы. В IX в. школу для элиты создал Фотий, будущий патриарх и автор «Мириобиблиона» («Библиотека», «Тысячекнижие»), первого в мире реферативного сборника, предназначенного для просвещения молодого поколения (34, с. 143—148).

В Западной Европе в раннее средневековье центром просвещения стал монастырь. Это было развитие христианской традиции, она возникла в III—V вв. (99, с. 257). Вновь из тьмы веков возникает имя Кассиодора, который в своем монастыре создал школу, где обучали грамматике, риторике, логике, математике, музыке, а также медицине и космографии. В трактате «Наставления в науках божественных и светских» Кассиодор обосновал объединение духовного и светского образования и дал изложение курса теологической подготовки и семи свободных искусств, которые делились на «искусство» — гуманитарные науки (тривиум) и «дисциплину» — точные и естественные науки (квадривиум). Изучение семи светских предметов для Кассиодора — необходимая подготовительная ступень для постижения истины Писания (29, с. 32—33; 34, с. 151).

Создание курса и учебников по всем семи свободным искусствам связано с именем Северина Боэция (ок. 480—524), современника Кассиодора. Учебный курс *тривиум* (трехпутье) включал грамматику, риторику и диалектику, *квадривиум* (четырепуте) — арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Эти курсы были положены в основу всего последующего средневекового образования (34, с. 151). Лингвистической основой образования и науки на протяжении всего периода средних веков в Европе стал латинский язык.

С VI в. в условиях общего упадка школьного образования связь с античным педагогическим наследием утрачива-

ются и получают распространение педагогические идеи, основанные на христианском идеале монашеской аскезы. Однако уже в VIII в. в эпоху Каролингского Возрождения необходимость светского знания стала ощущаться в связи с потребностями государственного управления. Алкуин (ок. 735—804) способствовал тому, что система образования обрела форму, которую она сохраняла до конца средних веков — основы латыни, счет и церковное пение, затем семь свободных искусств (особенно тривиум) и, наконец, богословие, как венец образования. «Капитулярный о науках» (787) Карла Великого предписывал создавать при каждом монастыре и каждой епископской кафедре школы для монахов и клириков. Капитулярный 802 г. обязывал всех мирян посылать детей в школы (34, с. 153).

В IX—X вв. Западная Европа вновь погружается в «темные века». В это время господствует система рыцарского воспитания. Рыцарей в молодости иногда учили читать, но очень редко писать. Занятия ограничивались основами Писания и религиозной догматики. Лишь в XII—XIII вв. произошла десекуляризация образования в светских городских школах. В течение XII в. городские школы решительно определили монастырские и епископальные, из которых они вышли, благодаря своим программам и методике, собственному набору преподавателей и учеников (44, с. 80). К XIII в. наметилась трехступенчатая система образования: начальная школа (церковные школы, городские школы, школы религиозных сект), школы второй ступени (некоторые городские школы, монастырские школы, соборные школы, первые колледжи, факультеты «искусств» университетов) и высшая школа («старшие» факультеты университетов — теологический, юридический, медицинский, а также «высшие» юридические и медицинские школы) (34, с. 158).

Венцом развития системы образования в Европе в средние века является возникновение университетов в полностью оригинальной форме, отличной от других стран той же эпохи. Европейский университет был создан как независимая корпорация преподавателей и студентов со своим уста-

вом, печатью, системой управления и присвоения степеней (104, с. 1). Два первых университета (Болонский и Парижский) появились в XII в. В 1158 г. в ответ на просьбы болонских студентов император Фридрих Барбаросса взял их под свою защиту, передав под особую юрисдикцию местного епископа. В 1200 г. аналогичную грамоту выдал парижским магистрам и студентам король Филипп II Август. Оба университета считают эти события датами своего основания (52, с. 490). К концу XV в. в Европе уже было 86 университетов (52, с. 493).

Слово «университет» лишь случайно закрепилось за учебным заведением. До XV в. латинский термин *universitas* обозначал несколько типов корпоративных объединений, таких как ремесленные цеха и местные советы. В применении к учебному заведению он обозначал цех учителей, студентов или цех тех и других вместе. Только к концу XIV в. слово «университет» стало ассоциироваться исключительно с высшими учебными заведениями в отличие от других корпораций. До XV в. учебное заведение, которое в настоящее время известно как университет, обычно именовалось *studium generale*.

Слово *studium* в этом термине обозначало школу с организацией, необходимой для обучения на высшем уровне, а слово *generale* (общий) — вовсе не всеобщий или универсальный характер предметов для преподавания, а способность привлекать студентов не только из местного населения, но и со всей страны и даже из-за границы. Школы с местным составом учащихся именовались *studium particulare*. Обычно университеты получали правовой статус по акту (грамоте) от папы, императора или короля. До того, как это стало правилом, школа признавалась *studium generale* в соответствии с принятым мнением (по обычаю). Такими считали себя университеты Болоньи, Парижа, Монпелье, Падуи, Орлеана, Оксфорда и Кэмбриджа (104, с. 2—3). Университеты, которые обладали юридической и финансовой автономией, были самоуправляемыми учебными корпорациями (34, с. 159).

Организация занятий в университетах, как правило, включала в себя чтение утренних лекций, в ходе которых преподаватели читали вслух тексты, формулировали проблему и разбивали ее на подпроблемы. В средние века говорили не о курсе наук, а о том, что такой-то читает или слушает такую-то книгу. В вечерние часы другие преподаватели вновь обращались к тем же темам или к более узким вопросам. Еженедельно проводились диспуты, организуемые по особым правилам. Они имели целью развитие способностей вести полемику.

Университеты обладали правом присуждать ученые степени. Главной из них была лицензия на право преподавать повсюду (*ius ubique docendi*). В соответствии с этим правилом степень, присуждаемая любым университетом, должна была признаваться во всем христианском мире. Гарантом этому была власть (папа, император, король), которая выдала университету хартию об основании и правах. Не признавать полноценность университетской ученой степени значило бросить вызов этой власти (52, с. 487; 104, с. 4—5).

Первую степень *бакалавра* студент получал на факультете «свободных искусств» («артистическом» — от слова *artes* — искусство), где обычно начинали учиться в 15 лет. При дальнейшем обучении на том же факультете студент мог стать магистром искусств. В уставах оговаривалось, что эту степень мог получить человек не моложе 21 года, проучившийся не менее 5—7 лет. Магистр получал право на преподавание и мог продолжить обучение на одном из высших факультетов — богословия, права и медицины. Обучение на богословском факультете продолжалось 12—15 лет, на юридическом и медицинском — 7—9. В процессе обучения на высших факультетах присуждались другие степени и в конечном счете — лиценциата (обладателя «права преподавать повсюду») и доктора. Степень «магистра искусств» получали не более половины студентов, поступивших в университет. На высших факультетах отсеивался еще больше. Однако даже степень бакалавра давала значительный престиж. Так, Ян Гус — ректор Пражского университета, избранный студентами в

соответствии с Болонской системой, в отличие от Парижской, где ректора избирали преподаватели, — был всего лишь бакалавром теологии (34, с. 159; 52, с. 493—494).

Поскольку диктовка на лекциях запрещалась, студенты должны были являться на них с текстами, которые читал и комментировал преподаватель. Это оказало значительное влияние на переписку книг. При университетах размножение и распространение рукописных книг, необходимых для учебного процесса, было поручено стационариям — специальным университетским чиновникам. Они были обязаны иметь надежные, выверенные тексты, их давали студентам по частям для копирования. Каждая такая порция называлась *pecia*. Из их копий студенты формировали свои книги. Тексты переписывали сами студенты или переписчики, которых они нанимали (143, с. 148—158). В целом университетское образование и связанное с этим повышение культурного уровня общества привело к увеличению производства книг и развитию книжной торговли, что в свою очередь стало одним из стимулов для возникновения книгопечатания.

Необходимо также отметить, что возникновение западноевропейских университетов связано с влиянием арабомусульманской культуры, в том числе в сфере высшего образования. Характерно, что два древнейших университета (Болонский и Парижский) возникли в местах соприкосновения арабо-мусульманского и европейского миров.

Доисламское бедуинское образование обычно включало чтение, письмо, стихосложение, умение стрелять из лука, ездить на лошади и плавать. Важным считалось и освоение строгих этических норм. Все это стало частью также исламского образования, которое возникло в VII—VIII вв., но уже в видоизмененном виде и с упором на новые ценности.

Для понимания системы исламского образования необходимо иметь в виду, что сам пророк Мухаммад представлен в Коране как великий учитель, донесший до людей слова Аллаха. Научить ребенка читать Коран признавалось религиозным долгом каждого мусульманина (34, с. 120—121).

Собственно это была характерная ближневосточная норма. Правовой еврей также был обязан научить своего ребенка читать Пятикнижие.

Поэтому первыми учителями в широком смысле слова стали чтцы Корана. В 638 г. (17-й год хиджры, мусульманского летоисчисления) халиф Омар разослал этих учителей во все концы нового государства, чтобы работать с верующими и неверующими по пятницам. Во всех городах халифата были организованы начальные школы (*куттабы*) в мечетях или при них. Учащиеся осваивали чтение и правописание текста Корана и также изучали «Хадисы» — рассказы о деяниях пророка Мухаммада. Образование было по преимуществу бесплатным (54, с. 104—105).

С конца VII в. арабоязычная исламская школа стала не только удовлетворять религиозные потребности, но и оказывать помощь государству в подготовке образованных чиновников. Таким образом, как и во всех цивилизациях, появление и развитие школы объяснялось государственной необходимостью. Начиная с VIII—IX вв. начальные школы (*мектебе*) существовали не только в городах, но и в селениях. Значительная часть населения была грамотной. Начальная школа была доступной. Плата за обучение обычно была невелика. Обучение проходило в мечетях, иногда в доме или лавке. Ребенка посылали в школу, как только он достигал 6 лет. Девочкам тоже не возбранялось начальное образование. При обучении упор делали на тренировку памяти. Коран заучивался наизусть. Его малейшее искажение считалось грехом. В этом исламское образование также находилось в русле повсеместных норм, как на Востоке, так и на Западе (34, с. 121; 54, с. 105).

Расцвет арабо-мусульманской цивилизации в IX—XIII вв. в значительной мере объяснялся успехами в области образования. На территории халифата действовала унифицированная система общего образования с использованием государственного языка (арабского) и позднее других языков (персидский, турецкий). Учителя получали места в школах через систему государственного распределения и

дипломирования. Существовали школы для необеспеченных детей с бесплатным питанием и одеждой. Даже в среде бедуинов действовали «мобильные» школы на верблюдах (54, с. 110).

Школы средней и высшей ступени также первоначально появились при мечетях. Между ними не было четкого различия. С IX в. важную роль стали играть дома мудрости (*бейт-аль-хикма*). Инициатором их создания был просвещенный багдадский халиф ал-Мамун (813—833). Он всячески привлекал греков, которые бежали от религиозных гонений в Византии. Эти люди сосредоточились в домах мудрости и начали интенсивную переводческую деятельность, в результате на арабском языке появились классические античные произведения по философии, медицине и математике. При домах мудрости образовывались библиотеки и учебные центры — светские средневековые академии, которые стали прообразом университетов, как в учебном, так и в научно-исследовательском плане. К концу XI в. здесь было освоено классическое наследие Греции и Рима, а мусульманские ученые превзошли своих учителей во всем диапазоне наук (54, с. 106—107).

В XI в., когда власть в Багдаде захватили турки-сельджуки, просвещение и свободомыслие достигло такого уровня, что суннитское духовенство обвинило дома мудрости в шиитской ереси, для видимости облеченной в форму греческой метафизики. В 1067 г. при Низаме ал-Мульке, визире султанов Алп-Арслана и Мелик-шаха, были основаны школы (медресе) Низамия, которые стали первыми средневековыми университетами. С организационной точки зрения они оказали влияние на основание и становление университетов в Западной Европе.

С XI по XIII в. школы Низамия процветали во всех частях арабо-мусульманского мира, от Индии до Испании. Учебная подготовка в них состояла из многих предметов, в том числе истории, математики, физики, права, литературы, а также религиозных дисциплин. Выпускник школы получал от своего учителя *иджазу* — право на самостоятель-

ную передачу изученного сочинения, определенной книги. Только с X в. иджаза стала письменным документом. Учащийся мог иметь несколько иджаз. Иногда они составляли целый том, чаще под названием «Перечень учителей», который кроме имен учителей включал также перечень изученных дисциплин и сочинений. Мерилом образованности и авторитета служило число проработанных книг и репутация учителей. В целом отсутствие официально признаваемого диплома осталось характерной чертой мусульманской системы образования в отличие от европейской (82, с. 108—109).

Учебный процесс в школах Низамия в значительной мере скопировали европейские университеты. После основной лекции как минимум два «репетатора», или повторяльщика, объясняли непонятные места тем, кто не усвоил материал на основной лекции.

Университеты Низамия пережили монгольское завоевание в 1258 г., и часть их в конце XIV в. слилась с новым университетом Мустансырия, который существует в Багдаде до настоящего времени. При турках-османах университеты Низамия продолжали давать общую академическую подготовку, в то время как основные государственные кадры готовились в янычарской академии Эндерун в Стамбуле (54, с. 107—108). Как было сказано ранее, главное отличие арабо-мусульманских университетов от европейских заключалось в том, что университеты в Европе были независимыми корпорациями, а в арабо-мусульманском мире — государственными институтами. Одни имели собственный бюджет, другие получали государственное финансирование.

В заключение можно отметить, что европейская ученая степень бакалавр имеет арабское происхождение: от *бихакк ал-ривайя* («права передавать текст»), которое давала иджаза, получаемая учеником от учителя (82, с. 108—109).

В Индии последовательно возникли три системы образования: индуистская, буддийская и мусульманская. Индуистская система предполагает сочетание знания (*видья*) и воспитания (*винайя*). Человек был призван овладеть знани-

ем, которое рассматривалось как ценность само по себе, особенно его влияние на поведение. Это была также задача воспитания — «воспитание знанием», «воспитание наукой». Наукой не обучали, ею воспитывали. Неразрывное единство обучения и воспитания составляло содержание образования. Границы образования определялись врожденными свойствами человека, его настойчивостью и мудростью учителя. Проблема взаимоотношений учителя (*гуру*) и ученика была одной из важнейших. К обоим предъявлялись исключительно высокие требования. В основе всех видов ученичества лежали отцовско-сыновьи отношения, что является древнейшей восточной традицией (34, с. 51—56).

Центрами буддийского образования были монастыри. Как показывают сообщения китайских паломников, в Индии это положение существовало с IV по X в. Затем буддизм был в основном вытеснен из Индии обновленным индуизмом, который вобрал в себя многие важные идеи буддизма. Роль буддийских монастырей как образовательных центров сохранялась однако в Центральной Азии, особенно в Монголии и Тибете (66, кн. 2, с. 428).

В буддийских монастырях проживали по несколько тысяч человек, половина из которых были студентами. Обучение начиналось с 6 лет и состояло из двух этапов: начальное образование и высшее специальное. Начальное образование заключалось в освоении литературы по пяти традиционным отраслям знания — видья: грамматика и лексикография; искусства; медицина; логика; философия. Высшее специальное образование включало также более глубокое освоение грамматики и специализацию по буддийскому учению. Более способные изучали трактаты по философии, логике, теологии и сокровенные тексты. Миряне, в том числе не связанные с буддийском учением, изучали также светскую литературу. Крупными университетами с большими библиотеками были многие монастыри Северной и Центральной Индии. Имеются сведения и о том, что светские университеты существовали при дворах некоторых индийских правителей.

Во время мусульманского завоевания Индии многие монастыри были разгромлены еще до того, как было осознано их общее культурное значение. Арабские историки передают рассказ, что после захвата монастыря и университета Викрамашила (основан ок. 800 г.) мусульмане обнаружили огромное число религиозных книг. Они пытались найти кого-нибудь из индийских ученых, которые смогли бы объяснить им научное значение этих книг, но никого не осталось в живых, все были перебиты. Ознакомившись в конце концов с содержанием книг, мусульмане поняли, что город, крепость и храмы — все относилось к одному большому учебному заведению, которое называлось вихарой. По этому слову всей области было дано название Бихар (66, кн. 2, с. 59—62).

После мусульманского завоевания в Индии наряду с индуистской и буддийской системами образования возникла система исламского образования, в основном по тем принципам, которые существовали в остальном мусульманском мире. Династия Великих Моголов, основанная в XVI в., придавала большое значение государственной поддержке образования и созданию единой светской системы. В результате реформы, проведенной при Акбаре во второй половине XVI в., в обязательные школьные предметы были введены арифметика, алгебра, геометрия, медицина, основы агротехники и административного управления, астрономия, которая впервые была отделена от астрологии. Принцип светской школы был направлен на сближение индуистского и мусульманского населения, поскольку в мусульманских школах учили всех без разбора веры и каст. В результате в низших индуистских кастах возникло массовое стремление к получению образования в мусульманских школах. Возник так называемый индо-мусульманский культурный синтез и появился новый обиходный язык индийских мусульман — урду (34, с. 126—128).

На Руси с XI в. князья создавали школы, так как государство испытывало нужду в духовенстве и грамотных людях в системе управления. В этом плане благотворное влияние государства на развитие образования не отличалось от

других стран, начиная с глубокой древности. В школах, кроме чтения, письма и пения, преподавались философия, риторика, грамматика, а также греческий язык и основные сведения по истории, географии и естествознанию. Монгольский разгром коснулся также образования, но полностью школы не исчезли, особенно на Севере и в Новгороде. Центрами образования, как и во многих других странах, были монастыри. Практиковалось также частное, домашнее обучение (14, с. 57).

В 1551 г. на соборе был утвержден Стоглав, в который вошел параграф «О училищах книжных по всем градам». В соответствии с этим документом в домах священников и дьяков повелевалось создавать училища, чтобы «все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжнаго писма и церковного пѣтя псалтырного и чтения наложного» (38, с. 95).

В Литве впервые достоверные сведения о школах относятся к 1397 г., когда была создана школа при Вильнюсском кафедральном соборе. Позднее появились школы в других городах. В школах при монастырях и костелах учили детей читать и писать, в основном на латинском языке. Основой обучения были религиозные предметы, высшее образование получали в европейских университетах. В 1397 г. королева Ядвига организовала при Пражском университете бурсу с библиотекой для студентов из Литвы, изучавших теологию (14, с. 79).

Потенциал и возможности образования как метода передачи знаний от поколения к поколению значительно увеличились и расширились после возникновения книгопечатания.

ГЛАВА 14 **Средства связи**

Со времени бесписьменного общества связь являлась важнейшим проявлением коммуникативности человека, необходимости передавать и пересылать информацию.

С возникновением письменности возможности связи многократно увеличились. Не меньшее влияние оказали возникновение государства и его аппарата управления, многосторонней хозяйственной деятельности и торговли. Все эти сферы жизни не могли существовать без деловой переписки и обмена документами, в том числе правовыми и финансовыми. Письма стали и навсегда остались неотъемлемой частью также интеллектуальной деятельности. Достаточно вспомнить, например, переписку в XVII в. бордосского священника Никеза, предшественника Мабильона в изучении средневековых документов и создании дипломатики. В кабинете рукописей Национальной библиотеки в Париже сохранилось несколько тысяч писем, присланных ему со всей Европы (23, с. 180).

Государство нуждалось в почте с древности. Эстафетная почта была распространена во всем мире, но в некоторых странах как отражение их цивилизационного уровня она получила особенно значительное развитие. Следует однако напомнить, что передача сообщений при помощи эстафетной почты существовала и до возникновения письма, например, в государстве инков. Этот вопрос был рассмотрен в выпуске, посвященном бесписьменному обществу (72, с. 114—116). Однако в древности государственная почта была почтой царей, императоров и королей. К простым гражданам она не имела никакого отношения и даже была иногда весьма разорительной. Поэтому государственная почтовая система не пользовалась любовью у населения (168, с. 18—20).

Первоначально послания пересылали с помощью гонцов, которые несли их всю дорогу от пославшего к получателю. Это еще не была почта. Почта возникла, когда появилась эстафетная система, при которой гонец должен был пробежать только определенное расстояние между станциями, где он передавал послание другому гонцу. Именно из-за введения станций на перегонах почта получила свое название от латинского слова *positus* («поставленный», «размещенный») (168, с. 13).

В древнем Египте любили писать письма, большое число которых дошло до нашего времени. Гонцы там обозначались специальным словом. На памятнике Аменхотепа II (1500 г. до н. э.) этот фараон представлен сидящим на троне, а перед ним находится гонец в смиренной позе, он передает ему свиток с посланием. В папирусе времен фараона Менемптаха II (1300 г. до н. э.) приводятся имена гонцов, которые состояли в этой должности. В Египте гонцы были пешими, о верховых гонцах нет никаких сведений. Их участь была тяжелой, особенно если их посылали на территории, расположенные вне Египта (154, с. 6; 168, с. 13). Когда египетский писец хотел написать письмо, он соблюдал некоторые правила экономии папируса. Рассчитав объем послания, писал первую половину на внутренней стороне свитка, а вторую — на оборотной. В этом было отличие писем от других документов и книг, которые предпочитали писать на одной, внутренней стороне свитка.

В древней Месопотамии почта также существовала в основном для государственных надобностей. Однако существовала и значительная частная переписка. А.А. Оппенгейм подразделяет сохранившиеся письма на две группы: связанные с административными и политическими делами и касающиеся интересов частных лиц. Последних гораздо меньше, и они встречаются не во все периоды (53, с. 25).

Письма часто заверялись печатью, в том числе печатью писца. Еще со времен III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.) их, как и другие документы, вкладывали в глиняные конверты, предварительно обсыпав тексты глиняной пылью с целью сохранения от слипания и повреждения при вскрытии. На конверте письма писали имя получателя (19, с. 25—26, 42).

Частные письма посылались либо с оказией, либо через гонцов и агентов, находившихся на службе у частных лиц. Эта услуга оплачивалась. В одном из сохранившихся писем написано: «Я не могу дать ничего тому, кто доставит тебе (это) запечатанное письмо; (поэтому) дай ему 1/6 (сикля) серебра» (19, с. 46).

В аккадской школе учеников обучали составлению писем. Нужно было не только написать письмо грамотно, при помощи типовых фраз и выражений, но и правильно его оформить и точно указать имя получателя. Это входило в программу подготовки писца (52, с. 89—90).

Регулярная почтовая служба возникла в Ассирии. К ней, по-видимому, восходит персидская почта. Развитие почты связано с созданием дорог. Ассирийская царская дорога вела от Ура через Вавилон и Ниневию к Сардам на западе Малой Азии недалеко от современного Измира. Эта дорога влилась в сеть персидских дорог и была продлена до города Сузы, столицы древней Персии. Царская дорога имела протяженность около 2500 км. После завоевания Вавилона он был соединен с Сузами военной дорогой протяженностью в 300 км. Третья дорога обеспечивала связь с северными районами Персидского царства. Она проходила от Суз через крупный торговый центр Бактру (сейчас Балх) в Афганистане на реке Оксус (Аму-Дарья) в Кирополис на Яксарте (Сыр-Дарья) (17, с. 8—9). Эта дорога имела протяженность около 2000 км (154, с. 15).

Персы организовали службу конных посыльных. Они высчитали, какой путь может проделать лошадь днем до того, как ее потребуется кормить, и на этих расстояниях (около 25 км) организовали станции с постоянными дворами, на которых находились конюхи и свежие лошади. На каждой станции был смотритель, в его обязанности входил прием и дальнейшая отправка писем. Их доставка не прерывалась даже ночью: письма передавались дневным гонцом ночному. Это описание почты принадлежит Ксенофону (ок. 430—355 или 354 гг. до н. э.), который утверждал, что при такой организации путь преодолевался даже быстрее, чем его могли пролететь журавли (17, с. 9).

На дороге из Суз в Сарды было 111 почтовых станций. Верховые посыльные могли преодолеть всю дорогу за 5—7 дней. Пешему для этого нужно было около 90 дней (154, с. 15). До Ксенофонта персидская почта вызвала восхищение у Геродота, который выразил его в следующих словах:

«Ни дождь, ни снег, ни жара, ни мрак ночи не остановят этих курьеров от выполнения своей миссии». Эти слова были высечены на фронтоне Почтамта в Нью-Йорке (168, с. 19).

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) после завоевания Персидского царства сохранил большинство персидских транспортных путей и линий связи. Лишь с распадом его империи линии связи, которые обслуживали гонцы, пришли в упадок (17, с. 9). Персидский пример показывает, что подлинная почта была возможна лишь на средства государства и для государственных надобностей.

В использовании лошадей для гонцов первыми возможно были китайцы, хотя организованная верховая почтовая служба впервые возникла у персов (168, с. 18—19). Тем не менее имеются сведения о наличии пеших и верховых гонцов в Китае еще со времени династии Чжоу. Конфуций писал о том, что указы доставляются гонцами (17, с. 14).

В древнем Китае письма писали на деревянных пластинках. Отсюда пошло выражение «заломить планку», т. е. написать письмо. Написав письмо на одной стороне пластинки, ее покрывали второй пластинкой, где писали фамилии и имена адресата и отправителя. Затем обе пластинки связывали бечевой, узел обмазывали специальной глиной и ставили на глине штамп. Большое количество таких писем было обнаружено в южной части Синьцзяна (46, с. 26, 29).

В дальнейшем до изобретения бумаги письма стали писать на шелке. После написания такое письмо можно было легко вложить в шелковый конверт. Два таких письма, которые датируются 15—56 гг. н. э., были обнаружены в Дуньхуане в 1908 г. (158, с. 127). Примерно в III в. письма начали писать на бумаге (46, с. 37).

Великий шелковый путь, который связал Китай с Ближним Востоком вплоть до берегов Средиземного моря, возник как развитие ассирийской и персидской дорожной сети. Китайская часть пути появилась около 300 г. до н. э. для связи с Восточным Туркестаном. Около 200 г. до н. э. было осуществлено соединение китайского отрезка пути с ближневосточным (134, с. 46). Значение Великого шелкового пути

было осознано китайцами после 126—125 гг. до н. э., когда в Китай вернулся знаменитый путешественник Чжан Цянь, посланный в 138 г. к племенам юэчжи для заключения с ними военного союза против гуннов. Разыскивая юэчжи Чжан Цянь побывал в ряде государств Центральной Азии и узнал о существовании Индии и более далеких западных государств.

Из рассказов Чжан Цяня стало известно о богатствах стран Запада и их заинтересованности в торговле с Китаем. В конце II в. до н. э. это привело к ряду военных компаний ханьского императора У-ди. Они привели к закреплению китайцев в Восточном Туркестане в бассейне реки Тарим, через который проходили две ветви Великого шелкового пути (северная и восточная), соединяемые в Кашгаре. Из Кашгара одна ветвь вела в Фергану, в Парфию и далее на запад, а южная ветвь — в Бактрию и далее в Индию. К 100 г. до н. э. Великий шелковый путь стал оживленной торговой трассой (134, с. 46). Обычно торговцы одолевали лишь часть пути до определенных пунктов, где они обменивали или продавали свой товар. Тем не менее считается, что именно вдоль этого пути, начиная с 70 г. н. э., следовали буддийские миссионеры из Индии, а затем в обратном направлении китайские паломники и путешественники.

Монголы укрепили Великий шелковый путь, и в этом виде его застал Марко Поло во время своего путешествия из Венеции в Пекин в 1271—1275 гг. Популярность дороги достигла своего максимума в XIV в. После этого начался упадок. К концу XV в., когда Васко де Гама открыл морской путь в Индию, Великий шелковый путь лишился своего значения и стал фактом истории (134, с. 48).

В Китае почта получила развитие особенно при династии Тан (618—907 гг. н. э.). Танские императоры уже назначали генерал-почтмейстеров. В их распоряжении находилось 1297 почтовых станций на сухопутных путях, 360 — на реках и 86 — на скрещении сухопутных и водных путей. Расстояние между станциями составляло в среднем 30 ли (около 17 км). Китайская императорская почта была пред-

назначена исключительно для доставки правительственной корреспонденции. В XIII в. ее подробное описание оставил Марко Поло. Он отмечает наличие сети дорог с указанием на каждой, куда она направляется. Почтовые станции (ямы) расположены на расстоянии около 40 км друг от друга. Они прекрасно оборудованы, предоставляя гонцам все возможные удобства. Для верховых гонцов на каждой станции постоянно имеется 300—400 свежих лошадей. Всего на станциях находится более 200 тыс. лошадей. Пешие гонцы живут в поселках вдоль дороги. Каждый бежит с колокольчиком, чтобы ему уступали дорогу, не более 5 км и затем передает послание как эстафету следующему гонцу. Прибытие и отправление гонцов регистрируются в промежуточных пунктах между станциями, где они сменяются. Особые чиновники осматривают и проверяют работу станций ежемесячно. В срочных случаях эстафеты не прерываются даже ночью. Тогда перед верховым гонцом бегут гонцы с факелами. Это несколько замедляет быстроту передвижения верхового гонца (17, с. 14—18).

В XV в. Китай уже имел гражданскую почту *мин-чу*, которая доставляла частные письма, посылки, серебряные слитки и денежные чеки. Стоимость пересылки в основном взималась с получателей. Перевозка осуществлялась на торговых судах, пешими и верховыми посылными. Число *мин-чу* быстро возрастало, особенно в густонаселенных районах страны. Тарифы зависели от расстояний (17, с. 18).

В Японии VIII в. началась прокладка сети дорог, признаваемых необходимыми из-за управленческих и военных нужд. В 645 г. в знаменитом указе, который являлся началом реформ и переходом к государственной форме устройства общества, большое внимание уделяется созданию сети почтовых дворов для бесперебойного курсирования информации (доставки распоряжений правительства и отчетов с мест). Было проложено семь так называемых «государственных» дорог. Исходя из важности, они были ранжированы как большие, средние и малые. На дорогах располагались почтовые станции, которые должны были обеспечивать го-

сударевых гонцов ночлегом и лошадьми. В зависимости от статуса дороги на ней содержалось 5—20 лошадей (всего — около 4200). Как правило, расстояние между станциями было равно 16 км. Их общее число составляло чуть больше 400. Характерно, что при создании общегосударственной системы передачи информации были почти полностью проигнорированы водные пути — речные и морские. Число лодочных почтовых станций на реках было крайне невелико. Это объясняется тем, что японские реки мало удобны для сообщения. Они текут в широтном направлении, не обладают большой протяженностью и на них имеется большой перепад высот. Морские пути вообще считались недостаточно надежными (48, с. 327—332).

Несомненно, что при наличии в правящем классе достаточно высокого уровня грамотности должна была существовать также переписка на частном уровне. Материальных свидетельств этому почти не осталось, но некоторые данные говорят о достаточно интенсивном обмене письмами в частной сфере. В поэтической антологии «Манъё:сю» (вторая половина VIII в.) часть XVIII свитка представляет собой стихи, взятые из переписки прославленного поэта VIII в. Оотомо-но Якамоти (? — 785) (48, с. 188).

Своеобразный способ передачи сообщений был обнаружен на острове Миндоро (Филиппины). Имеется следующее его описание: «Письмо, написанное на бамбуке, вставляется в расщепленную палку и оставляется около дороги. Первый же прохожий, который идет в направлении указанного адреса, берет его с собой и оставляет его опять у дороги. когда его путь отклоняется от пункта, куда должно быть доставлено письмо. Здесь письмо подбирает другой путник. В доставке письма по назначению участвуют до полудюжины добровольцев». Наличие этой почтовой связи приводится как доказательство того, что среди жителей этих мест имеется достаточно высокий уровень грамотности (22, с. 509).

В отличие от государств Азии древние греки первоначально не испытывали потребности в организации государственной системы связи. Это объяснялось тем, что неболь-

шие города-государства на берегах Средиземного моря могли осуществлять связь по морю (154, с. 18—19). Дороги в гористой местности Греции не предназначались для колесного транспорта и лошадей. Покровителем дорог был Гермес, который считался вестником богов (134, с. 52). Сухопутную связь между греческими городами осуществляли пешие гонцы — гемеродромы («дневные гонцы»). Гемеродромы могли пробегать 55 стадий (около 10 км) в час. Гонiec обращал на себя внимание в особых случаях. Так, в мировую историю вошел древнегреческий воин, который за короткое время пробежал свыше 42 км от Марафона до Афин и сообщил гражданам о победе над персами. После этого он упал бездыханным на базарной площади Афин (17, с. 9—10). Известны имена других знаменитых гонцов, в том числе гемеродромов Александра Македонского (154, с. 21—23; 168, с. 15—16).

Письма обычно писали на папирусе и навошенных табличках. Особая форма переписки была принята в Спарте для секретной корреспонденции между правительством и военачальниками. Когда военачальник отбывал из Спарты, изготовлялись два деревянных жезла одинаковой длины и толщины. Один оставался в Спарте, другой брал с собой военачальник. Когда хотели написать письмо, нарезали длинные узкие ремни белого цвета или полосы папируса и плотно обматывали их спиралью вокруг жезла. Затем на этом материале горизонтально писали сообщение, ремень и полосу папируса сматывали с жезла и отсылали по назначению. Получив послание, военачальник наматывал его на свой жезл и только таким образом мог прочитать послание (154, с. 23).

В Риме возникла подлинная государственная почтовая служба, что в значительной степени объяснялось созданием знаменитой дорожной сети, которая, наряду с китайской, прославилась в веках. В обоих случаях это было вызвано необходимостью эффективно управлять государствами с огромной территорией. Римляне могли осознать значение дорог для государственной власти на примере персов, тра-

диции которых унаследовали Александр Македонский и эллинистические царства. Для понимания того, какое значение римляне придавали дорогам для связи и управления, достаточно указать, что Юлий Цезарь присвоил себе старый римский титул *Curator viarum* (управитель дорог).

Римляне начали строить дороги в 334 г. до н. э. Важнейшей из них была Аппиева дорога, которая на некоторых своих участках дожила без изменений до нашего времени. Сеть римских дорог в конечном счете охватила значительную часть Европы к югу от линии Эдинбург—Кёльн—Вена—Стамбул, все Средиземноморье, Малую Азию и Ближний Восток. Основные дороги назывались *viae publicae* (государственные дороги), а если они были мощены камнем — *viae munitae* (укрепленные дороги). Дорога получала название *via*, если она была шириной около 5 м и по ней могли проехать два экипажа (134, с. 52—55). К 200 г. во время расцвета империи дорожная сеть составляла 80 тыс. км (154, с. 31). Для сравнения: китайская дорожная система достигла 40 тыс. км к 100 г. (134, с. 55).

В Римской империи была создана государственная почтовая служба. Однако она была не столько государственной, сколько личной императорской. Она называлась *cursus publicus* (лат. *cursus* — бег, путь). Ее создание связано по времени с принципатом Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Правом пользоваться почтой, кроме самого принцепса, который был ее главой, обладали его сыновья, управляющие отдельными провинциями и высшие государственные чиновники. После Августа почта была подчинена префекту претория — начальнику императорской гвардии. В провинции за состояние почтовых станций отвечали государственные почтовые префекты.

В отличие от государственной почты других стран римская почта опиралась на реквизицию лошадей и повозок по пути следования. Это было исключительным бременем для местного населения. Только при императоре Адриане почта существовала исключительно на государственный счет. В дальнейшем это неоднократно нарушалось, что приводи-

ло к разорению населения, которое проживало вдоль дорог, и в конечном счете к обезлюдению этих местностей (154, с. 37—38).

Почтовые станции были двух видов. Главные почтовые станции или постоянные дворы носили название *mansio* (место отдыха, привал, ночлег). Они находились на расстоянии одного дня пути друг от друга и служили для ночлега, замены лошадей и повозок, а также гонцов. Между ними имелось пять-восемь промежуточных станций, которые назывались *mutatio* (перемена, место смены лошадей). На них происходила только замена лошадей и других животных в зависимости от страны и местности. На главных станциях всегда находилось 40 и более лошадей, на промежуточных — около 20.

В основном государственная почта использовала верховых гонцов, но иногда и пеших. Их отличительным знаком во времена Нерона (54—68 гг. н. э.) служило украшение из перьев, которое носили на голове. Во времена Антонина Пия (138—161) перья были заменены на крылышки. Это был знак покровителя купцов и путешественников Меркурия, изображаемого с крылышками на ногах и шлеме. Имелась также морская почта для обслуживания провинций, в которые можно было попасть только морским путем (17, с. 11—14).

Частные граждане использовали в качестве гонцов собственных рабов. Богатые римляне имели «конюшни» таких гонцов. Их судьба была незавидной, и назначение на эту службу нередко объяснялось тем, что они вызвали недовольство своих господ. Такие гонцы покрывали большие расстояния за день. Если они бежали медленно, то дома их ждало наказание. Много опасностей подстерегало их и в местности, через которую им приходилось пробегать (168, с. 16).

При переходе к средним векам почта в основном исчезла, хотя, по свидетельству Кассиодора, остготский король Теодорих всячески ее поддерживал (154, с. 60—61). Римская почта сохранялась также в королевстве франков и даже пережила династию Меровингов. Интерес представляет и то, что вандалы, после всех своих разрушительных завоева-

ний осевшие в Северной Африке, оценили достоинства упорядоченного государственного управления и восстановили государственную почту по римскому образцу. Однако использовали не верховых, а пеших гонцов (154, с. 61).

Упадок почты в ранние средние века объяснялся в значительной мере плохим состоянием дорог. Даже древние римские дороги разрушались, так как их не поддерживали. Особенно портились мосты, которых уже никто не чинил. Кроме того, передвижение по дорогам представляло большую опасность в связи с опустошением местностей, сокращением населения и как следствие — появлением большого числа разбойников. Дополнительная опасность исходила от феодалов-грабителей. Когда на старинной римской дороге был сооружен замок, в котором обосновался род рыцарей-грабителей господ де Меревиль, купцы и паломники перестали ею пользоваться (7, с. 124—127).

В эпоху Каролингов, особенно при Карле Великом, увеличилось число посланцев от центральной власти и обратно. Карл Великий стремился к тому, чтобы его власть ощущали во всем королевстве за счет рассылки письменных административных и судебных указов, а также увеличения числа личных посланцев, направляемых в различные области для надзора за уполномоченными государя или с целью реорганизации управления (44, с. 45—46).

С распадом Каролингской империи последние попытки поддерживать для государя почтовую службу с перекладными по римскому образцу прекратились. Монархи, бароны, духовные лица были вынуждены поручать свою корреспонденцию нарочным. Лица же менее высокого ранга прибегали к услугам странников, в том числе паломников. Известия из более дальних мест были эпизодическими. Например, епископ Фульберт Шартрский, имевший благодаря своему рангу немалые возможности узнавать новости, удивился, получив для своей церкви дары от Кнута Великого. По его признанию, он полагал, что этот государь еще язычник, хотя в действительности Кнут Великий был окрещен в детстве (7, с. 128).

Вместо государственной почты, которая возродилась позднее, в европейских странах возникли другие ее виды. Наиболее ранней из них была монастырская. Монастыри должны были поддерживать связь с главой церкви в Риме, а также между собой. Монашеские ордена были вынуждены самостоятельно обеспечивать связь со своими братствами, разбросанными по всей Европе. В результате в XI—XV вв. письменную связь между европейскими государствами в основном осуществляли монастырские гонцы и странствующие монахи. Частная корреспонденция иногда доставлялась ими в знак признательности за предоставленный ночлег. Впоследствии вместе с сумой для подаяния странствующие монахи стали носить мешок для почты (7, с. 22—23).

Монастырский гонец получал пергаменный свиток с посланием, называемый *rotula* (лат. «колесико»). В каждом монастыре, в котором он останавливался по пути, местный аббат удостоверял на свитке получение и мог также добавить свои комментарии на новость в письме и некоторые дополнительные новости. Добавления на полосах пергамента приклеивали к основному свитку. До нашего времени дошли довольно длинные ротулы. На одной из них, которая датируется 1122 г., имеется 206 записей, а общая длина свитка составила около 9 м (168, с. 30—31).

Особая служба гонцов возникла в университетах. Обучавшиеся в них дети состоятельных родителей, которые постоянно проживали буквально во всех уголках Европы, нуждались в постоянной связи со своими семьями, в том числе для получения необходимых средств. Университеты были заинтересованы в организации этой связи, и в результате появились университетские посыльные двух родов. Более состоятельные были банкирами студентов: постепенно выдавали им средства, доверенные их родителями, а также ссуды под залог или за поручительством. Такие посыльные назывались «большими» (*magni nuntii*). «Малые» посыльные (*parvi nuntii*) были гонцами, которые регулярно курсировали по заданным маршрутам со студенческой корреспонденцией. Особенно успешной была система свя-

зи Парижского университета. Она возникла в XIII в. и действовала до XVII в. (168, с. 33—34). Университетские посыльные получали определенные привилегии от нанимателей. Такие привилегии высоко ценились, поскольку университеты были автономными корпорациями и освобождали своих служащих от многих налогов и сборов. Поэтому университетские посыльные готовы были служить за сравнительно небольшую плату.

Постепенно университетским посыльным стали разрешать брать почту от третьих лиц, не имевших отношения к университету. Им доверяли свои отправления даже правительственные учреждения. Плата за доставку корреспонденции шла на содержание службы связи. Тем не менее институт университетских посыльных в основном был узкоспециализированным и не превратился в гражданскую почту (7, с. 23—25).

Улучшение средств связи в XII—XIII вв. связано с подъемом городов. В результате возникло несколько корпоративных систем связи: почта торговых союзов типа Ганзы и торговых республик, особенно Венеции; городские гонцы; цеховая почта, в том числе почта мясников; почта рыцарских орденов. Города, входившие в Ганзейский союз, и вольные имперские города, которые были центрами производства товаров и торговли, создали свои службы гонцов. Собственные почтовые службы имели также торговые республики типа Венеции. Они включали также морскую и речную связи. Постепенно, но не сразу, услугами этих служб стали пользоваться более широкие слои населения.

В Южной Германии хорошо организованную почтовую службу наладил цех мясников. Во время поездок, связанных с закупкой скота, мясники добирались до самых отдаленных мест. В связи с этим им также поручали доставлять корреспонденцию в районы, не имевшие своих гонцов. Мясники обычно согласовывали маршруты друг с другом, останавливались в чужих городах у коллег по цеху, так что со временем возникла упорядоченная коммуникационная сеть, которая обеспечивала достаточно надежный обмен

корреспонденцией. О своем прибытии и отправлении мясники обычно извещали жителей звуками рожка. Это были предшественники почтовых рожков. Почта мясников существовала до XVII в. (7, с. 30).

Собственную службу связи создал Тевтонский рыцарский орден. Ее обслуживали верховые посыльные. В задачу этой почты входило поддержание контактов между рыцарскими поселениями в захваченных землях Литвы и Восточной Пруссии, орденскими поселениями в Германии и святым престолом в Риме. Почтовая связь производилась по принципу эстафеты: от поселения к поселению. Орден возник в 1181 г. В 1525 г., после перехода Альбрехта Бранденбургского в протестанство, рыцарское государство превратилось в герцогство Пруссия, и рыцарская почта прекратила существование (7, с. 29—30; 168, с. 42).

Городские и кантональные почты существовали в Швейцарии. Швейцарские городские почты имели особое значение для торговых связей. Они обеспечивали пересылку корреспонденции из Италии во Францию и Германию. В конце XVIII в. городские почты были реорганизованы в кантональные, из которых в 1849 г. возникла швейцарская федеральная почта (7, с. 30—32).

Государственная курьерская почта возникла в Испании в XIII в. Гонцы упоминаются в собрании законов кастильского короля Альфонса X (1252—1284). В конце XIII в. в Каталонии существовал цех гонцов со сроками и правилами доставки почты. С 1338 г. в Барселоне действовали почтовые правила, утвержденные магистратом. Во Франции указом от 19 июня 1464 г. была создана почта для обслуживания короля и высших государственных сановников. Прием корреспонденции от частных лиц карался смертной казнью. Конные и пешие гонцы доставляли королевскую почту по принципу эстафеты. Так, сообщение о гибели Карла Смелого в битве при Нанси 6 января 1477 г. Людовик XI, находившийся в 450 км от места события, получил через три дня. В 1598 г. Генрих IV сделал почту общедоступной (7, с. 32—33; 154, с. 71—73).

Достаточно развитая государственная почтовая сеть существовала также в арабском халифате. Уже к середине VIII в. в халифате возникла сеть дорог, по которым курсировали гонцы — пешие и верховые на лошадях, мулах и верблюдах. Они доставляли государственную и частную корреспонденцию. В конце IX в. на территории халифата насчитывалось 930 почтовых станций. Почтовой службой ведали визирь или другой сановник высокого ранга, доверенное лицо халифа. Что-то вроде генерал-почтмейстера. Ему подчинялись моваккии — начальники почтовых станций, в распоряжении которых был почтовый персонал (гонцы, конюхи и др.). Ревизию осуществляли правители провинций.

После распада халифата почта халифов была уничтожена. Однако в XIII в. египетский султан Бейбарс организовал на старых почтовых трактах новые станции и приказал соорудить новые почтовые дороги. Почтовая служба находилась в ведении государственной канцелярии. Великий канцлер одновременно являлся генеральным почтмейстером. Около 1400 г. эта почта была также утрачена в результате походов Тимура (7, с. 20—21; 154, с. 75—78).

Частная переписка, особенно между мусульманскими учеными, которые жили в разных городах на значительном удалении, известна с VIII в. Письменное обращение за информацией к авторитету и ее получение имели особое название *мука таба* («взаимная переписка»). Это был один из принятых способов передачи знания (82, с. 106).

Наконец, еще одним специальным средством связи, использованным во многих странах, как в государственных, так и в частных целях, была голубиная почта. Она основана на способности голубя найти свое гнездо даже на значительном расстоянии. Положительным фактором является и то, что голубь легко приручается. Все это было известно еще в глубокой древности. От всех цивилизаций имеются известия об использовании голубей для военных и коммерческих целей, а также в передаче частной информации на бытовом уровне.

На Дальнем Востоке в Китае и на Западе в древней Греции и Риме голубей использовали для передачи сообщений. В Китае письмо закладывали в небольшой цилиндр, который крепили в середине хвостового пера голубя. Птиц также снабжали колокольчиками и свистками, чтобы отпугивать хищных птиц (168, с. 15). В Греции голуби употреблялись как вестники победы на спортивных играх. Для этого, отправляясь на игры, брали с собой несколько пар голубей, которых выпускали на свободу сразу после объявления победы той или иной стороны. К ногам гонцов прикрепляли лоскуток материи с цветом победителя. Прибытие голубя с таким лоскутом давало знать о результатах состязания.

Арабы широко использовали голубей для связи начиная с VIII в. Европейцы узнали об этом во время крестовых походов. Известно много историй о том, как депеши, доставленные голубями, изменяли ход войны и осад, а также способствовали коммерческому процветанию. Например, в 1574 г. при осаде Лейдена Франциском де Вальдес голубь, посланный принцем Оранским, восстановил мужество осажденных, доведенных голодом до крайнего отчаяния и подумывавших даже о сдаче города. Известие, принесенное голубем, сообщало, что плотины рек Мааса и Эйселя разрушены и к городу приближаются суда, нагруженные жизненными припасами. Это подняло дух осажденных, и они отказались начать переговоры о сдаче города. Через несколько дней последовало освобождение. В благодарность за оказанную помощь голуби затем содержались в ратуше на казенный счет (13, с. 181—182). В XIX в. голубей использовали при отсутствии телеграфа при биржевой игре, имевшей в виду повышение и понижение испанских фондов. С этой целью из Антверпена, где находилась биржа, партии голубей отсылали в Брюссель, Париж и Лондон, откуда затем постоянно доставлялись известия о состоянии денежного рынка (13, с. 183).

Голубиная почта сохраняла свое значение в XX в. и даже в электронную эру XXI в. В 1961 г. в Ростове-на-Дону открыли памятник: мальчик, прижимающий обеими руками

к груди голубя. Он напоминает о следующем событии. Когда во время войны немцы оккупировали Ростов, они издали приказ об уничтожении всех домашних голубей, чтобы подпольщики не передавали с птичьей почтой сведения нашим войскам. 14-летний мальчик не подчинился приказу, и его крылатый связной продолжал доставлять разведданные. Мальчика застрелили прямо с голубем в руках. Более того, в немецкой армии создавались специальные снайперские группы, которые охотились на советских почтарей. Уже в наше время голубиная почта используется в бизнесе вместо электронной в связи с ее большей надежностью и безотказностью (68).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулхалипова М.А.* Рукописная традиция в Дагестане (на основе материалов восточных рукописей Дагестанского государственного университета): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Абдулхалипова М.А. — Махачкала, 2005. — 24 с.

2. *Аверинцев С.С.* Типология отношения к книге в культурах древнего Востока, античности и раннего средневековья / С.С. Аверинцев // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока : сб. ст. / Гос. музей искусства народов Востока. — М. : Наука, 1978. — С. 6—27.

3. *Апанович Е.М.* Рукописная светская книга XVIII в. на Украине : истор. сб. / АН УССР, Центр. науч. б-ка; Е.М. Апанович. — Киев : Наукова думка, 1983. — 222 с.

4. *Баренбаум И.Е.* История книги / И.Е. Баренбаум. — М. : Книга, 1984. — 247 с.

5. *Белозерова В.Г.* Китайская книга в камне: (итоги исследования) / В.Г. Белозерова // Библиотекосведение. — 2004. — № 4. — С. 66—71.

6. Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / сост. В.А. Эльвова. — М. : Книга, 1985. — 255 с.

7. *Блок М.* Феодалное общество / Марк Блок // Он же. Апология истории или ремесло историка. — М. : Наука, 1986. — С. 122—181.

8. *Бубнов Н.Ю.* Рукописная и печатная книжность Карельского Поморья: (по итогам археографической поездки 1980 г.) / Н.Ю. Бубнов // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX века : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л. : БАН, 1982. — С. 147—162.

9. *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга 3-й четверти XVII в. как историко-культурный феномен / Н.Ю. Бубнов // Рукописная

и печатная книга в России: Пробл. создания и распространения : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л., 1988. — С. 79—92.

10. *Варбанец Н.В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: Опыт нового прочтения материала / Н.В. Варбанец. — М. : Книга, 1980. — 303 с.

11. *Васильев Л.С.* Древний Китай. — Т. 1: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.) / Л.С. Васильев; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. — М. : Восточная литература, 1995. — 378 с.

12. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильев. — М. : Восточная литература, 2001. — 488 с.

13. *Вестенрик А.И.* Почтовый голубь: Разведение, содержание и дрессировка почтовых голубей; история голубиной почты / А.И. Вестенрик. — Варшава, 1877. — 319 с.

14. *Владимиров Л.И.* Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век / Л.И. Владимиров. — М. : Книга, 1988. — 310,[2] с.

15. *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков / А. фон Габен // Зарубежная тюркология. — Вып. 1. : Древние тюркские языки и литературы. — М. : Наука, 1986. — С. 159—190.

16. *Горфункель А.Х.* Печатная и рукописная книга в Италии XVI в. / А.Х. Горфункель // Рукописная и печатная книга / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 1975. — С. 114—120.

17. *Граллерт В.* Путешествие без виз: книга о почте и филателии / Вольфрам Граллерт. — М. : Связь, 1966. — 319 с.

18. *Грицевская И.М.* Древнерусский сборник как гипертекст / И.М. Грицевская, Е.С. Курзина // Книга и мировая цивилизация : материалы 11-й междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. — М., 2004. — Т. 2. — С. 9—13.

19. *Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы / АН СССР, Ин-т востоковедения ; М.А. Дандамаев. — М. : Наука, 1983. — 245 с.

20. *Дворкина М.Я.* Библиотечно-информационная деятельность : теорет. основы и особенности развития в традиц. и электрон. среде / М.Я. Дворкина. — (в печати).

21. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский ; АН СССР, Ин-т философии. — М. : Мысль, 1979. — 620 с.

22. *Дирингер Д.* Алфавит / общ. ред., предисл. и примеч. И.М. Дьяконова. — 2-е изд., стереотипное. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 656 с.
23. *Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века / О.А. Добиаш-Рождественская. — Пб. : Брокгауз-Ефрон, 1923. — 197 с.; 4 табл., [3] с.
24. Зеркало мира: Писатели стран зарубежного Востока о книге, чтении, библиофилах / сост. В.А. Эльвова. — М. : Книга, 1984. — 240 с.
25. История книги / под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. — М. : Мир книги, 1998. — 345 с.
26. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма / В.А. Истрин. — М. : Наука, 1965. — 599 с.
27. *Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии / А.П. Каждан. — М. : Наука, 1973. — 152 с.
28. *Кацпржак Е.И.* История книги / Е.И. Кацпржак. — М. : Книга, 1964. — 422 с.
29. *Киселева Л.И.* О чем рассказывают средневековые рукописи: (рукопис. книга в Западной Европе) / Л.И. Киселева. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. — 143 с. — (Сер. «Из истории мировой культуры» /АН СССР).
30. Книга в культуре Возрождения / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. — М. : Наука, 2002. — 267, [4] с.
31. Книга в России. — Т. 1. : Русская книга от начала письменности до 1800 года / под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. — М. : Гос. изд., 1924. — 381 с.
32. Книговедение: Энцикл. слов. — М. : Сов. энциклопедия, 1981. — 664 с.: ил.
Книга. — С. 251—252.
Рукописная книга. — С. 463—470.
Рукописное собрание. — С. 470—471.
Также по республикам и странам.
33. *Кожин Н.А.* Искусство русской рукописной книги XVIII—XIX вв. / Н.А. Кожин // Проблемы рукописной и печатной книги. — М., 1976. — С. 185—203.
34. *Корнетов Г.Б.* История образования и педагогической мысли : учеб.-метод. комплекс. — Ч. 1. : Первобытная эпоха —

конец XVI века / Г.Б. Корнетов ; Ун-т Рос. акад. образования. — М. : Изд-во УРАО, 2002. — 196 с. — (Тр. / Кафедра педагогики, истории образования и педагогической антропологии; Вып. 14).

35. *Коростовцев М.А.* Писцы древнего Египта / М.А. Коростовцев ; АН СССР, Ин-т народов Азии. — М. : Изд. вост. лит., 1962. — 175 с.

36. *Крил Х.Г.* Становление государственной власти в Китае: Империя Западная Чжоу / Хэрли Глесснер Крил. — СПб. : Евразия, 2001. — 480 с.

37. *Крол А.* Египет первых фараонов: Хеб-Сед и становление древнеегипетского государства / Алексей Крол. — М. : Изд-во «Рудомино», 2005. — 224 с.

38. *Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке / М.В. Кукушкина. — СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. — 208 с.

39. Культура Византии: IV — первая половина VII в. — М. : Наука, 1964. — 725 с.

40. *Куфаев М.Н.* Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / М.Н. Куфаев. — М. : Наука, 2004. — 188 с.

41. *Лебедева И.Н.* Греческая рукописная и печатная книга XV—XVI вв. и ее влияние на книжность других народов / И.Н. Лебедева // Рукописная и печатная книга / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 1975. — С. 105—114.

42. *Лёвочкин И.В.* Русская рукописная книга XI—XVI вв.: Ист.-книговед. исслед. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Лёвочкин Иван Васильевич; Моск. полигр. ин-т. — М., 1992. — 31 с.

43. *Лёвочкин И.В.* Русская рукописная книга XX в. / И.В. Лёвочкин // Румянцевские чтения : Тез. докл. и сообщ. (14—15 апр. 1994 г.) / Рос. гос. б-ка. — М., 1994. — Ч.1. — С. 96—98.

44. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф. — М. : Прогресс, 1992. — 373 с.

45. *Лихачев Д.С.* Задачи изучения связи рукописной книги и печатной / Д.С. Лихачев // Рукописная и печатная книга / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 1975. — С. 3—10.

45а. *Лихачева В.Д.* Византийская миниатюра / В.Д. Лихачева. — М. : Искусство, 1977. — 22, [7] с.; 62 табл.

46. *Лю Го-цзюнь.* Рассказ о китайской книге / Лю Го-цзюнь. — М. : Искусство, 1957. — 91 с.

47. *Люблинский В.С.* Книга в истории человеческого общества: Сб. избр. книговедч. работ / В.С. Люблинский. — М. : Книга, 1972. — 327 с.
48. *Мещеряков А.Н.* История древней Японии / А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. — СПб. : Гиперион, 2002. — 512 с.
49. *Мыльников А.С.* Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) / А.С. Мыльников // Рукописная и печатная книга / АН СССР, Науч. совет по истории мировой литературы. — М.: Наука, 1975. — С. 19—36.
50. *Мыльников А.С.* Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания / А.С. Мыльников // Книга. Исследования и материалы. — М. : Книга, 1964. — Сб. 9. — С. 37—53.
51. *Мыльников А.С.* Чешская книга: очерки истории: (Книга. Культура. Общество) / А.С. Мыльников. — М.: Книга, 1971. — 208 с.
52. Образовательные системы Востока и Запада в эпоху Древности и Средневековья: (от глиняной таблички — к университету / под ред. проф. Т.Н. Матулис. — 2-е изд., испр.). — М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. — 530, [1] с.
53. *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации / АН СССР, Ин-т востоковедения; А. Лео Оппенгейм. — М. : Наука, 1980. — 407 с.
54. Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока / Акад. пед. наук СССР, НИИ общей педагогики. — М., 1988. — 198 с.
55. *Перлов Б.И.* Шумеро-вавилонские школы III—II тысячелетия до н. э. : автореф. / Борис Ильич Перлов; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения, 1995. — 21 с.
- 55а. Петрарка в русской литературе : в 2 кн. — Кн. 2 / сост. В.Т. Данченко. — М. : Изд-во «Рудомино», 2006. — 447 с.
56. *Плешкевич Е.А.* Основы общей теории документа / Е.А. Плешкевич. — Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. — 242 с.
57. Поэзия и проза Древнего Востока / общ. ред. и вступ. ст. И. Брагинского. — М. : Худ. лит., 1973. — 735 с.
58. *Ревякина Н.В.* Книжные заботы Петрарки / Нина Викторовна Ревякина // Петрарка в русской литературе : в 2 кн. — Кн. 2. — М. : Изд-во «Рудомино», 2006. — С. 309—315.

59. Розов Н.Н. Книга в Древней Руси: XI—XIV вв. / Н.Н. Розов. — М. : Книга, 1977. — 167 с.
60. *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке / Н.Н. Розов ; под ред. С.П. Луппова. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. — 153 с.
61. *Розов Н.Н.* Некоторые проблемы изучения истории книги и библиотечного дела в Древней Руси / Н.Н. Розов // Тр. / Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Л., 1962. — Т. X(13). — С. 153—160.
62. *Розов Н.Н.* Русская рукописная книга: этюды и характеристики / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Н.Н. Розов. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. — 123 с.
63. *Розов Н.Н.* Читатели русской книги первых веков ее существования и их изучение / Н.Н. Розов // История русского читателя. — Вып. 1 / науч. ред. проф. И.Е. Баренбаум. — Л., 1973. — С. 20—36.
64. Рукописная и печатная книга — АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. — М. : Наука, 1975. — 258 с.
65. Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л., 1988. — 170 с.
66. Рукописная книга в культуре народов Востока : очерки : в 2 кн. / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. : Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1987—1988.
Кн. 1. — 1987. — 559 с.
Кн. 2. — 1988. — 548 с.
67. *Самодурова З.Г.* Школы и образование / З.Г. Самодурова // Культура Византии. [Т. 1] : IV — первая половина VII в. — М. : Наука, 1984. — С. 479—503.
68. *Санин Г.* Голубьтелеком / Григорий Санин, Степан Кривошеев // Итоги : еженед. журн. — 2007. — № 31(581). — 30 июля. — С. 56—58.
69. *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI—XIII вв. / Б.В. Сапунов; под ред. С.П. Луппова. — Л. : Наука, 1978. — 231 с.
70. *Свирин А.И.* Искусство книги древней Руси: XI—XVII вв. / А.И. Свирин. — М. : Искусство, 1964. — 299 с.
71. *Семеновкер Б.А.* Библиографическая культура древней Месопотамии / Б.А. Семеновкер // Книга : исслед. и материалы. — Сб. 76. — 1999. — С. 80—111.

- 71а. *Семеновкер Б.А.* Древнеегипетские библиографические тексты / Б.А. Семеновкер // Восток. — 1994. — № 3. — С. 110—126.
72. *Семеновкер Б.А.* Эволюция информационной деятельности. — Ч. 1. Бесписьменное общество / Б.А. Семеновкер ; Рос. гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2007. — 144 с.
73. *Симон К.Р.* Библиография: основные понятия и термины / К.Р. Симон. — М. : Книга, 1968. — 159 с.
74. *Симон К.Р.* Термины «энциклопедия» и «свободное искусство» в их историческом развитии / К.Р. Симон // Симон К.Р. Избранное. — М. : Книга, 1984. — С. 45—67.
75. *Симони П.К.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописного писца при книжном и иконном строении: материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлечен из рус. и серб. рукописей и др. источников XV—XVIII столетий. Вып. 1: Тексты и примечания I—XXI : с прил. XIV табл., снимков и рис. в тексте / собрал и снабдил ввод. ст. и объяснит. прим. Павел Симони. — СПб. : О-во любителей древ. письменности, 1906. — XIV, 237 с. — (Памятники древ. письма: CLXI).
76. *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI—XVII вв.) / Л.В. Столярова. — М., 1999. — 174 с.
77. *Суворов Н.* Средневековые университеты / Н. Суворов. — М., 1898. — VII, 245 с.
78. *Султанов Т.И.* Зерцало минувших столетий: Историческая книга в культуре Средней Азии XV—XIX вв. / Т.И. Султанов. — СПб. : Филолог. ф-т СПбГУ, 2005. — 304 с. — (Азиатика).
79. *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи): Т. 1—2 / Сыма Цянь ; пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина ; вступит. ст. М.В. Крюкова. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Восточная литература, 2001—2003.
80. *Терентьев-Катанский А.П.* С Востока на Запад: Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII—XIII веков / А.П. Терентьев-Катанский. — М. : Наука, 1990. — 232 с.
81. *Усачев А.С.* Первые русские печатные книги : филигранологические наблюдения / А.С. Усачев // Федоровские чтения, 2007. — М. : Наука, 2007. — С. 56—72.

82. *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. — М. : Наука, 1985. — 312 с.

83. *Халимов Н.Б.* Заказные книги туркмен (XIV— XVII вв.) / Н.Б. Халимов // Известия АН ТССР. — Сер. обществ. наук. — 1988. — № 1. — С. 19—25.

84. Человек читающий — Homo legens: Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества. — М. : Прогресс, 1990. — 720 с.

85. *Шомракова И.А.* Всеобщая история книги / И.А. Шомракова, И.Е. Баренбаум. С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб. : Профессия. 2005. — 368 с.

86. *Эггер Э.* История книги от ее появления до наших дней. — Пер. с 3-го франц. изд. с прим. переводчика. — СПб., 1882. — 244 с.

87. *Язбердиев А.* Книжное дело в древней Средней Азии: (до-ислам. период) / А. Язбердиев. АН Туркмен. ССР, Центр. науч. б-ка. — Ашгабат : Ылым, 1995. — 324 с.

88. *Язбердиев А.* Старопечатные туркменские книги: Проблемы собирания, библиографирования и изучения / Алмаз Язбердиев. — М. : Ориент-пресс, 2001. — 166 с.

89. *Якерсон С.М.* Еврейская рукописная и первопечатная книга X—XV вв. как историко-культурный источник : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Якерсон С.М. ; Санкт-Петерб. филиал Ин-та востоковедения РАН. — СПб., 2005. — 58 с.

90. *Angelucci A.* Del materiale a degli strumenti per scrivere usati dagli antichi e specialmente dai romani / Alessandro Angelucci. — Milano : Maisner, 1882. — VI, [I], 192 p.

91. *Bethe E.* Buch und Bild im Altertum / Erich Bethe; aus dem Nachlass hrsg. v. Ernst Kirsten. — Leipzig und Wien: Harrasowitz, 1945. — VIII, 148 s.

92. *Birt Th.* Das antike Buchwesen in seinem Verhältnis zur Literatur / Theodor Birt. — Berlin: W. Hertz, 1882. — VII, [1], 518 s.

93. *Bischoff B.* Die südostdeutschen Schreibschulen und Bibliotheken in der Karolingerzeit / Von Bernhard Bischoff. — Wiesbaden: Harrasowitz, 1960 — 1980.

T.1. Die bayrischen Diözesen. — 1960. — VIII, 280 s.

T.2. Die vorwiegend Österreichischen Diözesen. — 1980. — XIII, 292 s.

94. *Bischoff B.* Manuscripts and Libraries in the Age of Charlemagne / Bernard Bischoff; transl. a. ed. by Michael Gorman. — Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1994. — XV, 193 p. — (Cambridge studies in palaeography a. codicology; 1).

95. *Bockwitz H.H.* Beiträge zur Kulturgeschichte des Buches : Ausgewählte Aufsätze / Hans H. Bockwitz. — Leipzig : Harrasowitz, 1956. — 165 s.

96. *Bogeng G.A.E.* Die grossen bibliophilen: Geschichte der Büchersammler und ihrer Sammlungen: Bd 1—3 / Gustav Adolf Erich Bogeng. — Leipzig: E.A. Seemann, 1922.

97. *Bogeng G.A.E.* Einführung in die Bibliophilie / Gustav Adolf Erich Bogeng. — Leipzig: Hiersemann, 1931. — 351 s.

98. *Bogeng G.A.E.* Geschichte der Buchdruckerkunst. Bd 1. Der Frühdruck / G.A.E. Bogeng. — Dresden: Demeter Verlag, [1930]. — 671 s.

99. *Bowen J. A.* History of Western Education: Vol. 1—2 / James Bowen. — London: Methuen, 1971—1975.

Vol. 1. The Ancient World: Orient and Mediterranean. — 1971. — XIX, 395 p.

Vol. 2. Civilization of Europe: Sixth to Sixteenth Century. — 1975. — XXII, 504 p.

100. *Carter Th. F.* The Invention of Printing in China and its Spread Westward / Thomas Francis Carter. — N. Y. : Columbia Univ. Press, 1925. — XVIII, 282 p.; 1 table after p. XVIII.

101. *Caterino A.* Biblioteche e libri / Antonio Caterino. — Napoli: Liguori, 1988. — 273 p.

102. *Černý J.* Paper and Books in Ancient Egypt / Jaroslav Černý. — London: H. K. Lewis, 1952. — 36 p.

103. *Chan L.M.* The Burning of Books in China, 213 B. C. / Lois Mai Chan // J. of libr. history. — 1972. — Vol. 7. — № 2. — P. 101—108.

104. *Cobban A.B.* The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c. 1500 / Alan B. Cobban. — Cambridge: Scholar Press, 1988. — XVII, 465 p.

105. *Creel H.D.* Studies in Early Chinese Culture / Herrlee Glessner Creel. — London, 1938. — XXII, 266 p.

106. *Csapodi-Gárdonyi K.* Geschichte des ungarischen Buches: I. Das Zeitalter der Kodizes / Klára Csapodi-Gárdonyi // Biblos. — 1970. — Jg. 19, H. 4. — S. 268 — 270.

107. *Dahl S.* Geschichte des Buches / Svend Dahl. — Leipzig: K.W. Hiersemann, 1928. — XVI, 256 s.
108. *Denis M.* Einleitung in die Bücherkunde / Michael Denis. — Wien: Trattner, 1777—1778. — Th. 1—2.
Th. 1. Bibliographie. — 1777. — 277 s.
Th. 2. Literaturgeschichte. — 1778. — 423 s.
109. *Dinzelbacher P.* Die Bedeutung des Buches in der Karolingerzeit / Peter Dinzelbacher // Arch. für Geschichte des Buchwesens. — 1983. — Bd 24, Lfg. 2. — S. 258—287.
110. *Diringer D.* The Hand-produced Book / David Diringer. — L., [1953]. — XII, 13 — 603 p.
111. *Diringer D.* The Illuminated Book: its history and production: rev. ed. / David Diringer. — New York: Praeger, 1967. — 514 p.
112. *Escolar Sobrino H.* Historia del libro / Hipolito Escolar: Reimp. — [Madrid]: Fund. Ruiperez, 1986. — 524 p.
113. *Feather J.P.* The History of Books and Libraries: Two views / John P. Feathers, David McKitterick. — Washington: Libr. of Congress, 1986. — 32 p. — (The Center for the Book viewpoint series; № 16).
114. *Frattarolo R.* Lineamenti di storia del libro e biblioteconomia / Renzo Frattarolo. — Roma: Elia, 1984. — 292 p.
115. *Funke F.* Buchkunde: ein Überblick über die Geschichte des Buch- und Schriftwesens. — Leipzig: Harrasowitz, 1959. — 310 s.
116. *Gdoura W.* Le début de l'imprimerie arabe à Istanbul et en Syrie: evolution de l'environnement culturel {1706—1787} / Wahid Gdoura. — Tunis: Inst. supérieur de documentation, 1985. — 312 p.
117. Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur. Bd 1. Antikes und mittelalterliches Buch- und Schriftwesen / Herbert Hunger u.a. — Zürich: Atlantis Verlag, 1961. — 623 s.
118. *Głombowski K.* Książka rękopiśmienna i biblioteka w starożytności i średniowieczu / Karol Głombowski, Helena Szwejkowska. — Warszawa, [1971]. — 167 s.
119. *Górecki D.M.* Books, Production of Books and Reading in Byzantium / Danuta Maria Górecki // Libri. — 1984. — Vol. 34, № 2. — P. 113—129.
120. *Gudger E.W.* Pliny's *Historia naturalis*: the most popular natural history ever published / E.W. Gudger // Isis. — 1924. — Vol. 6, № 2 (№ 18). — P. 269—281.

121. *Hube W.* Das Buch in der christlichen Ikonographie / Walter Hube // *Biblos*. — 1968. — Jg. 17, H. 1/2 — S. 25—26.

122. *Hummel A.W.* The Development of the Book in China / Arthur W. Hummel // *Journal of the American Oriental Society*. — 1941. — Vol. 61, № 2. — P. 71—76.

123. *Hussein M.A.* Vom Papyrus zum Codex : Der Beitrag Ägyptens zur Buchkultur / Mohamed A. Hussein. — Leipzig, 1970. — 139 s.

124. *Innis H.A.* Empire and Communications / H. A. Innis. — Oxford : Clarendon Press, 1950. — [2], 230 p.

125. *Jackson S.L.* Towards a History of the Encyclopedia: from Amenemope of Egypt to the collapse of Greek in Rome / Sidney L. Jackson // *J. of libr. history*. — 1977. — Vol. 12, № 4. — P. 342—358.

126. *Johnson E.D.* Communication : a concise introd. to the hist. of the alphabet, writing, printing, books and libraries / Elmer D. Johnson. — New Brunswick : Scarecrow Press, 1955. — 211 p.

127. *Julièns M.S.* Industries anciennes et modernes de l'Empire Chinois / M. Stanislas Julièns et M. Paul Champion. — Paris: Eugène Lacroix, 1869. — XIII, [1], 254 p.; 13 pl.

128. *Kapp Fr.* Geschichte des Deutschen Buchhandels bis in das siebzehnte Jahrhundert / Friedrich Kapp. — Leipzig: Verlag des Börsenvereins der Deutschen Buchhändler, 1886. — XXIII, 880, 12 s. — (Geschichte des Deutschen Buchhandels; Bd 1).

129. *Kecskes L.S.* Chinese Ink and Inkmaking / Lily Chia-jen Kecskes // *Printing History*. — 1986. — Vol. 8. № 1. — P. 3—12.

130. *Kenyon F.G.* Books and Readers in Ancient Greece and Rome. — 2nd ed. / Frederick G. Kenyon. — Oxford : Clarendon Press, 1951. — 136 p.

131. *Kleberg T.* Bibliophiles in Ancient Rome / Tönnes Kleberg // *Libri*. — 1950. — Vol. 1, № 1. — P. 2—12.

132. *Kleberg T.* Book Auctions in Ancient Rome? / Tönnes Kleberg // *Libri*. — 1973. — Vol. 23, № 1. — P. 1—5.

133. *Labarre A.* Histoire du livre / Albert Labarre. — Paris: PUF, 1970. — 128 p.

134. *Lay M.G.* Ways of the World: a history of the world's roads and of the vehicles that used them / Maxwell Gordon Lay. — New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1992. — XIX, 401 p.

135. *Levey M.* Mediaeval Arabic bookbinding and its Relation to Early Chemistry and Pharmacology / Martin Levey. — Philadelphia,

1962. — 79 p. — (Transactions of the American Philosophical Society: new ser.; vol. 52, pt. 4, 1962).

136. *Liber librorum: cinq mille ans d'art du livre / Présenté par Hendrik D.L. Verolict; intr. De Herman Liebaers.* — Bruxelles: Arcade, 1973. — 511 p.

137. *Lim Huck-tee B. A. Books and Libraries in Malaya before the Coming of the West / B. A. Lim Huck-tee // Libr. Assoc. Record.* — 1964. — Vol. 66, № 6. — P. 241—247.

138. *Lucas A. Ancient Egyptian Materials and Industries / Alfred Lucas.* — London: Arnold, 1948. — 570 p.

(пер. на рус. яз.: Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта / А. Лукас. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 747 с.)

139. *Lucas A. The Inks of Ancient and Modern Egypt / A. Lucas // The Analyst: The Journal of the Society of Public Analysts and other Analytical Chemists.* — 1922, Jan. — Vol. 47, № 550. — P. 9 — 15.

140. *Mackensen R.S. Arabic Books and Libraries in the Umayyad Period / Ruth Stelhorn Mackensen // American Journal of Semitic Languages and Literatures.* — 1936. — Vol. 52, № 4. — P. 245—253; 1937. — Vol. 53, № 4. — P. 238—250; Vol. 54, № 1—4. — P. 41—61; 1939. — Vol. 56, № 2. — P. 149—157.

141. *Martin H.-J. Histoire et pouvoirs de l'écrit.* — Paris: Librairie Académique Perrin, 1988. — 518 p.

142. *Martin H.-J. Le livre et la civilization écrite / Henri-Jean Martin.* — Paris, 1968. — 190 p.

143. *Medieval Scribes, Manuscripts and Libraries: Essays presented to N.R. Ker / Ed. by M.B. Parkes a. Andrew G. Watson.* — London: Scolar press, 1978. — XV, 395 p.

144. *Merryweather F.S. Bibliomania in the Middle Ages: or Sketches of Bookworms, Collectors, Bible Students, Scribes and Illuminators from the Anglo-Saxon and Norman Periods to the Introduction of Printing into England / Frederick Somner Merryweather.* — London: the Woodstock Press, 1933. — 288 p.

145. *Millares Carlo A. Introducción a la historia del libro y de las bibliotecas // Augustin Millares Carlo.* — México: Fondo de cultura económica, 1981. — 399 p.

146. *Mittelalterliche Buchmalerei: Evangeliare, Bibeln, Gebetbücher aus sieben Jahrhunderten / Hrsg. Heinz Neckermann,*

Konrad H. Teckentrup. — Engen-Zimmerholz: Loh-Verlag, 1992. — 68 s.

147. *Ong. W.J.* Orality and Literacy: the technologizing of the world / Walter J. Ong. — L.: Methuen, 1982. — XI, 201 p.

148. *Pinner H.L.* The World of Books in Classical Antiquity / H.L. Pinner. — Leiden: A.W. Sijthoff, 1948. — 64 p.

149. *Raabe P.* Library History and the History of Books: two fields of research for librarians / Paul Raabe // *J. of libr. history*. — 1984. — Vol. 19, № 2. — P. 282 —297.

150. *Reichmann F.* The Sources of Western Literacy: the Middle Eastern civilizations / Felix Reichmann. — Westport (Conn.); London: Greenwood Press, 1980. — [12], 274 p.

151. *Reynolds L.D.* Scholars: a guide to the transmission of Greek and Latin literature / L.D. Reynolds and N.G. Wilson. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1968. — VIII, 185 p.; 16 plates.

152. *Rider A.D.* A Story of Books and Libraries / Alice Damon Rider. — Metuchen (N.J.): Scarecrow press, 1976. — X, 173 p.

153. *Schubart W.* Das Buch bei den Griechen und Römern / W. Schubart. — 2-e Aufl. — Berlin, 1921. — 194 s.

154. *Schweiger-Lerchenfeld F.* Das neue Buch von der Weltpost: Geschichte, Organisation und Technik des Postwesens von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart / Amand Freiherr v. Schweiger-Lerchenfeld. — Wien: A. Hartleben's Verlag, [1900?] — VII, 952 s.

155. *Shulvass M.A.* The History of the Jewish People. Vol. 1. The Antiquity / Moses A. Shulvass. — Chicago, 1982. — XIII, 214 p.

156. *Staal F.* The Fidelity of Oral Traditions and the Origin of Science / Frits Staal. — Amsterdam e. a, 1986. — 40 p. — (Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akad. van Wetenschappen. Afd. Letterkunde. Nieuwe Reeks; D. 49, № 8).

157. *Stevens N.D.* The History of Information / Norman D. Stevens // *Advances in Librarianship*. — 1984. — Vol. 14. — P. 1—48.

158. *Tsien, Tsuen-hsui.* Written on Bamboo and Silk: The Beginnings of Chinese Books and inscriptions / Tsuen-hsui Tsien. — Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1962. — XIV, 233 p.

159. *Tsien, Tsuen-hsui.* Written on Bamboo and Silk: The Beginnings of Chinese Books and Inscriptions / Tsuen-hsui Tsien. — 2nd ed. / with an afterword by Edward L. Shaughnessy. — Chicago and London: The Univ. of Chicago Press, 2004. — XXIV, 323 p.

160. *Völz H.* Handbuch der Speicherung von Information. Bd 2. Technik and Geschichte vorelektronischer Medien / Horst Völz. — Aachen: Shaker Verlag, 2005. — X, 754 s.

161. *Völz H.* Wissen — Erkennen — Information: Allgemeine Grundlagen für Naturwissenschaft, Technik and Medizin / Horst Völz. — Aachen: Shaker, 2001. — X, 548 s.

162. *Wattenbach W.* Das Schriftwesen im Altertum / W. Wattenbach. 4. Aufl. — Graz: Akad. Druck- und Verlagsanstalt, 1958. — VII, 670 s.

163. *Wiborg F.B.* Printing Ink: A History with a Treatise on Western Methods of Manufacture and Use / Frank Bestow Wiborg. — N. Y. and L.: Harper, 1926. — XX, 299 p.

164. *Widmann H.* Das Buchhandel vor der Empfindung des Buchdrucks durch Johannes Gutenberg. — Stammheim, [1968]. — 16 s. — (Antiquariatsdruck; 2).

165. *Widmann H.* Herstellung und Vertrieb des Buches in der griechisch-römischen Welt / Hans Widmann // Arch. für Geschichte des Buchwesens. — 1967. — Bd 8, Lfg. 3/4. — Sp. 545—641.

166. *Witty F.J.* Medieval Encyclopedias: a librarian's view / Francis G. Witty // J. of libr. history. — 1979. — Vol. 14, № 3. — P. 274—296.

167. *Witty F.J.* Reference Books of Antiquity / Francis J. Witty // J. of libr. history. — 1974. — Vol. 9, № 2. — P. 101—119.

168. *Zilliacus L.* From Pillar to Post: The Troubled History of the Mail / Laurin Zilliacus. — London: Heinemann, [1956]. — X, 217 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Письменность и письменное знание как основа рукописной информации	7
<i>Возникновение письменности — нижняя граница исследования</i>	7
<i>Стимулы для возникновения письменности</i>	12
<i>Переход от бесписьменной к рукописной информации</i>	16
<i>Начало книгопечатания — верхняя граница рукописной информации</i>	19
<i>Параллельное существование рукописной и полиграфической информации</i>	23
<i>Письменное знание</i>	27
Глава 2. Материалы для письма. Носители информации	32
<i>Носители информации</i>	34
Глава 3. Средства письма. Чернила	59
Глава 4. Орудия письма	76
Глава 5. Надписи и документы	84
<i>Надписи</i>	85
<i>Документы</i>	92
<i>Писцы и канцелярии</i>	98
Глава 6. Книга как феномен информационной деятельности	101
Глава 7. Формы книги	114
<i>Глиняные книги</i>	115

<i>Каменные книги</i>	116
<i>Бамбуковые и деревянные книги</i>	118
<i>Книги-потхи</i>	120
<i>Книги-гармоники</i>	122
<i>Книги-тетради</i>	124
<i>Свиток</i>	125
<i>Кодекс</i>	129
Глава 8. Переписка книг	132
<i>Переписка</i>	132
<i>Переписчики</i>	142
<i>Мастерские и центры переписки книг</i>	148
<i>Выходные сведения</i>	153
Глава 9. Украшение и переплет книги	159
<i>Украшение книги, иллюминирование, иллюстрирование</i>	159
<i>Переплет</i>	166
Глава 10. Распространение книг. Издательская деятельность и книжная торговля	173
<i>Издательское дело</i>	173
<i>Книжная торговля</i>	177
Глава 11. Библиофилия	182
Глава 12. Судьба книг: гибель и выживание	187
<i>Гибель книг</i>	187
<i>Выживание книг</i>	194
Глава 13. Образование	196
Глава 14. Средства связи	212
Список литературы	230

Научное издание

Семеновкер Борис Арьевич
ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рукописная информация. Часть 1

Директор издательства *И.И. Шестопалов*

Заведующая редакцией *И.П. Донскова*

Художник *В.В. Покатов*

Редактор *Л.А. Опарина*

Технический редактор *Н.В. Соловьева*

Компьютерная верстка *Н.И. Павловой*

Корректор *А.Н. Макаров*

Подписано в печать 16.12.08
Гарнитура «Newton». Бумага офсетная
Печать офсетная. Формат 60×84 1/16
Уч.-изд. л. 11,19. Усл. печ. л. 15,5
Изд. № 1-4-2008. Тираж 500 экз. Заказ №

ФГУ «Российская государственная библиотека»,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, Воздвиженка, 3/5
Тел./факс: +7(495) 695-59-53
E-mail: pashkov_dom@rsl.ru

В 2009 году издательство «Пашков дом» Российской государственной библиотеки продолжает проект «Эволюция информационной деятельности» выпуском второй части книги «Рукописная информация».

Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Ч. 2. Архивы, библиотеки, музеи. Монография. 15 а. л.

Вторая часть «Рукописной информации» — продолжение проекта «Эволюция информационной деятельности» известного историка библиографии и информационной деятельности в целом Б.А. Семеновкера. Посвящена она истории возникновения, развития и взаимодействия до начала книгопечатания трех основных информационных институтов: архивов, библиотек и музеев. Следующая, третья часть будет посвящена библиографии.

Книга предназначена для специалистов по различным вопросам информационной деятельности, прежде всего по архивному, библиотечному и музейному делу, а также по книговедению, научной информации и библиографии. Она представляет интерес для тех, кто интересуется историей информационной деятельности как составной части мировой цивилизации. Книга должна напоминать всем, кто занят в современной инфосфере, о том, что они являются наследниками многовековой культуры.

Семеновкер Б.А. Эволюция инфо

100 руб

4-1

2 200000 002624